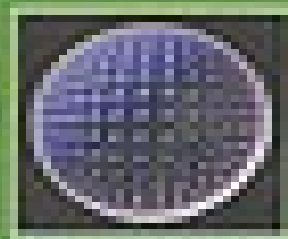

Современная

фантастика

Роберт Хайнлайн ВРЕМЯ ДЛЯ ЗВЕЗД

Научно-фантастические романы

Издательство «Азбука»

Человек, перед которым склонили головы такие мастера, как Артур Кларк, Айзек Азимов и Гарри Гаррисон... Согласно всеобщему мнению, он был лучшим Фантастом в мире. Человек-легенда, Роберт Хайнлайн... Настало «Время для звезд»!

Второй роман сборника – «Имею скафандр – готов путешествовать...».

- [Роберт Хайнлайн](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)

Роберт Хайнлайн
Время для Звезд

Если верить биографиям, в земном пути избранников Судьбы все спланировано с самого начала. Наполеон уже босоногим корсиканским мальчишкой прикидывал, как он будет править Францией, примерно то же самое происходило и с Александром Великим, а Эйнштейн, так тот прямо в колыбели бормотал свои уравнения.

Может, так и есть. Что касается меня, я просто жил себе потихоньку. Когда-то давно я видел в одной старой книге, принадлежавшей моему дедушке Лукасу, карикатуру, на которой был нарисован человек в вечернем костюме, прыгающий с лыжного трамплина. С видом потрясенным и неверящим он произносил: «И как это меня сюда занесло?»

Очень хорошо понимаю его ощущения. И как это меня сюда занесло? Меня и рожать-то даже не собирались. Не облагаемая налогом квота для нашей семьи была трое детей, а тут появился такой роскошный подарочек, состоявший из моего брата Пэта и меня. Мы были огромным сюрпризом для всех, а особенно – для моих родителей, моих трех сестер и налоговых инспекторов. Не помню, чтобы я сам тогда удивлялся, но самые первые воспоминания связаны у меня со смутным ощущением, что мое существование не вызывает особого восторга, хотя, если говорить правду, отец, мать, Вера, Надежда и Любовь относились к нам вполне прилично.

Вполне возможно, отец не лучшим образом повел себя в сложившихся, чрезвычайных обстоятельствах. Многие семьи получали дополнительную квоту или договорившись с какой-нибудь другой семьей, или как там еще, особенно в тех случаях, когда не облагаемый предел был исчерпан сплошными мальчиками или сплошными девочками. Но отец был не таким, он был упрямым. Он считал этот закон неконституционным, несправедливым, дискриминационным, противным общественной морали, а также воле божьей. Он перечислял вам список разных великих, бывших младшими детьми в своих семьях, начиная с Бенджамена Франклина и кончая первым губернатором Плутона, а затем требовал ответить ему на простой вопрос – где было бы человечество сейчас, если бы не они? – после чего маме приходилось его успокаивать.

Возможно, отец и был прав, ведь он был знатоком почти во всем, даже в своей профессии, которой являлась микромеханика, а особенно – в области истории. Он хотел назвать нас в честь двух величайших, по его мнению, героев американской истории, а мама – в честь своих любимых художников. Вот таким-то образом я и оказался Томасом Пейном Леонардо да Винчи Бартлетом, а мой братец – Пэтриком Генри Микельанджело Бартлетом. Отец звал нас Томом и Пэтом, мама – Лео и Майклом, а сестрицы – Ненужным и Вдвойне Ненужным. Победил, будучи самым упрямым, отец.

А упрямым папа был. Он мог заплатить ежегодный подушный налог за нас, лишних, подать заявление на квартиру для семерых и смириться перед неизбежным. После этого он мог подать заявление с просьбой о пересмотре для нашей семьи лимита. Вместо всего этого он каждый год требовал освобождения нас, близнецов, от налога, что каждый раз кончалось одинаково – он платил наш подушный налог чеком со штампом «ОПЛАЧЕНО БЕЗ СОГЛАСИЯ», а мы семеро продолжали жить в квартире для пятерых. Когда мы с Пэтом были маленькими, мы спали в самодельных колыбелях в ванной, что не представляло особых удобств для остальных членов семьи. Когда мы подросли, мы спали на кушетке в гостиной, что было неудобно для всех, особенно для наших сестриц, считавших, что такое положение сильно портит их жизнь.

Папа мог разрешить все эти проблемы, подав заявление на эмиграцию нашей семьи на

Марс, Венеру или спутники Юпитера; время от времени он поднимал этот вопрос. Однако вопрос этот был тем единственным, что вызывало в маме упрямство даже большее, чем у него. Не знаю уж, что именно так пугало ее в перспективе космического полета. Она просто плотно сжимала губы и не отвечала ни слова. Папа говорил, что при эмиграции предпочтения оказывают как раз большим семьям и что подушный налог как раз и предназначен для субсидирования внеземных колоний, и почему бы тогда не попользоваться теми деньгами, которые у нас отняли? Не говоря уж о том, что дети смогут расти на свободе, не стучаясь все время друг о друга там, где за спиной каждого настоящего работника не стоит по бюрократу, только и мечтающему изобрести еще какие-нибудь правила и ограничения. Ну почему, ответь ты мне, почему? Мама так и не ответила, а мы так и не эмигрировали.

Нам всегда не хватало денег. Два лишних рта, лишние налоги и отсутствие пособий на двоих детей – в результате всего этого закон о стабилизации семейного дохода «сидел» на нашей семье так же плохо, как одежды, которые мама перешивала нам из отцовского старья. Очень редко мы могли позволить себе заказать обед на дом по телефону, как это делали другие. Папа даже приносил домой несъеденные остатки своего обеда с работы. Мама снова пошла работать, как только мы, близнецы, стали ходить в детский сад, однако единственным нашим домашним роботом была допотопная модель «Мамин помощник» фирмы Моррис Гараж. Эта штука ежесекундно пережигала пробки, и программирование ее занимало почти столько же времени, сколько потребовалось бы, чтобы сделать все вручную. Мы с Пэтом близко познакомились с моющими средствами и грязной водой, по крайней мере я – познакомился. Пэт обычно настаивал на стерилизации посуды, или у него был содран палец, или с ним случалось что-нибудь еще.

Папа часто говорил о скрытых преимуществах бедной жизни – о науке надеяться только на себя, о закаливании характера и обо всем прочем. К тому времени как я стал достаточно взрослым, чтобы понимать эти разговоры, я стал достаточно взрослым, чтобы хотеть, чтобы эти преимущества не были столь неощутимыми. Однако, если подумать теперь, он, возможно, и был кое в чем прав. Жила наша семья весело. Мы с Пэтом держали на кухне хомяков, и мама никогда не возражала. Когда мы превратили ванную комнату в химическую лабораторию, девицы поначалу отнеслись к этому неприязненно, однако, когда отец хотел нам помешать, они уговорили его не делать этого и стали развешивать белье где-то в другом месте, а позднее, когда мы вылили кислоту в раковину и испортили канализацию, мать защищала нас от упреков. Только однажды мама была против нашей затеи – это случилось, когда ее брат, дядя Стив, вернулся с Марса и подарил нам несколько канальных червей, которых мы решили разводить на продажу. А когда папа, принимая душ, наступил на одного из них (так как мы не обсудили с отцом своих планов), она заставила нас сдать их в зоопарк, кроме того, на которого папа наступил – от него уже было мало толку. Вскоре после этого мы сбежали из дому, чтобы записаться в Космическую Морскую Пехоту – дядя Стив был сержантом-баллистиком – и когда прибавить себе лет не вышло и нас отправили домой, мама не только не ругалась, но, как выяснилось, все это время, пока нас не было, она кормила наших змей и шелковичных червей.

Да, я думаю, что мы были счастливы. Но тогда нам так не казалось. Мы с Пэтом были очень близки и все делали вместе, но мне бы хотелось сказать вот что: быть близнецами – это не идиллия Дамона и Финтия^[1], которую вам внушают сентиментальные писатели. Тебя сближает с другим человеком то, что ты родился вместе с ним, жил с ним в одной комнате, ел с ним, играл с ним, работал с ним и, судя по собственным воспоминаниям или воспоминаниям других, никогда ничего не делал без него. Все это сближает, делает вас почти незаменимыми друг для друга, но это совсем не значит, что вы любите этого человека.

Я хочу сказать все это, потому что с тех пор, как близнецы стали вдруг такими важными

особами, о них успели наговорить уйму всякой ерунды. Я – это я; я – не мой брат Пэт. Я всегда могу различить нас, даже если другие на это не способны. Он – правша, я – левша. И с моей точки зрения, я тот человек, который почти всегда получает меньший кусок пирога. Я помню случаи, когда Пэт, ловко извернувшись, получал оба куска. Я не выражаюсь образно, а говорю об обычном глазированном торте, и о том, как брат всех обманул и вдобавок к своему получил мой кусок, заставив родителей думать, что он – это мы оба; а все мои протесты были бесполезны. Десерт, если тебе восемь лет, может быть самым торжественным событием дня, а нам как раз было по восемь.

Я не жалуясь... хотя даже теперь, после всех прожитых лет и пройденных миль, я ощущаю комок гнева в горле при воспоминании о том, как был наказан: отец и мать решили, что именно я хочу выцыганить две порции десерта. Я не жалуясь, я просто пытаюсь рассказать правду. Доктор Деверо сказал, чтобы я написал об этом и начал с того, что значит – быть близнецами. Ведь вы же не близнец, не правда ли? Может, вы и близнец, но сорок четыре против одного – что нет. Даже не разнаяйцовый, в то время, как мы с Пэтом однайцовые, что встречается еще в четыре раза реже.

Говорят, что один из близнецов всегда несколько отсталый – я лично так не думаю. Мы с Пэтом всегда были похожи так же, как два ботинка одной пары. Иногда, когда мы отличались друг от друга, я оказывался на четверть дюйма выше и на фунт тяжелее; затем мы уравнивались. В школе мы получали одинаково хорошие оценки, у нас одновременно резались зубы. Что у него было – так это хватка, не в пример моей, что психологи называют «очередностью клева». Но все это было неуловимо настолько, что различить было невозможно, а со стороны так и вовсе не было заметно. Насколько я помню, началось это с пустого места, однако развилось в схему поведения, поломать которую не смог бы ни один из нас, как бы ему этого не хотелось.

Может, если бы акушерка первым приняла меня, когда мы родились, именно я бы и получал больший кусок. А может быть, она как раз меня первым и приняла, – я же не знаю, как все это началось.

Только не думайте, что быть близнецом, который всегда получает меньший кусок, очень плохо. Чаще всего это хорошо. Ты попадаешь в незнакомую толпу, где чувствуешь себя робко и неуверенно, и вот, на расстоянии в пару футов от тебя появляется твой близнец, и ты больше не одинок. Или ты получил от кого-то удар в челюсть, а, пока у тебя все плывет перед глазами, твой близнец ударил его, и победа на вашей стороне. Ты провалился на экзамене, и твой близнец провалил его с таким же треском, так что опять ты не один. Но не думайте, что быть близнецом – это значит иметь очень близкого и верного друга. Это совершенно не так и, в то же время – это нечто большее. Впервые мы с Пэтом столкнулись с Фондом Далеких Перспектив, когда этот самый мистер Гикингг заявился к нам домой. Мне он не понравился. Папа тоже его невзлюбил и даже хотел выставить из дома, однако тот уже уселся за столом с чашкой кофе в руке, так как у матери представления о гостеприимстве были самые что ни на есть твердые.

Таким образом этому типу Гикингу и было дозволено изложить, что же именно привело его к нам. Он был, по его словам, разъездным агентом «Генетических исследований».

– Это что еще такое? – резко спросил отец.

– «Генетические исследования» – это научное агентство, мистер Бартлет. Настоящий проект состоит в сборе данных о близнецах. Ведется эта работа в интересах общества, и мы надеемся на Ваше сотрудничество.

Папа набрал в легкие побольше воздуха и влез на воображаемую трибуну, которая у него всегда была наготове.

– Снова это правительство сует всюду свой нос. Я – добропорядочный гражданин: я плачу по счетам и содержу свою семью. Мои ребята ничем не отличаются от любых других. Я

невыносимо устал от того, как к ним относится правительство. И я не намерен позволить дергать их, колоть и по-всякому исследовать для того только, чтобы доставить удовольствие какому-то там бюрократу. Мы хотим только одного – чтобы нас оставили в покое и чтобы это самое правительство согласилось с очевидным фактом, – мои ребята имеют не меньшее право дышать воздухом и занимать свое место под солнцем, чем кто-либо другой.

Отец не был невежественным человеком, просто во всем, что касалось нас с Пэтом, у него срабатывала автоматическая реакция, подобная рычанию собаки, которую часто пинают. Мистер Гикинг попытался было успокоить его, но не тут-то было. Если отец заводил свою пластинку, прервать его было невозможно.

– И передайте этому своему Департаменту Контроля Народонаселения, что я не собираюсь иметь ничего общего с их «генетическими исследованиями». Что они хотят выяснить? Вероятно, как предотвратить рождение близнецов. А что плохого в близнецах? Вот что было бы с Римом без Ромула и Рема?^[2] Ответьте мне! Мистер, да знаете ли Вы, сколько...

– Пожалуйста, мистер Бартлет, поймите, я не связан с правительством.

– Э? А что же Вы сразу не сказали? Кто же вас тогда прислал?

– «Генетические исследования» – это агентство Фонда Далеких Перспектив.

Тут я почувствовал, что у Пэта неожиданно возник интерес к происходящему. Конечно, о Фонде Далеких Перспектив слышали все, но вышло так, что мы с Пэтом как раз только что сделали курсовую работу по некоммерческим корпорациям, причем использовали Фонд в качестве типичного примера. Нас заинтересовали цели Фонда Далеких Перспектив. На его гербе были слова «Хлеб, пущенный по воде», а на первой странице устава – «На благо наших потомков». Дальше в уставе было напущено море юридического тумана, который управляющие Фонда понимали как указание тратить деньги только на то, на что ни правительство, ни какие-нибудь другие корпорации своих средств расходовать не станут. Того, чтобы предложенный проект был интересен с научной точки зрения и благотворен с социальной, было недостаточно; он должен был быть настолько дорогостоящим, чтобы никто за него не взялся, а возможные его результаты должны были сказаться в столь отдаленном будущем, что оправдать его в глазах налогоплательщиков или держателей акций не было бы ни малейшей возможности. Чтобы заставить управляющих Ф.Д.П. загореться энтузиазмом, вы должны были предложить нечто такое, что будет стоить миллиард или больше и, скорее всего, не даст ощутимых результатов в течение десяти поколений, если вообще когда-нибудь их даст... что-нибудь типа проекта управления погодой (этим они уже занимались) или проблемы, куда деваются ваш кулак, когда вы разжимаете руку.

Самое смешное – что хлеб, пущенный по воде, действительно возвращается сторицей; на самых сомнительных проектах Ф.Д.П. заработал прямо-таки непристойные суммы денег – я имею в виду непристойные для некоммерческой организации, каковой он и являлся. Вот взять хотя бы проблему космических путешествий – пару сотен лет тому назад эта проблема казалась прямо-таки нарочно придуманной для Ф.Д.П.: дело было фантастически дорогим и не обещало в обозримом будущем никаких результатов, идущих в какое бы то ни было сравнение с капиталовложениями. Одно время некоторые правительства занимались этим, имея в виду военное применение, но Бейрутский Договор 1980 года покончил даже с такими работами.

Именно тогда Фонд Далеких Перспектив вышел на сцену и начал радостно транжирить деньги. Как раз в это время корпорация к своему ужасу заработала несколько миллиардов на масс-конвертере Толмсона, намереваясь первоначально потратить не меньше столетия на одни только первоначальные исследования. Так как они не могли раздать дивиденды (ввиду отсутствия акционеров), им надо было каким-нибудь образом избавиться от всех этих денег; космические путешествия представлялись вполне подходящей дырой, куда их можно было

запихнуть.

О том, что из этого вышло, знают даже дети: факел Ортеги сделал полеты в пределах Солнечной системы дешевыми, быстрыми и простыми: односторонне проницаемый энергетический экран сделал внеземную колонизацию осуществимой и практически выгодной; Ф.Д.П. просто не мог тратить деньги с такой скоростью, с какой они поступали.

Конечно, в тот вечер я об этом не думал; просто так уж вышло, что мы с Пэтом знали про Ф.Д.П. несколько больше, чем большинство старшеклассников... видимо, больше, чем знал наш отец, так как он фыркнул и ответил:

– Как ты говоришь, «Фонд Далеких Перспектив»? Уж лучше бы ты был от правительства. Если бы такие загребушие организации облагались как следует налогами, государству не приходилось бы драть со своих граждан эту подушную подать.

А вот это не было правдой, не было «аналитической зависимостью», как выражались в «Началах Математической Эмпирики». Мистер Мак Кифи велел нам оценить влияние – если такое вообще имеется – Ф.Д.П. на экспоненциальную кривую роста технологии. Так, или я провалил курсовую работу, или именно Ф.Д.П. не дал этой кривой пойти на спад в начале XXI века – я хочу сказать, что «культурное наследие», запасы знаний и богатств, не дающие нам превратиться в дикарей, – все это сильно выросло из-за того, что такие некоммерческие исследовательские организации были освобождены от налогов. И я не высосал эту информацию из пальца – есть цифры, подтверждающие это. Что произошло бы, если бы старейшины племени заставили бы Уга охотиться вместе с остальными, вместо того, чтобы оставаться дома и изобретать первое колесо, пока мысль о нем еще ярко горела в его голове? Мистер Гикинг ответил:

– Мистер Бартлет, я не могу обсуждать преимущества и недостатки такого положения вещей. Я всего лишь служащий.

– И вот я-то как раз и плачу Вам жалование. Помимо своего желания и косвенно, но тем не менее плачу.

Мне хотелось ввязаться в этот спор, однако я чувствовал, что Пэт что-то задумал. Впрочем, это не имело значения; мистер Гикинг пожал плечами и сказал:

– Ну, если так, то спасибо Вам за гостеприимство. Просто пришел я сюда только затем, чтобы попросить Ваших двойняшек пройти несколько тестов и ответить на несколько вопросов. Тесты безвредны, а все результаты будут сохранены в тайне.

– А что вы пытаетесь выяснить?

Думаю, что мистер Гикинг не покривил душой, когда ответил:

– Этого я не знаю. Я всего лишь разъездной агент, я не руковожу этим проектом.

Вот тут-то и вступил Пэт.

– Не понимаю, папа, почему бы и нет? Мистер Гикинг, тесты у Вас в портфеле?

– Патрик...

– Папа, ничего страшного тут нет. Так какие там тесты, мистер Гикинг?

– Ну, это делается не совсем так. Наш проект разрабатывается в одной из контор, находящихся в здании Транс-Лунарной компании. Прохождение тестов занимает примерно полдня.

– Так, это значит на другой конец города и полдня там... а сколько вы платите?

– Что? Мы просим испытуемых пожертвовать своим временем в интересах науки.

Пэт покачал головой.

– Тогда извините, мистер Гикинг, сейчас у нас экзаменационная неделя... к тому же нам с братом приходится подрабатывать в школе.

Я молчал. Экзамены у нас уже закончились, остался только «исторический анализ», краткий

курс без математики, только немного статистики и псевдопространственного счисления, а школьная химическая лаборатория, в которой мы подрабатывали, на время экзаменов была закрыта. Я уверен, отец не знал всего этого, иначе он мгновенно вмешался бы. Он всегда готов по малейшему поводу напаять тогу римского судьи.

Пэт встал, и я вслед за ним. Мистер Гикинг продолжал сидеть.

– Но можно и договориться, – ровным голосом произнес он.

Пэт запросил у него столько же, сколько мы зарабатывали мытьем посуды в лаборатории за месяц, – и это за один вечер работы, а затем содрал еще и добавку, когда выяснилось, что нам придется проходить тесты вместе (будто мы поступили бы как-нибудь по-другому!). Мистер Гикинг заплатил без малейших колебаний, наличными, вперед.

Глава 2

Натуральный логарифм двойки

Никогда в жизни не видел такой уймы близнецов, какая толпилась в ожидании на сороковом этаже здания Транс-Лунарной компании в следующую пятницу. Я не люблю находиться среди близнецов, начинает казаться, что двоится в глазах. И не надо говорить мне, что я непоследователен: я никогда не видел близнецов, частью которых являюсь сам, – я видел только Пэта. У Пэта были сходные ощущения; мы никогда не дружили с другими близнецами. Он оглянулся и присвистнул.

– Том, ты когда-нибудь в жизни видел такую уйму запасных деталей?

– Никогда.

– Будь моя воля, я бы перестрелял половину.

Он говорил тихо, чтобы никого не обидеть; мы с Пэтом переговаривались шепотом, как заключенные в тюрьмах. Посторонним было не разобрать ничего, хотя мы понимали друг друга без малейшего труда.

– Тоскливо все это, правда?

Тут он тихо присвистнул, и я посмотрел туда, куда смотрел он. Само собой, это были близнецы, но тот случай, когда один – хорошо, а два – лучше; рыжие сестрички, помладше нас, но не совсем уж маленькие – пожалуй, лет шестнадцати – и хорошенькие, как персидские котята.

На нас эти сестрицы подействовали, как свет на мошек. Пэт прошептал:

– Том, мы просто обязаны уделить им немного времени, – и направился прямо к ним. Я – следом. Одеты они были в нечто псевдошотландское, рядом с зеленой тканью их шевелюры пылали, как костры, и на наш взгляд они были прелестны, как свежесвыпавший снег. И холодом от них веяло точно так же. Пэт начал было болтать, чтобы завязать разговор, потом голос его как-то затих, а потом и вовсе смолк; они смотрели сквозь него, не видя. Я покраснел, и одно только спасло нас от крайней неловкости – залаял громкоговоритель.

– Пожалуйста, внимание! Вас просят пройти к дверям, отмеченным первой буквой вашей фамилии.

Ну мы и пошли к двери А–Д, а рыжие сестрицы поплыли в противоположный конец коридора, так нас и не увидев. Когда мы заняли очередь, Пэт пробормотал:

– У меня что, подбородок яйцом перемазан? Или они дали обет девственности?

– Вероятно, и то и другое, – ответил я. – И вообще я предпочитаю блондинок. – Это было правдой, так как Моды была блондинкой. Мы с Пэтом уже около года встречались с Моды Корик. Вы можете назвать это постоянством, хотя, что касается меня, эти свидания обычно сводились к тому, что я торчал где-нибудь с подружкой Моды – Хеддой Стэйли, которая не могла придумать для поддержания оживленной беседы ничего остроумнее, чем вопрос, не кажется ли мне, что Моды – самая хорошенькая девочка, какую только можно себе представить. В силу того, что с одной стороны это было правдой, а с другой – ответить на это было невозможно, наши беседы не отличались оживленностью.

– Если подумать, то и я, – согласился Пэт, не уточняя, каких блондинок. Моды была единственным предметом, по поводу которого мы были скрытны друг с другом. – Но вообще-то у меня широкие взгляды. – Он пожал плечами и бодро добавил: – В любом случае, это не единственный вариант.

Это уж точно, так как из сотен находившихся там близнецов примерно треть была

достаточно близка к нам по возрасту, чтобы не находиться вне рассмотрения, и из них половина, насколько я мог оценить, не подсчитывая, принадлежала к тому полу, который превращает обычное сборище в социальное собрание. Но в то же время до этих рыжих не дотягивал никто, так что я начал оглядывать толпу в целом.

Самая старая пара, которую я увидел, двое взрослых мужчин, была не старше, чем тридцать с небольшим, потом я увидел маленьких девочек-близнецов, лет так по двенадцати – за ними следовала их мамочка, но большинству было что-то около двадцати. И только я подумал, что «Генетические исследования» подбирали испытуемых по возрастным группам, как оказалось, что подошла наша очередь, и клерк спрашивает:

– Ваши фамилии, пожалуйста?

На протяжении следующих двух часов мы ходили от одного сборщика данных к другому. У нас брали отпечатки пальцев, анализ крови, мы подчеркивали «да» или «нет» в ответ на сотни идиотских вопросов, на которые и ответить-то «да» или «нет» было невозможно. Медицинское обследование было крайне подробным и включало в себя обычную тщательно спланированную дурацкую процедуру, когда полностью раздетую жертву заставляют стоять босиком на холодном полу в помещении, температура воздуха в котором градусов на пять ниже, чем надо, одновременно дергая страдальца по-всякому и задавая ему грубые интимные вопросы.

Все это мне невыносимо надоело, и я даже не засмеялся, когда Пэт прошептал, что нам следовало бы содрать одежду с врача, ткнуть его в брюхо и заставить сестричку записать, как это ему понравилось. Утешало меня только то, что Пэт хорошенько высмеял их за все эти забавы. Потом нам позволили одеться и проводили в комнату, где за письменным столом сидела довольно приятная женщина. Перед ней на столе стояло устройство, при помощи которого она изучала две наложенные друг на друга личностные характеристики. Характеристики почти совпадали, но я попытался тайком подсмотреть, чем они различаются. Только я не знал, какая из них – моя, а какая – Пэта да и вообще я не специалист в математической психологии.

Женщина улыбнулась нам и сказала:

– Садитесь, мальчики. Меня зовут доктор Арно, – она взяла со стола характеристики и пачку перфокарт. – Идеальные зеркальные близнецы, вплоть до декстрокардии [\[3\]](#). Случай интересный.

Пэт попытался заглянуть в бумаги:

– Доктор, а какой у нас на этот раз I. Q.?

– Неважно. – Она положила бумаги на стол и прикрыла их, а затем взяла в руки пачку карточек. – Вы когда-нибудь имели дело с такими?

Конечно же, имели, ведь это были классические Райновские карты, зигзаги, звезды и все такое прочее. В каждом кабинете психологии есть такой комплект, а высокий результат почти всегда означает только то, что какой-нибудь умник сообразил, как надуть преподавателя. По правде говоря, Пэт тоже придумал совсем простой способ обмана, после чего наш учитель устало, без всякой злости разделил нас и заставил проходить испытание только с другими ребятами, после чего наши результаты упали до уровня среднестатистических. Так что я к этому времени был уже вполне убежден, что мы с Пэтом никакие не экстрасенсы, и Райновские карты воспринял как еще один скучный тест.

Однако я почувствовал, как Пэт насторожился.

– Слушай внимательно, – услышал я его шепот, – и мы устроим им цирк.

Доктор Арно, естественно, ничего не услышала. Я был не уверен, что надо так делать, но в то же время знал, что если он исхитрится сигналить мне, я не удержусь и выдам липовые результаты. Однако беспокойство мое было напрасным; доктор Арно куда-то увела Пэта и вернулась без него. При помощи микрофона она была связана с другой комнатой, где сидел Пэт,

однако шептать по этой линии не было ни малейшего шанса; она работала только тогда, когда ее включала доктор Арно. Она начала эксперимент сразу же.

– Мэйбл, первая серия через двадцать секунд, – сказала она в микрофон и выключила его, а затем повернулась ко мне. – Я буду класть перед Вами карты, а Вы будете смотреть на них, – сказала доктор Арно, – стараться и напрягаться не надо. Просто смотрите на них и все.

Ну я и смотрел. Продолжалось все это с некоторыми вариациями примерно с час. Иногда от меня требовалось, чтобы я принимал, иногда – чтобы передавал. Что там получалось, я не знал, так как результатов нам не сообщали.

В конце концов доктор Арно посмотрела на свои записи и сказала:

– Том, я хотела бы сделать Вам небольшой укол. Он не принесет Вам вреда, а к тому времени, как Вы пойдете домой, его действие окончится. Хорошо?

– А какой это укол? – спросил я с некоторым недоверием.

– Да не беспокойтесь, он совершенно безвредный. Я просто не хочу говорить Вам, что это такое, потому что Вы можете подсознательно изобразить ожидаемую реакцию.

– Ну... а что говорит мой брат? Ему вы тоже сделаете укол?

– Это не имеет значения, я вас спрашиваю.

Я все еще оставался в неуверенности. Наш отец не слишком одобрял уколы и все такое, разве только в этом была крайняя необходимость; как-то он устроил большой скандал из-за того, что нам сделали прививки от энцефалита.

– Вы доктор медицины? – спросил я.

– Нет, у меня степень в области биологии. А что?

– Тогда откуда вы знаете, что он безвредный, этот укол?

Она закусила губу, а потом ответила:

– Если хотите, я пошлю за доктором медицины.

– Да нет, я думаю, это не обязательно.

Тут я вспомнил, как отец рассказывал что-то такое про вакцину сонной болезни, и добавил:

– А Фонд Далеких Перспектив дает нам страховку от возможных последствий?

– Что? Конечно, я уверена, что дает. – Она взглянула на меня и добавила:

– Том, а как вышло, что мальчик вашего возраста стал таким недоверчивым?

– А? А почему вы спрашиваете об этом меня? Это же вы – психолог, мадам. И вообще, – добавил я, – если бы вы столько же раз садились на кнопки, сколько я, Вы бы тоже стали недоверчивой.

– Ммм... ну ладно. Я уже столько лет занимаюсь психологией, а все еще не могу понять, что делается с молодым поколением. Так вы дадите сделать себе укол?

– Ну, пожалуй, дам – раз уж Ф.Д.П. обеспечивает страховку. Вы только напишите, что именно вы мне вводите, и распишитесь.

На ее щеках вспыхнули красные пятна. Однако она взяла лист бумаги, что-то на нем написала, сложила, вложила в конверт и заклеила.

– Положите это себе в карман, – отрывисто сказала она. – И не заглядывайте туда, пока эксперимент не закончится. А теперь закатайте левый рукав.

Сделав мне укол, она ласково сказала:

– Это будет несколько болезненно... надеюсь. – Так оно и было.

Затем доктор Арно выключила в комнате все лампы, за исключением лампочки в своем устройстве для сравнения характеристик.

– Вам удобно?

– Вполне.

– Извините, если я была несколько раздражена. Вам надо расслабиться и устроиться

поудобнее. – Она подошла и сделала что-то с креслом, на котором я сидел. Оно плавно откинулось, и теперь я почти лежал в гамаке. – Расслабьтесь и не сопротивляйтесь тому, что вы чувствуете. Если вас начнет клонить в сон, то так и должно быть. – Она села на место, и теперь мне было видно только ее лицо, освещенное экраном. Я решил, что доктор Арно очень хорошенькая, несмотря даже на то, что при ее возрасте это не имело для меня никакого значения. Ей было лет тридцать, а то и больше. Кроме того, она вообще была приятной. Она несколько минут говорила еще что-то своим ласковым голосом, но что она там говорила, я толком не помню. Наверное, я уснул, потому что потом вдруг оказалось, что вокруг темно, как в яме, и Пэт где-то совсем рядом со мной, хотя я не заметил ни как потух свет, ни как открылась дверь. Я хотел уже с ним заговорить, когда услышал его шепот:

– Том, ты когда-нибудь видел такую идиотскую чушь?

– Смахивает на то, как нас посвящали в Сенегальские Каннибалы.

– Да тише ты, они услышат...

– Это ты сам громко говоришь. Да и вообще, кому какое дело? Давай покажем им, что такое боевой клич Каннибалов, чтобы у них от страха волосы дыбом встали.

– Потом, потом. В настоящий момент моя подружка Мейбл желает, чтобы я зачитал тебе ряд чисел. Так что пусть первыми позаботятся они. Они же, в конце концов, платят за это.

– Ладно, давай.

– Ноль запятая шесть девять три один.

– Это натуральный логарифм двойки.

– А чего бы ты хотел? Номер телефона Мейбл? Заткнись и слушай. А потом повторяй, три запятая один четыре один пять девять...

Так продолжалось какое-то время. Некоторые из чисел были знакомыми, вроде первых двух, остальные могли быть случайными, может, среди них был даже и номер телефона Мейбл – откуда мне знать? Потихоньку я затосковал и подумывал уже било издать боевой клич самостоятельно, когда услышал негромкий голос доктора Арно.

– Конец теста. Пожалуйста, оба лежите спокойно несколько минут и расслабьтесь. Мейбл, встретимся в кабинете обработки данных. – Я слышал, как она вышла, так что бросил мысль о боевом кличе и расслабился. Я несколько одурел от повторения всех этих цифр в полной темноте и вообще, как говаривал дядя Стив, когда представляется возможность отдохнуть, не отказываясь от нее, может, в следующий раз она представится нескоро. Потом я услышал, как дверь снова открылась, и вдруг зажмурился от яркого света. Доктор Арно сказала:

– На сегодня все, Том... и большое вам спасибо. Мы хотели бы встретиться с вами и с вашим братом завтра в то же время.

Я еще немного поморгал и огляделся.

– А где Пэт? Что он говорит?

– Вы встретитесь с ним в приемной. Он сказал, что вы оба можете прийти завтра. Вы ведь можете, правда?

– Ну, наверное, да, если он согласен. – Мне было несколько совестно за тот фокус, который мы устроили, поэтому я добавил: – Доктор Арно, простите, если я вас обидел.

Она похлопала меня по плечу и улыбнулась.

– Ничего. Вы правы, что ведете себя осторожно, и вы оказались хорошим подопытным. Посмотрели бы вы на тех дикарей, которые иногда нам попадаются. До завтра.

Пэт ждал меня в той самой большой комнате, где мы видели рыжих. Он пошел за мной, и мы отправились к опускной шахте.

– Я поднял плату за завтрашний день, – произнес он с самодовольным видом.

– Поднял? Пэт, а стоит ли нам это делать? То есть я хочу сказать, что шутки шутками, но

если они в конце концов выяснят, что мы просто дурачимся, то мало нам не покажется. Могут даже заставить нас вернуть то, что уже заплатили.

– А как это они нас заставят? Нам платили за то, что мы явились сюда и прошли тест. Именно это мы и сделали. Это уж их дело – организовать тесты так, чтобы результаты были надежными. Если бы я их организовывал, я бы сумел.

– Пэт, ты мошенник и жулик сразу.

Я вспомнил доктора Арно... Такая приятная женщина.

– Пожалуй, я завтра останусь дома.

Сказал я это в тот момент, когда Пэт нырнул в шахту. Весь путь вниз он был футов на десять ниже меня, и у него было сорок этажей на обдумывание ответа. Когда я приземлился рядом с ним, он ответил мне, сменив тему:

– Они делали тебе инъекцию?

– Да.

– Ты догадался заставить их дать подписку об ответственности или постеснялся?

– Ну, вроде того, – я пощупал конверт, лежащий в моем кармане; я уже успел забыть о нем. – Я заставил доктора Арно написать, что она нам вводила.

Пэт протянул руку к конверту.

– Мои извинения, маэстро. С помощью моих мозгов и твоей удачи мы сделали, что хотели. – Он начал вскрывать конверт. – Спорю, это был неопентотал – или что-нибудь из барбитуратов.

Я выхватил у него конверт.

– Это мой.

– Ну и открывай его сам, – ответил он, – и не задерживай уличное движение. Очень хочется поглядеть, каким это наркотиком они нас напичкали.

Мы вышли из здания на пешеходный уровень, в совете Пэта определенно был смысл. Прежде чем вскрыть конверт, я, а затем и он, прошел по переходу на быструю западную полосу и встал за ветровым козырьком. Только я развернул лист, как Пэт начал читать вслух через мое плечо:

– Фонд Далеких Перспектив, и все такое прочее – для инъекций, введенных субъектам 7L 435 и 6 Т. П. Бартлету и П. Г. Бартлету (идентичные близнецы) использовалась дистиллированная вода с необходимым уровнем солей и дозировкой – каждая по одной десятой куб. см. Подпись «Доктор Арно. Доктор-Биолог. От имени Фонда». Том, нас надули!

Я уставился на бумагу, пытаюсь как-то соотнести то, что со мной творилось, с тем, что было на ней написано. Пэт добавил с надеждой в голосе:

– А может быть, это и есть надувательство? А на самом деле нам ввели что-то другое, только они не хотят этого признавать?

– Нет, – медленно сказал я. Я был совершенно уверен, что доктор Арно не стала бы писать слово «вода», а в действительности вводить нам какой-нибудь из наркотиков – не такой она человек. – Пэт, дело не в наркотиках, а в гипнозе.

Он покачал головой.

– Этого не может быть. Допустим, что я поддаюсь гипнозу, но ведь ты не поддаешься. Нечего там гипнотизировать. И меня, дорогой ты мой, тоже никто не гипнотизировал. Никаких крутящихся светлых точек, никаких движений руками – да моя красотка Мейбл даже в глаза-то мне не глядела. Она просто сделала мне укол, велела расслабиться и наслаждаться происходящим.

– Ты, Пэт, совсем как маленький. Крутящиеся лампочки и все такие штуки – это для дураков. И какая разница, как это называть, гипнозом или рекламой. Они сделали нам по уколу,

намекнули, что мы почувствуем сонливость – вот мы и уснули.

– Это я, значит, чувствовал сонливость? И вообще Мейбл делала совсем не так. Она сказала, чтобы я не засыпал, а уж если засну – проснулся, когда она меня позовет. Потом, когда они принесли тебя, она...

– Подожди секунду. Ты хотел сказать, когда они перенесли тебя в ту комнату, в которой был я...

– Да нет, ничего подобного я не хотел сказать. После того, как они принесли тебя, Мейбл дала мне этот самый список чисел, я продиктовал его тебе и...

– Да подожди ты, – сказал я. – Пэт, ты все путаешь. Каким образом ты мог читать эти числа, находясь в полной темноте? Наверное, это она их тебе прочитала. Я хочу сказать... – Тут я остановился, потому что у меня самого все как-то не сходилось. Вообще-то она могла диктовать их ему из другой комнаты. – На тебе были наушники?

– А какое это имеет значение? И вообще, там не было полной темноты, во всяком случае, после того, как внесли тебя. Она держала список на таком пюпитре, у которого была своя собственная лампочка, света было достаточно, чтобы видеть числа и ее руки.

– Пэт, перестань повторять эту чепуху. Загипнотизированный или нет, я не отключался настолько, чтобы совсем не замечать, что происходит. Меня никуда не перемещали, вероятно, они сумели перевезти тебя, совсем не потревожив. И в комнате, где мы сидели, было абсолютно темно, ни проблеска.

Пэт ответил не сразу, что было совсем на него не похоже. В конце концов он сказал:

– А ты уверен в этом, Том?

– Конечно, уверен.

Он вздохнул.

– Мне бы не хотелось говорить этого, зная, что ты мне ответишь. Но что прикажешь делать, если ни одна теория не сходится с фактами?

– Что? Это что, викторина? Значит, надо выбросить их на помойку и подыскать новую. Основы методологии, вводный курс.

– Ну что же, тогда примерь вот эту, только по размеру примерь, не беспокойся о том, как она сидит. Том, радость моя, держись крепче, – мы действительно читаем мысли.

Я примерил ее и так и сяк – результат меня не вдохновил.

– Пэт, то, что ты не можешь ничего объяснить, еще не повод уподобляться толстой старухе, которая ходит к гадалкам. У нас все перепуталось в голове, то ли от наркотиков, то ли от гипноза – с этим я согласен. Но все равно не может быть, чтобы мы читали мысли друг друга, а то мы давным-давно делали бы это. Мы обязательно заметили бы.

– Совсем не обязательно. В твоей голове никогда не было особого изобилия мыслей, так что там было замечать?

– Ну, это надо еще разобраться...

– Чему равен натуральный логарифм двойки?

– Ноль запятая шесть девять три один, как ты сказал, хотя я почти не пользуюсь четырехзначными таблицами. А в чем, собственно, дело?

– Логарифм четырехзначный потому, что она мне его таким дала. Ты помнишь, что она сказала перед тем, как я продиктовал тебе это число?

– Чего? Кто?

– Мейбл. Доктор Мейбл Лихтенштейн. Что она сказала?

– Никто ничего не говорил.

– Том, сенильный ты мой симбиот, она сказала мне, что я должен делать, в частности, диктовать тебе числа. Сказала она мне это чистым, пронзительным сопрано. Ты ее слышал?

– Нет.

– В таком случае, тебя не было в этой комнате. Тебя не было нигде в пределах слышимости, несмотря даже на то, что я готов был поклясться на Библии, что они пристроили тебя рядом со мной. Я точно знал, что рядом. Но в действительности тебя не было. Значит, это телепатия.

Все это меня ошарашило. Я не ощущал в себе телепатических способностей. Вот голод – его я ощущал.

– Согласен и с тем, и с другим, – поддержал меня Пэт, – так что давай сойдем у Беркли и перехватим по бутерброду.

Я последовал за ним, чувствуя себя уже не таким голодным и еще более ошарашенным. Пэт ответил на то, что я не решился произнести вслух.

Глава 3

Проект Лебенсраум

Хотя меня и просили не торопиться и подробно описать, как все было, сделать этого я не могу. Несколько дней у меня не было ни минуты, чтобы продолжить эти записи и, кроме того, если бы мне даже не нужно было работать, все равно рассказать «все» я бы не смог, так как, чтобы записать все, что случилось за день, надо больше одного дня. И чем больше стараешься, тем сильнее отстаешь. Так что я и стараться не буду, а просто пройдуся по самым заметным эпизодам.

Вообще, суть проекта Лебенсраум знакома каждому. Мы не стали рассказывать маме и отцу про тот первый день. Нельзя подвергать родителей такому сильному испытанию, они обязательно станут волноваться и начнут навязывать свою волю. Мы просто сказали им, что тесты продолжатся и завтра, а также, что результатов нам не сообщили.

Казалось, доктор Арно ничуть не удивилась, когда мы ей сказали, что все знаем, и даже тогда, когда я выпалил, что мы думали, что жульничаем, но, видимо, все было наоборот. Она только кивнула и сказала, что так было надо – создать у нас впечатление, что все, как обычно, хотя при этом все, и они и мы, немного хитрили.

– Видите ли, у меня были ваши личностные характеристики; они подсказывали мне, как себя вести с вами, – добавила она, – к истине в психологии иногда приходится идти круглым путем.

– А сегодня мы попробуем прямой путь, – продолжала доктор Арно. – Мы посадим вас спиной к спине, но настолько близко, чтобы вы беспрепятственно могли друг друга слышать. Однако я буду использовать звукопоглощающий экран, чтобы время от времени частично или полностью разделять вас, не предупреждая об этом.

На этот раз все было гораздо труднее. Конечно, мы старались изо всех сил и, конечно же, у нас не получалось. Но доктор Арно была само терпение, и доктор Лихтенштейн-Пэтова – «Доктор Мэйбл» – тоже. Она хотела, чтобы ее называли «доктор Мэйбл», и была она низенькой толстушкой, помладше, чем доктор Арно, и хорошенькой, насколько это возможно для девушки, пухлой, как подушка. Это уже позднее мы узнали, что она – руководитель исследовательской группы и мировая знаменитость. «Смешливая толстененькая девочка», – это была такая роль, чтобы обычные – вроде нас с Пэтом – люди чувствовали себя раскованнее. Думаю, это еще одно свидетельство тому, ВРН не надо обращать большого внимания на внешний вид, и есть смысл читать, что там на ней напечатано мелким шрифтом.

Итак, Мэйбл хихикала, а доктор Арно хранила серьезный вид так, что мы не могли понять, читаем мы мысли или нет. Я слышал шепот Пэта – они сказали нам, чтобы мы продолжали перешептываться – а он слышал мой; иногда шепот стихал. Я был уверен, что у нас ничего не получается – я имею в виду телепатию – ведь все происходило точно так же, как в школе, когда мы с Пэтом потихоньку перешептывались, чтобы нас никто не слышал. В конце концов Мэйбл опять глуповато хихикнула и сказала:

– Думаю, на сегодня хватит. Не правда ли, доктор?

Доктор Арно согласилась, после чего мы с Пэтом сели и посмотрели друг на друга. Я сказал:

– Пожалуй, вчера это получилось как-то случайно. Вероятно, мы вас разочаровали.

У доктора Мэйбл был вид удивленного котенка. Доктор Арно очень серьезно ответила:

– Не знаю, чего вы ожидали, Том, но в течение последнего часа вы и ваш брат не имели

возможности слышать друг друга каждый второй тест.

– Но я же слышал его!

– Конечно же слышали. Но не ушами. Мы записывали все, что говорилось по каждую сторону от звуконепроницаемого барьера. Пожалуй, нам стоит прокрутить часть этой записи.

Доктор Мэйбл опять хихикнула.

– Хорошая мысль, – сказала она. Так они и сделали. Запись началась с наших четырех голосов, когда они объясняли, что от нас требуется, затем шептали только мы с Пэтом, читая друг другу куски из «Комедии ошибок». Видимо, они использовали направленные на нас параболические микрофоны, так как шепот наш звучал, словно ураган. Шепот Пэта понемногу стих. Но мой продолжал звучать... один в гробовой тишине.

Мы подписали контракт с Фондом, и отец, после некоторого спора, заверил его своей подписью. Он считал, что все это чтение мыслей – чушь собачья, и мы с ним на эту тему не спорили. Главным доводом было то, что с деньгами у нас было так же плохо, как и всегда, а здесь нам платили лучше, чем на любой другой летней работе, какую мы только могли себе найти; платили вполне прилично, чтобы мы смогли потом поступить в колледж, если даже нам не дадут стипендии.

Но в самом конце лета они объяснили нам, что связывает «Генетические исследования» и «Проект Лебенсраум». Это уже была лошадка другой масти – совершенно черная, с точки зрения наших родителей.

Уже задолго до этого мы с Пэтом могли общаться при помощи телепатии так же свободно, как говорить, и так же разборчиво, безо всякой подготовки и на любом расстоянии. Видимо, мы занимались этим уже многие годы, сами того не зная. Доктор Арно как-то записала, нас о том не предупреждая, одно из наших перешептываний (когда мы не пытались перешептываться, а просто имели сугубо приватную беседу) и доказала нам, что ни один из нас не мог разобрать этот записанный шепот, когда он воспроизводился достаточно тихо, чтобы не было слышно окружающим.

Она объяснила нам, что теоретически возможно, что каждый является потенциальным телепатом, но продемонстрировать это оказалось крайне трудно, за исключением идентичных близнецов – да и то в десяти процентах случаев.

– Мы не знаем, почему так получается: но давайте предположим нечто аналогичное настройке радиоприемника на нужную станцию.

– Волны мозга? – спросил я.

– Не надо заводить аналогию слишком далеко. Это ни в коем случае не те волны мозга, которые мы записываем на энцефалографе, иначе мы давным-давно запустили бы в серийное производство телепатическое оборудование. И мозг человека не является радиостанцией. Но чем бы это ни было, у двух человеческих особей, развившихся из одной яйцеклетки, шансов быть взаимно «настроенным» несравненно больше, чем у них. Я не могу читать ваши мысли, а вы – мои, вероятно, это никогда не будет возможным. Во всей истории психологии известно всего несколько случаев, когда человек был способен «настраиваться» на кого угодно по своему желанию, да и эти случаи обычно плохо документированы.

Пэт ухмыльнулся и подмигнул доктору Мэйбл:

– Так что мы с ним – пара уродов.

Она посмотрела на нас широко раскрытыми глазами и хотела было ответить, но доктор Арно ее опередила.

– Совсем нет, Пэт. Для вас это вполне нормально. Но у нас тут есть пары, не являющиеся идентичными близнецами. Некоторые из них – супруги, некоторые – братья и сестры; есть даже пары, образовавшиеся в результате наших исследований. Вот они и вправду являются – в каком-

то смысле – «уродами». Если бы нам удалось понять, каким образом это получается у них, мы смогли бы, возможно, создать условия для того, чтобы это мог делать кто угодно.

Доктор Мэйбл поежилась.

– Какая ужасная идея! У нас и так осталось слишком мало сокровенного.

Все это я пересказал Моди (Пэт перебивал меня и поправлял), так как журналисты уже раскопали, какие дела творятся в «Генетических исследованиях», и, само собой, мы – «читающие мысли» – получили уйму дурацкого паблисити и, само собой, под влиянием глупого подзуживания со стороны Хедды Стейли, Моди начала задумываться, и вправду, может ли девушка быть уверена в приватности своих мыслей? Может, конечно же, может, я и с ордером на обыск не смог бы залезть к ней в голову, равно так же и Пэт. Моди поверила бы нам, не зуди ей Хедда все время на эту тему. В какой-то момент она почти сумела рассорить нас с Моди, но вместо этого мы прогнали в шею ее саму и стали устраивать свидания втроем до того времени, пока Пэта не услали.

Но это произошло уже к концу лета после того, как нам рассказали про Проект Лебенсraum.

Около недели до того, как окончился срок нашего контракта, нас, близнецов, собрали вместе, чтобы побеседовать с нами. В тот достопамятный первый день нас были сотни, на второй – десятки, а к концу лета – едва ли достаточно, чтобы заполнить большой конференц-зал. Рыжие были среди продержавшихся, однако мы с Пэтом не сели рядом с ними, хотя место там было: от них по-прежнему несло холодом, как от сосулек, и они оставались, как и раньше, закороченными на себя, подобно устрицам. Остальная компания к этому времени давно перезнакомилась.

Некий мистер Говард был представлен нам как уполномоченный Фонда. Он развел обычную пустую болтовню про то, как он счастлив со всеми нами познакомиться, какая это для него честь и все такое. Пэт сказал мне:

– Том, береги кошелек, этот тип вешает нам лапшу на уши. – Теперь, зная точно, что мы делаем и как, Пэт и я переговаривались в присутствии посторонних даже чаще, чем раньше. Мы уже больше не шептались, ведь нам доказали, что шепот этот мы не слышим. Но мы все же «произносили» беззвучно слова, так как это помогало быть понятым. В самом начале лета мы пытались обойтись без слов, а прямо читать мысли, однако из этого ничего не вышло. Конечно же, я мог подключиться к Пэту, но идиотское, нечленораздельное бормотание, звучавшее в его голове вместо мыслей, только смущало и раздражало. Наверное, также бессмысленно было бы вдруг оказаться в чужом сне. Так что я выучился не слушать, если только он не «разговаривал» со мной; то же самое делал и Пэт. «Разговаривая», мы пользовались словами и фразами, так же как и все остальные. Но здесь не было и следа той фантастической, невозможной, всем известной чуши о способности схватывать на лету мысли другого человека; мы просто «разговаривали». Меня только все время тревожил вопрос, почему телепатический «голос» Пэта звучал в точности, как настоящий. Пока я не знал, что именно мы делаем, меня это не беспокоило, но как только я осознал, что эти звуки – совсем не звуки, этот вопрос начал меня тревожить. Я стал задумываться, в своем ли я уме, и на протяжении недели я вовсе не мог слышать Пэта – доктор Арно назвала это психосоматической телепато-глухотой.

Она расставила все по местам, объяснив нам, что такое – «слышать». Ты слышишь не ушами, ты слышишь мозгом; ты видишь не глазами, ты видишь мозгом. Когда ты дотрагиваешься до чего-нибудь, то ощущаешь предмет не пальцами, все ощущения сконцентрированы внутри твоей головы. Уши, глаза, пальцы – это просто датчики, собирающие информацию; но только мозг вносит упорядоченность в этот хаос информации и придает ей смысл:

– Новорожденный ребенок в действительности ничего не видит, – сказала она. – Понаблюдайте за его глазами, и вы увидите, что это так и есть. Его глаза функционируют, но мозг еще не научился видеть. Как только мозг приобретает навыки выделять, такие как «видеть» и «слышать», они тотчас же становятся прочными. Каким собственно образом вы ожидаете «слышать» то, что вам телепатирует ваш близнец? Думаете, это похоже на позвякивание маленьких колокольчиков? Или на танцующие огоньки? Ни в коем случае. Вы ждете слов, и ваш мозг «слышит» слова; это такой процесс, к которому он привык и с которым он умеет управляться.

Больше я не беспокоился по этому поводу. Я слышал голос Пэта гораздо отчетливее, чем голос обращавшегося к нам мистера Говарда. Вне всяких сомнений, в комнате одновременно шло еще с полсотни разговоров, но я не слышал никого, кроме Пэта, и не было ничего удивительного в том, что оратор никого из нас не слышит (и, к тому же, вообще не слишком много понимает в телепатии), так как он продолжал:

– Вполне возможно, что многие из вас, людей с такими волшебными способностями, – (Тут он очень неприятно улыбнулся), – прямо сейчас читают мои мысли. Я надеюсь, что нет, а если даже и так, надеюсь, что вы выслушаете меня, пока я не скажу все, что хотел.

– Что я тебе говорил? – вставил Пэт. – Не подписывай никаких бумаг, пока я не проверю.

– (Заткнись), – сказал я ему. – (Я хочу послушать). – Обычно голос его звучал как шепот; теперь он прямо заглушил настоящие звуки. Мистер Говард продолжал:

– Вполне возможно, вы задавались вопросом, чего это ради Фонд Далеких Перспектив финансирует эти исследования. Фонд всегда беспокоит судьба любого исследования, которое может внести вклад в сокровищницу человеческих знаний. Однако есть еще одна, значительно более важная причина, причина величайшей важности... и великая цель, для достижения которой вы можете иметь решающее значение.

– Вот видишь? Получше пересчитай сдачу.

– Да тихо ты, Пэт.

– Позвольте мне, – продолжал мистер Говард, – кое-что процитировать из устава Фонда Далеких Перспектив: «Во благо наших потомков.» – Тут он сделал театральную паузу – думаю, таково было его намерение. – Леди и джентльмены, что для наших потомков является наибольшей необходимостью?

– Предки, – не задумываясь, ответил Пэт. На секунду мне показалось, что он сделал это при помощи своих голосовых связок. Но никто ничего не заметил.

– Ответ может быть только один – жизненное пространство. Пространство, чтобы расти, пространство, чтобы создавать семьи, чтобы растить пшеницу; пространство для парков, школ, домов. Сейчас на этой планете пять миллиардов человеческих душ. Сто лет тому назад, при половине нынешнего населения она уже была перенаселена до предела, за которым лежит голод. И все равно нас сейчас на четверть миллиона больше, чем в то же самое время вчера – на девяносто миллионов людей больше каждый год. Только гигантские усилия, приложенные для сохранения и восстановления земель, в сочетании с мерами по контролю над рождаемостью – мерами, которые день ото дня все труднее осуществлять – смогли отодвинуть наступление голода. Мы создали море в Сахаре, мы растопили ледяную шапку Гренландии, мы оросили продуваемые всеми ветрами степи, и все равно год от года ощущаем все большее и большее давление, требующее все больше и больше пространства для бесконечно растущего числа людей.

Мне наплевать на речи, да и вообще все это – давно известная чепуха. Черт, если уж кто все это знал, так это мы с Пэтом; мы – котята, которых надо было вовремя утопить: отец ежегодно платил штраф только за то, что мы существуем.

– Исполнилось уже сто лет с того дня, как начались межпланетные полеты; человек расселился по всей Солнечной системе. Можно было бы подумать, что девять планет – вполне достаточное место для племени, чересчур плодovитого, чтобы поместиться на одной. Но все вы прекрасно знаете, что это не так. Изo всех дочерей Солнечного Отца лишь прекрасная Терра воистину создана для Человека.

– Готов спорить, он пишет тексты для рекламных объявлений.

– (Слабенькие), – согласился я.

– Конечно же, мы колонизовали и остальные, но какой ценой? Даже упорные голландцы в своих усилиях отодвинуть назад море не встретились с такими жестокими и безнадежными проблемами, какие встают перед поселенцами Марса, Венеры, Ганимеда. Человечеству нужны – и оно должно их получить – не эти смерзшиеся или раскаленные, или лишенные воздуха отбросы творения. Нам нужны планеты, подобные той, прекрасной, на которой мы с вами сейчас находимся. И они есть, их много. – Он воздел руки к потолку и поднял лицо в том же направлении. – Их десятки, сотни, тысячи, бесчисленные множества... ТАМ. Леди и джентльмены, настало время. Пора к звездам!

– Сейчас последует захват, – тихо произнес Пэт. – Стремительный поворот, и в точку.

– Пэт, куда это он клонит?

– Он – агент по продаже недвижимости.

Пэт был недалек от истины, но я не собираюсь пересказывать вам остальную часть речи мистера Говарда. Когда мы познакомились с ним поближе, оказалось, что он вполне приятный человек, вот только его завораживал звук собственного голоса. Итак, остальное я изложу вкратце. Он напомнил нам, что корабль «Авангард» шесть лет тому назад стартовал к Проксиме Центавра. Мы с Пэтом знали про это не только из хроники, но еще и потому, что брат нашей мамы, дядя Стив, подавал туда заявление – его не взяли, но некоторое время мы купались в лучах славы только из-за того, что находились в родстве с человеком, который был в списке – подозреваю, что мы в школе производили такое впечатление, будто дядя Стив непременно окажется в списке отобранных. Никто с того времени ничего не слышал об «Авангарде», может, он вернется лет через пятнадцать-двадцать, а может, и не вернется никогда. Причина того, что от «Авангарда» не приходило вестей, заключалась в том, что, как рассказал нам мистер Говард, и как все знали об этом и без него, бессмысленно посылать радиogramмы с корабля, находящегося на расстоянии световых лет и летящего почти со скоростью света. Даже если предположить, что на корабле может поместиться силовая установка, достаточно мощная для того, чтобы послать радиogramму на расстояние в несколько световых лет (что, вероятно, возможно в каком-то космическом смысле, однако совершенно невозможно в смысле современной техники) – даже если так, какой толк от посланий, летящих всего чуть быстрее корабля, с которого они были посланы? «Авангард» вернется домой почти так же быстро, как любое донесение, посланное им по радио.

Некий умник задал вопрос о специальных почтовых ракетах. Мистер Говард с измученным видом попытался ответить, но я его не слушал. Если уж радиоволны недостаточно быстры, как ракета может быть быстрее? Спорю, доктор Эйнштейн завертелся в своей могиле волчком.

Мистер Говард поторопился продолжить, пока кто-нибудь еще не прервал его очередной глупостью. Фонд Далеких Перспектив предложил разослать во все стороны еще дюжину космических кораблей, с тем чтобы обследовать планетные системы типа Солнечной и планеты, схожие с Землей, пригодные для колонизации.

– Именно поэтому, леди и джентльмены, вы незаменимы для этого великого проекта поисков жизненного пространства, так как именно вы и будете средством, благодаря которому капитаны этих кораблей доложат о том, что им удалось найти.

Тут затих даже Пэт.

Тогда где-то в задних рядах поднялся человек. Он был одним из старейших в нашей компании; ему и его брату было лет по тридцать пять.

– Простите, пожалуйста, мистер Говард, но можно мне задать Вам вопрос?

– Конечно.

– Меня зовут Грегори Грэхем; это – мой брат Грант Грэхем. Мы с ним физики. Мы не считаем себя экспертами в области космических явлений, но в теории коммуникаций несколько разбираемся. Так вот, даже взяв за исходную ту предпосылку, что телепатия возможна на межзвездных расстояниях – я не думаю, что это так, но у меня нет и доказательств обратного – так вот, даже если предположить это, я все равно не понимаю, какой от нее будет толк. Телепатия, свет, радиоволны, даже гравитация – все это ограничено скоростью света. Эта скорость заложена в самые основы физического мира, она – предельная скорость передачи любых сигналов. Любая иная точка зрения приводит к древнему философскому противоречию, к действию на расстоянии. Есть крохотная вероятность того, что вы сумеете использовать телепатию для того, чтобы доложить о том, что нашли, после чего корабль отправится дальше исследовать вселенную – но все равно, посланию потребуются годы, чтобы достичь цели. Двусторонняя связь между кораблем и Землей, хотя бы и посредством телепатии, абсолютно невозможна, она противоречит хорошо известным физическим законам. – Со смущенным, извиняющимся видом он сел. Я думал, что здесь-то Грэхем его и поймал. У нас с Пэтом по физике всегда были хорошие оценки, и то, что сказал Грэхем, было слово в слово по учебнику. Однако Говард не проявил ни малейшего беспокойства.

– Я попрошу, чтобы вам ответил эксперт. Доктор Лихтенштейн? Если вы не возражаете...

Встала доктор Мэйбл. Выглядела она суетливо. Она покраснела, хихикнула и сказала:

– Я страшно сожалею, мистер Грэхем, правда, сожалею, только с телепатией все совсем не так. – Она хихикнула еще раз и продолжила:

– Конечно, мне не стоило так говорить, ведь это вы телепаты, а не я, только телепатия не обращает ни малейшего внимания на скорость света.

– Но она же обязана. Физические законы...

– Господи! Неужели мы оставили у вас впечатление, что телепатия – физическое явление? – Она всплеснула руками. – Скорее всего, это не так.

– Все подчиняется законам физики. Здесь же я имею в виду и физиологию.

– Подчиняется? И физиология? О, как бы я хотела быть в этом уверенной... но физика всегда была для меня слишком глубокой наукой. Только я не понимаю, как можно быть уверенным в том, что телепатия – физический эффект: мы никогда не могли зарегистрировать ее каким-либо прибором. Господи, да мы даже не понимаем, каким образом сознание сцеплено с материей. Является ли сознание физическим явлением? Я в этом совершенно не уверена. Но мы знаем, что телепатия быстрее света, так как измерили это.

Пэт резко выпрямился.

– Слушай внимательно, старик. Пожалуй, мы посмотрим второй спектакль.

Вид у Грэхема был ошарашенный. Доктор Мэйбл торопливо добавила:

– Это сделала не я, это доктор Абернети.

– Горацио Абернети? – вскричал Грэхем.

– Да, его зовут именно так, хотя я никогда не решалась называть его по имени. Он – довольно важная персона.

– Ну, всего лишь лауреат Нобелевской премии, – мрачно произнес Грэхем, – в области теории поля. Ну так что же дальше? Что он обнаружил?

– Дело в том, что мы послали этого самого близнеца на Ганимед – это очень далеко. А

затем мы использовали параллельно радиотелефонную и телепатическую связи. Близнец, бывший на Ганимеде, разговаривал по радио, и одновременно прямо – телепатически, то есть – со своим братом, который находился в Буэнос-Айресе. Телепатическое послание всегда обгоняло радиосообщение примерно на сорок минут. Ведь так и есть, не правда ли? Точные цифры вы можете посмотреть у меня в кабинете.

Грэхем с трудом закрыл разинутый рот.

– А когда это было? Почему это еще не опубликовано? Кто держит это в тайне? Это же самый важный эксперимент со времен опыта Майкельсона-Морли – это же потрясающе.

Доктор Мэйбл выглядела расстроенной, и тут в разговор вступил мистер Говард. Он произнес успокаивающее:

– Никто не собирается скрывать этих результатов, мистер Грэхем, и доктор Абернети готовит к печати статью в Физикл Ревью. Правда, я должен сознаться, что Фонд попросил его не давать предварительного сообщения, чтобы у нас было время осуществить другой проект – известный вам под названием «Генетические исследования» – самым срочным образом. Мы считали, что имеем право найти и взять к себе на работу потенциальные телепатические пары прежде, чем нам попытается перебежать дорогу каждая психологическая лаборатория, да что там, каждый амбициозный фокусник. Доктор Абернети охотно согласился – он не любит преждевременных публикаций.

– Если вам, мистер Грэхем, будет приятно это слышать, – робко добавила доктор Мэйбл, – на закон обратных квадратов телепатия тоже не обращает ни малейшего внимания. На расстоянии в полмиллиарда миль уровень сигнала был столь же высок, как и тогда, когда телепаты работали в соседних комнатах.

Грэхем тяжело сел.

– Я и сам не знаю, приятно мне это слышать или нет. Я сейчас пытаюсь с трудом переосмыслить все, во что я раньше верил.

Разъяснения, которые давали братьям Грэхем, внесли кое-какую ясность, но отвлекли нас от основной цели этого собрания, состоявшей в том, что мистер Говард пытался уговорить нас записаться в астронавты. Меня уговаривать было не нужно. Я думаю, что любой мальчишка мечтает отправиться в Космос; мы с Пэтом однажды сбежали из дома, чтобы записаться в Космическую Морскую пехоту – а это намного серьезнее, чем просто попасть на рейс Земля–Марс–Венера, это – лететь к звездам.

– Звезды!

– Мы рассказали вам об этом до истечения срока ваших исследовательских контрактов, – объяснил мистер Говард, – чтобы у вас было время все обдумать, а у нас – объяснить вам все условия и преимущества этого предприятия.

Преимущества меня не интересовали. Если бы они предложили мне прицепиться к космическому кораблю сзади на санках, я бы согласился, ничуть не беспокоясь о выхлопах двигателя, космическом скафандре и прочей ерунде.

– Обоим членам телепатической пары будут предоставлены равно хорошие условия, – уверил он нас.

– Отправляющийся в космос получит отличную оплату и отличные условия труда на одном из лучших современных факельных кораблей, в обществе людей, отобранных как из соображений специальной подготовки, так и из соображений психологической совместимости. Остающийся на Земле будет обеспечен как с финансовой стороны, так и в смысле заботы о его здоровье. – Он улыбнулся. – Забота о здоровье – это уж обязательно. Совершенно необходимо будет сохранить его в живых столь долго, сколько это может делать наука. Не будет преувеличением сказать, что, подписывая этот контракт, вы продлеваете свою жизнь лет на

тридцать.

Тут я сообразил, почему испытанию подвергались молодые близнецы. Тот из них, который отправится к звездам, не будет особенно стареть, он ведь будет двигаться почти со световой скоростью. А тот, который останется, стареть будет. Им придется трястись над ним, как над королевской особой, сохранять его в живых – а то их «радио» сломается. Пэт сказал:

– Млечный Путь, я иду к тебе!

Но мистер Говард продолжал свою речь:

– Мы хотим, чтобы вы все это тщательно обдумали, это – самое важное решение в вашей жизни. На ваши плечи и на плечи таких же, как вы, из других городов, рассеянных по земному шару, на вас, представляющих крохотную долю одного процента рода человеческого, на плечи столь немногих возложена надежда человечества. Так что обдумайте все хорошенько и, если вас что-либо беспокоит, дайте нам возможность все вам объяснить. Не торопитесь принимать решение.

Рыжие девицы встали и, задрав носы, вышли из зала. Им не надо было говорить, чтобы стало ясно, что они не собираются иметь ничего общего с таким неженским, неизящным занятием, как исследование космоса. Они шествовали в полной тишине, и Пэт сказал мне:

– Это идут матери первопроходцев. Такая сила духа и открыла Америку. – Когда девицы проходили мимо нас, он вдруг защелкал языком, и тогда только я сообразил, что он говорил вслух. Рыжие как-то напряглись и пошли быстрее. Раздались неуверенные смешки, а мистер Говард быстренько вернулся к делу, словно ничего такого не случилось. Тем временем я ругал Пэта.

Мистер Говард сказал, чтобы мы приходили завтра в обычное время, и тогда представитель Фонда объяснит нам все подробности. Он предложил, чтобы мы приходили со своими адвокатами или (те из нас, кому не было восемнадцати, каковых было больше половины) со своими родителями и их адвокатами. Пэта, когда мы уходили, прямо распирало, но у меня лично энтузиазм как-то пропал. Посреди речи мистера Говарда меня наконец осенило: одному из нас придется остаться, и точно так же, как я знал, что бутерброд падает маслом вниз, я знал и кто из нас будет этот «один». Возможные лишние тридцать лет меня не очень привлекали. Какой смысл существовать, будучи закутанным в вату эти самые тридцать лет? Для того, который остается, уже не будет никакого космоса, даже в пределах Солнечной системы... А я не бывал еще даже на Луне. Я сделал попытку чуть притушить энтузиазм Пэта и пояснее нарисовать ему картину, так как черти бы меня драли, если я собирался без сопротивления согласиться на меньший кусок пирога.

– Слышь, Пэт, мы про это дело будем тянуть спички. Или монету бросим.

– Чего? Про что это ты?

– Ты прекрасно понимаешь, про что это я.

Он только отмахнулся от меня и ухмыльнулся:

– Ты, Том, слишком много мельтешишь. Они составят команды так, как им хочется. Мы тут ничего решать не будем.

Я понимал, что он решил лететь, и я понимал, что я проиграл.

Глава 4

Полбуханки

Как и следовало ожидать, родители подняли шум. Любое обсуждение в семье Бартлетов по звуку всегда напоминало кормежку в зоопарке, а уж на этот раз все шло особенно на высоких нотах. В дополнение к нам с Пэтом, Вере, Надежде, Любви и родителям в совещании принимали участие довольно-таки новенький муж Веры Фрэнк Дюбуа и новенький с иголки ухажер Надежды Лотар Сенбрик. Двух последних можно было не считать, оба они казались мне прекрасными примерами того, до чего может дойти девица, желающая выскочить замуж, однако они тоже занимали какое-то место в комнате и по временам вставляли замечания, еще больше запутывавшие дело. Но тут находился и мамин брат, дядя Стив, прибывший на Землю по увольнительной.

Именно присутствие дяди Стива и подтолкнуло Пэта вынести вопрос на общее обсуждение вместо того, чтобы уламывать отца и мать поодиночке. Оба они считали, что дядя Стив дурно на нас влияет, однако в то же самое время гордились им; его редкие визиты были всегда праздниками для нашей семьи. Мистер Говард дал нам типовой контракт, чтобы мы хорошенько ознакомились с ним дома. После обеда Пэт сказал:

– Кстати, папа, Фонд предложил нам сегодня новый контракт, на этот раз долгосрочный. – Он вынул бумагу из кармана, но передавать ее отцу не стал.

– Надеюсь, вы сказали ему, что у вас скоро начинается учебный год?

– Конечно, мы им сказали об этом, но они настаивали, чтобы мы отнесли контракт домой и показали родителям. О'кей, мы и сами догадывались, что вы на это скажете. – Пэт начал засовывать контракт обратно в карман. Я сказал Пэту телепатически:

– Ты что, совсем дурак? Ты же заставил его сказать «нет» и теперь он уже просто не сможет изменить своего решения.

– Нет, он еще не сказал «нет», – ответил Пэт по внутренней линии связи. – И не толкай меня под руку.

Отец уже тянулся за контрактом.

– Дай-ка я посмотрю эту штуку. Никогда нельзя принимать решение, пока не знаешь всех обстоятельств.

Пэт не особенно торопился отдать ему контракт.

– Тут, конечно, есть пункт насчет школьного обучения, – признал он, – но только мы с Томом не сможем ходить в одну школу, как раньше.

– Это не обязательно и плохо. Вы с ним слишком зависите друг от друга. Когда-нибудь каждому из вас придется в одиночку встать лицом к лицу с грубым, равнодушным миром... и то, что вы будете ходить в разные школы, может оказаться полезной тренировкой.

Пэт вытащил контракт и раскрыл его на второй странице.

– Это здесь, в десятом параграфе.

Отец, как того и хотел Пэт, сначала прочитал десятый параграф, и брови его поползли вверх. Десятый параграф гласил, что первая договаривающаяся сторона, Ф.Д.П., согласна содержать вторую договаривающуюся сторону в любой школе согласно выбору второй договаривающейся стороны, принимая на себя все расходы в течение всего периода действия контракта или меньшего времени, если того пожелает вторая договаривающаяся сторона. Она согласна на то же самое в отношении третьей договаривающейся стороны после окончания активного периода контракта плюс индивидуальное обучение в течение активного периода. Вся

эта хитро закрученная фраза была длинным способом сказать, что Фонд сейчас берет на себя обучение в школе того из нас, кто останется на Земле, а тот, кто отправится к звездам, будет учиться по возвращении... и все это в дополнение к нашим жалованиям, см. параграф семь.

И тогда отец перешел к седьмому параграфу, после чего брови его поднялись еще выше, а трубка выпала у него изо рта. Он поглядел на Пэта.

– Я правильно понял, что они собираются назначить вас двоих «техниками десятого разряда в области связи» при полном отсутствии опыта?

Дядя Стив выпрямился так резко, что чуть не перевернул свой стул.

– Брюс, ты сказал «десятого разряда»?

– Так тут написано.

– По тарифной сетке Ф.Д.П.?

– Да. Не знаю уж, сколько это будет, но я слышал, что обычно они нанимают работников, уже имеющих опыт по третьему разряду.

Дядя Стив присвистнул.

– Я просто боюсь сказать вам, какие это большие деньги, Брюс... на Плутоне только главному связисту платят по тому же десятому разряду... и ему для этого потребовалось двадцать лет работы и докторская степень. – Дядя Стив поглядел на нас.

– Ну, братки, давайте, колитесь. Куда они закопали труп? А может, это взятка? – Пэт не отвечал.

Дядя Стив повернулся к отцу и сказал:

– Не надо и читать все остальное, Брюс, просто пусть ребята подписывают эту штуку. Каждый из них будет получать больше, чем мы с тобой вместе взятые. Не надо спорить с Санта Клаусом.

Но отец уже читал, начиная с параграфа один-А до пунктов о нарушениях контракта. Написано все это было на юридическом языке, но в целом речь шла о том, что мы зачисляемся членами команды корабля, принадлежащего Ф.Д.П., вот только один из нас должен исполнять свои обязанности, оставаясь на Земле. Была еще уйма всякого для закрепления дела, чтобы тот, кто остался на Земле, не мог никуда ускользнуть, но это было и все.

В контракте не говорилось, куда корабль отправляется и сколько будет продолжаться полет.

В конце концов отец отложил контракт, который сразу же схватила Любовь. Отец забрал у нее бумагу и передал матери. Потом он сказал:

– Ребята, контракт выглядит так великолепно, что я подозреваю, что здесь что-то не так. Завтра утром я встречу с судьей Голландом и попрошу его просмотреть документ от начала до конца вместе со мной. Но, если я все правильно понял, вам предложены все эти блага – в дополнение к умопомрачительному жалованию – в том случае, если один из вас совершит полет на «Льюисе и Кларке».

Тут неожиданно вмешался дядя Стив:

– «Льюис и Кларк», Брюс?

– «Льюис и Кларк», или другой назначенный корабль из той же серии. А что? Ты знаешь этот корабль?

Лицо дядюшки стало непроницаемым, и он отвечал:

– Сам я на нем не бывал никогда. Насколько я знаю, это новый корабль, очень хорошо оснащенный.

– Приятно слышать, – отец поглядел на мать. – Ну так что скажешь ты, Молли?

Мать не отвечала. Она читала контракт и все сильнее и сильнее бледнела. Дядя Стив поймал мой взгляд и чуть покачал головой. Я сказал Пэту:

– Дядя Стив понял, в чем тут дело.

– Он мешать не станет.

В конце концов мать оторвала взгляд от документа и высоким голосом сказала отцу:

– Я так понимаю, ты собираешься согласиться? – В ее голосе звучала боль. Она отложила контракт, и Любовь снова схватила его. Одновременно Надежда вцепилась в него с другой стороны. Кончилось это тем, что наш зять, Фрэнк Дюбуа, держал бумагу, а остальные читали из-за его спины.

– Успокойся, милая, – нежно сказал отец, – не забывай, что мальчики вырастут. Мне и самому хотелось бы, чтобы семья все время была вместе, но это же невозможно, и ты сама это понимаешь.

– Брюс, ты обещал мне, что они никогда не отправятся в космос.

Дядя Стив бросил на нее взгляд: грудь его была вся в нашивках, заработанных в космосе. Но отец продолжал с той же нежностью:

– Не совсем так, милая. Я обещал тебе, что не дам согласие, чтобы они несовершеннолетними записались в вооруженные силы; я хочу, чтобы они закончили школу, и к тому же не хочу, чтобы ты расстраивалась. Но это же совсем другое дело и, кроме того, если мы сейчас не дадим согласия, совсем скоро они смогут записаться, хотим мы того или нет.

Мать повернулась к дяде Стиву и с горечью проговорила:

– Это ты, Стивен, вбил им в голову эту идею.

Тот сделал обиженное лицо, а затем ответил с той же, что и у отца, кротостью:

– Ты не волнуйся так, сестренка. Меня не было, и ты не можешь обвинять меня в этом. И вообще, никто не может вбить мальчикам в голову какие-то там идеи, у них они появляются сами по себе.

Фрэнк Дюбуа откашлялся и громко произнес:

– Так как это, видимо, семейный совет, несомненно, вы хотели бы узнать мое мнение.

Я сказал одному Пэту:

– А твоего, дубина, мнения никто не спрашивал.

Пэт ответил:

– Пусть говорит. Вполне возможно, он наше секретное оружие.

– Если вы хотите услышать мнение опытного делового человека, то этот так называемый контракт представляет собой либо чью-то неуместную шутку, либо предложение столь несуразное, что оно достойно только недоумения. Как я понимаю, тут имеется в виду, что близнецы обладают некими ненормальными способностями, – хотя лично я никаких доказательств этому не замечал, – но сама мысль платить им больше, чем взрослый человек зарабатывает в зрелые годы, я бы сказал, вредна с точки зрения воспитания юношей. Если бы это были мои сыновья, я бы несомненно воспротивился. Конечно, это не мои...

– Да, не твои, – подтвердил отец. Фрэнк пристально посмотрел на него.

– Это что, сарказм, мистер Бартлет? Я просто пытаюсь быть полезным. Как я говорил вам вчера, если близнецы пойдут в приличную бизнес-школу и будут там прилежно учиться, я бы мог потом найти им место в хлебопекарном производстве. И если все у них пойдет хорошо, то нет причины, чтобы они не достигли такого же положения, как у меня. – Фрэнк был младшим компаньоном своего отца в автоматической пекарне. Он всегда находил способ дать понять, как много денег он зарабатывает.

– А что касается того, чтобы отправиться в космос, я всегда говорил, что если человек хочет, чтобы из него что-нибудь вышло, он должен оставаться дома и работать. Прости, Стив.

– Был бы очень рад, если бы мог тебя простить, – безо всякого выражения произнес дядя Стив.

– А?

– Забудь, забудь. Ты не лезь в космос, а я обещаю, что не буду печь хлеб. Кстати, у тебя мука на лацкане. – Фрэнк торопливо опустил глаза на лацкан. Вера отряхнула его пиджак и сказала:

– Да это же просто пудра.

– Конечно, пудра, – подтвердил Фрэнк, отряхиваясь самостоятельно. – Я бы хотел, чтобы ты знал, Стив, что обычно я чересчур занят для того, чтобы ходить вниз, в производственные помещения. Я вообще почти не выхожу из конторы.

– Я так и думал.

Тут Фрэнк вспомнил, что они с Верой уже опаздывают в другое место, и встал, чтобы откланяться, но отец его остановил.

– Фрэнк? Ты что-то говорил по поводу того, что мои ребята ненормальные?

– Что? Я никогда не говорил ничего подобного.

– Очень этому рад.

Они удалились в гнетущей тишине. Только Пэт беззвучно и очень громко напевал «Марш Гладиаторов».

– (На этот раз мы победили, парень.)

Мне тоже так казалось, однако Пэту пришлось закрепить успех.

– Ну так значит все в порядке, папа?

– Ммм... Я бы хотел еще посоветоваться с судьей Голландом, и к тому же я не могу говорить от имени вашей матери. – Это нас не очень беспокоило; мама не будет против, если согласится отец, особенно когда рядом дядя Стив. – Но вы можете передать, что отказа пока не было. – Он нахмурился. – Кстати, здесь не указан срок контракта.

Тут нам помог дядя Стив.

– Такова обычная практика на коммерческих кораблях, Брюс... каковым, в юридическом смысле является и этот. Ты нанимаешься на рейс, от пункта приписки до возвращения в пункт приписки.

– Конечно, конечно. Но все-таки, они вам хоть намекнули?

Я услышал, как Пэт застонал.

– (Вот тут-то и начинается игра. Ну что мы ему можем сказать, Том?) – Отец ждал. Дядя Стив смотрел на нас, не моргая. В конце концов дядя Стив сказал:

– Вы уж лучше расскажите, ребята. Может, мне стоило сказать, что я сам пытаюсь попасть на один из кораблей с особым выхлопом и всеми такими штуками. Так что я все знаю.

Пэт что-то пробормотал. Отец резко сказал.

– Говори яснее, сын.

– Они сказали, что рейс, возможно, будет продолжаться... около ста лет.

Мама упала в обморок, дядя Стив ее подхватил, все забежали вокруг с холодными примочками, натываясь друг на друга; все мы были крайне расстроены и взволнованы. Когда она немного отошла, дядя Стив сказал отцу:

– Брюс, сейчас я возьму ребят с собой, куплю им по большому стакану крепкой сарсапарели^[4] и заодно вытащу их из-под вашего давления. Все равно сегодня ты больше не будешь с ними беседовать.

Отец рассеянно согласился, сказав, что это хорошая мысль. Думаю, он любил нас всех; однако, когда вопрос стоял ребром, на первом месте у него всегда была мама.

Дядя Стив повел нас в такое место, где он мог выпить нечто более для него подходящее, чем сарсапарель, однако он запретил Пэту сделать то же самое, когда тот попытался заказать пиво.

– Ты, мальш, не старайся рисоваться. Заставить меня поить спиртными напитками несовершеннолетних сыновей своей сестры ты не сумеешь.

– От пива нет никакого вреда.

– Правда? Я вот до сих пор ищу того типа, который сказал мне, что это безалкогольный напиток. А ищу я его затем, чтобы вдребезги измочалить пивной кружкой. Так что, остынь.

В конце концов мы взяли свою сарсапарель, а дядюшка пил какую-то жуткую смесь, которую он называл марсианским шенди. Говорили мы про Проект Лебенсраум. Он знал об этом проекте больше нас, хотя к тому времени еще не было сообщений для прессы – думаю, осведомлен он был по причине своей работы при канцелярии начальника штаба, но сам он в этом не признавался. Через некоторое время лицо Пэта стало озабоченным и он сказал:

– Послушай, дядя Стив, есть хоть какой-нибудь шанс на то, что родители согласятся? Или нам с Томом лучше сразу все это забыть?

– А? Да конечно же они разрешат вам.

– Да? Сегодня что-то было не похоже. Я-то знаю своего отца, он скорее сдерет с нас шкуры на коврики для ног, чем огорчит мать.

– Это уж точно. И мысль хорошая. Но все равно, вы уж мне, ребята, поверьте, у вас все будет тип-топ... если только вы, конечно, используете те доводы, какие надо.

– Каковыми являются?

– Ммм... ребята, я сержант при штабе и служил с уймой больших шишек. Если ты прав, а генерал ошибается, есть только один способ заставить его изменить свое мнение. Надо молчать и не спорить. Надо дать фактам говорить самим за себя и надо дать ему время, чтобы он придумал логичное объяснение тому, что он передумал.

По Пэту было видно, что это его не убедило; дядя Стив продолжал:

– Вы уж мне поверьте. Ваш отец вполне разумный человек, а мать – нет; она скорее будет страдать сама, чем заставит страдать кого-нибудь из тех, кого любит. Этот контракт полностью в вашу пользу, и они не смогут вам отказать – если только вы дадите им время привыкнуть к этой мысли. Но если вы раздражите их и будете напирать и спорить, как это за вами водится, то вы объедините их против себя.

– Что? Я никогда никого не дразню, я только использую логические...

– Прекрати, я от тебя устаю. Пэт, ты вел себя как самый что ни на есть отвратный щенок, старающийся настоять на своем при помощи мелкого жульничества... да и ты, Том, был не лучше. Вы не стали умнее с возрастом, вы только отточили свою технику. Ну так вот, сейчас вам бесплатно предлагают нечто такое, за что я лично отдал бы свою правую руку. Мне надо было бы постоять в сторонке и полюбоваться на то, как вы с треском все провалите. Но я не стану этого делать. Прикройте свои широкие рты, ведите себя осторожно и все будет хорошо. А только попробуете воспользоваться своей мерзкой тактикой – и проиграете.

Такого мы не стали бы выслушивать почти ни от кого. Будь это кто угодно другой, Пэт подал бы мне сигнал и мы бы врезали ему одновременно, Пэт в челюсть, а я в корпус. Но разве можно спорить с человеком, у которого нашивка за Цирцею [\[5\]](#)? Его можно только выслушивать. Пэт даже ни слова не пробормотал мне.

Итак, мы говорили о самом проекте Лебенсраум. Отправлялись двенадцать кораблей, они должны были разойтись от Солнца во все стороны, примерно по осям додекаэдра, но только примерно, так как каждому кораблю предстояло не просто обследовать какую-то область пространства, а за кратчайшее время посетить как можно больше звезд солнечного типа. Дядя Стив объяснял нам, каким образом разрабатывали «минимаксную» поисковую траекторию для каждого корабля, но я ничего не понял, это было связано с использованием какого-то исчисления, которое мы не изучали. Впрочем, это не важно; каждый из кораблей должен был

тратить как можно больше времени на исследования и как можно меньше – на переходы.

Однако Пэт не мог сдержаться и опять вернулся к тому, как заставить родителей согласиться.

– Дядя Стив? Ну, скажем, ты прав насчет того, чтобы мы вели себя осторожно. Все равно есть еще один довод, который может подействовать на наших родителей. Может, ты используешь его?

– А?

– Ну, это насчет того, что полбуханки хлеба лучше, чем ничего. Может, они еще не осознали, что в этом случае один из нас остается дома. – Я уловил слова, которые Пэт начал было уже произносить. Это было не «один из нас остается дома», а «Том остается дома». Я хотел было уже возмутиться, но не стал. Он же не сказал этого вслух. Пэт продолжал: – Они знают, что мы хотим в космос. Если они не позволят нам сейчас этого сделать, мы сделаем это потом, любым доступным нам способом. Если мы запишемся в твой корпус, мы будем иногда прилетать домой, но не часто. Если мы эмигрируем, мы для них все равно что умрем; очень немногие эмигранты зарабатывают столько, что могут позволить себе поездку на Землю, во всяком случае – при жизни своих родителей. Так что, если они сейчас удержат нас дома, то, когда мы достигнем совершеннолетия, они, вполне возможно, вообще нас больше не увидят. С другой стороны, если они дадут согласие, то не только один из нас останется дома, но они все время будут иметь контакт со вторым – в этом и состоит весь смысл использования телепатических пар. – Пэт озабоченно посмотрел на дядю Стива. – Как ты думаешь, стоит им сказать это? А может, ты сам подкинешь им мысль?

Дядя Стив не стал отвечать сразу, хотя я не находил в логике Пэта никаких ошибок. Если от двух отнять два, получается ноль. Но если отнять один – один, как ни крути, остается.

В конце концов он ответил, медленно произнося слова:

– Пэт, можешь ли ты вбить в свою тупую голову, что их надо оставить в покое?

– Я не понимаю, чем плоха моя логика?

– С каких это пор в спорах, построенных на эмоциях, побеждают при помощи логики? Тебе бы следовало почитать о том времени, когда царь Соломон предложил поделить ребенка. – Он отхлебнул из своего стакана и вытер рот. – То, что я вам сейчас скажу, является сугубо конфиденциальным. Вы, наверное, не знаете, что Планетная Лига рассматривает вопрос о том, чтобы сделать эти двенадцать кораблей военными?

– Что? А почему? Мистер Говард не говорил...

– Потихе ты. Проект Лебенсraum в высшей степени интересует Министерство Мира. Если копнуть поглубже, основной причиной войны всегда является демографическая проблема в независимости от прочих факторов.

– Но ведь войны давно прекращены.

– Конечно. Именно поэтому парням вроде меня платят за то, что мы затапываем горящую траву, пока не вспыхнул весь лес. Ребята, если я скажу вам сейчас остальное, вы просто обязаны будете хранить это при себе теперь и всегда.

Секретов я не люблю. Уж лучше, когда должен кому-нибудь деньги. Секрет нельзя вернуть назад. Но мы все-таки дали дяде обещание.

– О'кей. Я видел оценки этого проекта, сделанные Министерством Мира по заказу Ф.Д.П. Когда посылали «Авангард», ему давали один шанс из девяти на возвращение. Теперь техника лучше, они оценивают шансы возвращения в один из шести на каждую посещенную планетную систему. По программе каждый из кораблей должен исследовать в среднем шесть звезд, так что шансы на возвращение – один из тридцати шести^[6]. Для двенадцати кораблей это один шанс из трех того, что один из них, возможно, вернется. Вот тут-то и появляетесь вы,

психи.

– Не смей называть нас психами! – ответили мы хором.

– Психи, – повторил он. – И все просто прыгают от радости, от того, что вы есть, ведь без вас весь этот план стал бы невозможным. С потерей кораблей и команд можно было бы еще примириться, корабли – это просто деньги, а парней вроде меня, у которых больше любопытства, чем здравого смысла, они всегда смогут набрать. Но вот с потерей информации, которую соберут корабли, примириться невозможно, она незаменима. Никто там, наверху, не ожидает, что корабли вернутся, но нам просто обязательно надо обнаружить эти самые планеты земного типа, они необходимы для человечества. Вот для этого вы и нужны, ребята, чтобы передавать информацию. Тогда уже не будет иметь значения, вернутся ли корабли на Землю.

– Я не боюсь, – твердо сказал я. Пэт взглянул на меня и отвел глаза. Я не стал телепатировать, но ему и так было ясно, что я не считаю решенным, кто из нас отправляется в космос. Дядя Стив спокойно посмотрел на меня и сказал:

– А я и не думал, что ты, в твоём возрасте, испугаешься. Мне тоже не страшно. Я уже лет с девятнадцати беру у жизни в долг. Настолько уверен в своей удаче, что думаю, если один из кораблей все-таки вернется – это будет мой. Но неужели вы не понимаете, насколько глупо будет убеждать мать в том, что половина близнецов лучше, чем ничего? Эмоционально ваш довод абсолютно не годится. Перечитайте притчу о блудном сыне. Вы будете говорить матери, что один из вас будет в полной безопасности дома, а это только укрепит в её голове мысль о том, что другой не будет в безопасности и не будет дома. А если ваш папаша попытается разуверить её, он, вполне возможно, доберётся до этих фактов, которые я вам изложил, ведь они не секретные, так же, как и факты, на которых статистики основывали свои оценки. Просто, говоря об этом проекте для публики, будут подчеркивать положительные стороны и смягчать отрицательные.

– Дядя Стив, – возразил Пэт, – я не понимаю, как они могут быть так уверены, что почти все корабли погибнут?

– А они и не уверены. Но это – вполне оптимистические оценки, основанные на том опыте исследования незнакомых мест, который есть у людей. Это же как получается, Пэт: ты можешь принимать одно правильное решение за другим, но, когда дело доходит до исследования незнакомого места, первое твоё ошибочное решение оказывается твоим последним решением. Ты уже труп. Ты когда-нибудь интересовался статистикой в связи с исследованием этой нашей крошечной Солнечной системы? Исследование – это вроде русской рулетки, ты можешь выигрывать раз за разом, но если долго занимаешься этим делом, оно тебя угробит, это уж точно. Так что постарайтесь, чтобы хотя бы на этой стадии ваши родители не стали возражать. Я лично не против – мужчина имеет право умереть так, как хочет. Это – единственное, что правительство не успело обложить налогом. Но нет ни малейшего смысла акцентировать внимания на том, что один из вас не вернется.

Глава 5

Вторая договаривающаяся сторона

Насчет того, что родители сдадутся, дядюшка Стив оказался прав; через три недели Пэт отбыл в центр подготовки.

Я до сих пор не знаю, почему это оказался именно Пэт. Мы не бросали жребий, у нас не было скандала по этому поводу, я не спорил, просто отправился Пэт. Несколько раз я пытался поговорить с ним, но каждый раз он отмахивался от меня, говорил, чтобы я не переживал и подождал, пока все устроится само собой. И в какой-то момент я обнаружил, что само собой разумеется, что летит Пэт, а я остаюсь. Возможно, мне надо было быть поупрямее, когда мы подписывали контракт, когда Пэт не стал подписываться первым, а предоставил это мне, в результате чего я оказался этой самой второй договаривающейся стороной, которая остается, а не третьей, которая летит. Но тогда казалось, что нет ни малейшего смысла волноваться, ведь, согласно договоренности, закрепленной в контракте, эти две стороны считались взаимозаменяемыми. Пэт указал мне на это перед тем, как мы подписались; важно было только, чтобы контракт был подписан, пока родители согласны – важно было получить их подписи.

Пытался ли Пэт уже тогда переиграть меня? Даже если так, то я не слышал, чтобы он мысленно это проговаривал. С другой стороны, а стал бы делать такое я, приди мне это тогда в голову? Не знаю, просто не знаю. Короче говоря, потихоньку мне стало ясно, что все уже решено, семья наша считала это само собой разумеющимся, люди из Ф.Д.П. – тоже. Ну я и заявил Пэту, что с этим надо еще разобраться. В ответ он просто пожал плечами и сказал, что в Ф.Д.П. его уже отобрали, и он тут ни при чем. Может, я могу заставить их передумать... если, конечно, мне безразлично, порушит ли это все их планы, или нет.

Мне не хотелось этого делать. Мы не знали тогда, что люди из Ф.Д.П. скорее пали бы на колени и стали в слезах умолять любую из молодых здоровых телепатических пар, чем дали ей ускользнуть от них; мы-то думали, что у них огромный выбор. Я думал, что если я стану возражать, они могут просто разорвать контракт, а у них было на это право, заплатив незначительный штраф, вплоть до самого дня отлета.

Вместо этого я поймал отца один на один и поговорил с ним. Уже одно это говорит о том, в каком отчаянии я был; ни Пэт, ни я никогда не говорили с родителями один на один друг о друге. Мне было нелегко это сделать, я заикался и с большим трудом смог объяснить отцу, почему считаю себя надутым. Отец выглядел обеспокоенным, он сказал:

- Том, я так понимал, что вы с братом уже решили это между собой.
- Вот это-то я тебе и объясняю. Мы ничего не решали.
- Ну и что ты хочешь, чтобы я сделал?
- Да я хочу, чтобы ты заставил его поступать честно. Мы должны бросить жребий, или еще как-нибудь. Или ты сам можешь сделать это за нас, чтобы все было по-честному. Ты можешь это сделать?

Отец занялся своей трубкой, как он делает всегда, когда хочет потянуть время. В конце концов он произнес:

- Том, я не понимаю, как можно все переиграть теперь, когда решение уже принято. Если только ты не хочешь, чтобы я разорвал этот контракт. Это было бы не просто, но я могу.
- Но контракт не нужно рвать. Я только хочу иметь равные шансы. Если я выиграю, это ничего не изменит, только полечу я, а Пэт останется.
- Ммм... – Отец несколько раз затянулся с крайне задумчивым видом. – Том, ты видел, как

последнее время выглядит твоя мать?

Я видел; правда, я мало говорил с ней. Она двигалась подобно зомби, с горестным и страдающим видом.

– А что?

– А то, что я не могу сделать этого с ней. Сейчас она страдает, заранее прощаясь с твоим братом; я не могу заставить ее пройти через все это еще и из-за тебя. Она просто этого не выдержит.

Я знал, как трудно ей все это давалось, однако не понимал, что изменится, если мы поменяемся местами.

– Ты же не хочешь сказать, что маму больше устраивает такое положение вещей? Что она скорее согласится, чтобы летел Пэт, а не я?

– Не хочу. Ваша мать любит вас обоих одинаково.

– Тогда для нее это будет все равно.

– Не будет. Сейчас она страдает от того, что теряет одного из своих сыновей. Если вы теперь поменяетесь местами, ей придется проходить все по новой из-за другого сына. Это нечестно по отношению к ней. – Он выбил трубку о пепельницу. Этот стук, словно удар гонга, извещал об окончании совещания.

– Нет, сынок. Боюсь, тебе придется примириться с этим решением.

Спорить было бесполезно, так что я и не стал. Если уж отец говорит о мамином благе, спорить было все равно что пытаться бить козырного туза. Через четыре дня Пэт отправился в центр подготовки. В эти дни я мало его видел, только в те часы, которые мы проводили в здании Транс-Лунарной компании, так как он каждый вечер бегал на свидания с Моды. Я туда не ходил. Он сказал, что больше никогда ее не увидит, а у меня будет еще уйма времени, так что не будешь ли ты любезен куда-нибудь смотаться. Я не возражал. С одной стороны, само по себе это было честно. С другой, при сложившихся обстоятельствах мне и самому не хотелось ходить на эти их свидания. Эти последние дни мы с Пэтом были дальше друг от друга, чем когда-либо раньше.

На наши телепатические способности, однако, все это совсем не влияло. Чем бы там ни была эта самая «взаимная настройка», на которую способны мозги некоторых людей, она все так же продолжала наличествовать, и мы могли связываться так же легко, как просто разговаривать, и так же легко выключаться. Нам не надо было «сосредотачиваться» или «очищать свой мозг» или что-нибудь еще из этой восточно-мистической ерунды. Если мы хотели «говорить», мы говорили.

С отъездом Пэта мне стало не по себе. Конечно, я ежедневно находился в контакте с ним, по четыре часа плюс в любой момент, когда возникало желание поговорить. Но только если ты всю свою жизнь все делал вдвоем, нельзя не выйти из равновесия, когда надолго остаешься один. У меня еще не выработались новые привычки. Я мог собраться пойти куда-нибудь, а потом остановиться у двери в размышлении, что же это я такое забыл. Оказывается, Пэта. Страшно одиноко отправляться куда-нибудь одному, если прежде всегда делал это с кем-нибудь вместе.

Вдобавок ко всему, мама была веселой, жизнерадостной, заботливой и абсолютно непереносимой, да и сон у меня теперь был совсем сбит. Центр подготовки находился в швейцарском временном поясе; это означало, что я и прочие близнецы, остающиеся на Земле, проводили тренировочные сеансы связи также по швейцарскому времени, где бы мы ни жили. Пэт начинал, насвистывая, будить меня часа в два ночи, затем я работал до самого рассвета и пытался набрать недоспанное днем. Это было крайне неудобно, но совершенно необходимо, к тому же, мне за это хорошо платили. Впервые в жизни у меня была уйма денег. У остальной

нашей семьи – тоже, ведь я, невзирая на протесты отца, начал отдавать приличные суммы за свое содержание. Я даже купил себе часы (наши Пэт забрал с собой), не беспокоясь о цене, и мы поговаривали о том, чтобы перебраться в квартиру побольше.

Но тем временем Ф.Д.П. все глубже и глубже проникал в мою жизнь, и я потихоньку стал осознавать, что контракт связан не только с записыванием сообщений моего двойника. С первых же дней началось осуществление гериатрической программы. «Гериатрия» – неожиданное слово в применении к человеку, по молодости лет еще не имеющему права голоса, но тут оно имело особое значение, связанное с продлением моей жизни, насколько это возможно, для чего за меня взялись сразу же. То, чем я питаюсь, перестало быть моим личным делом, я должен был придерживаться предписанной ими диеты, никаких перехваченных на ходу бутербродов. Был длинный список «особо опасных» вещей, делать которые я не имел права. Мне наделали прививок от всего, начиная с воды в колене кончая попугайной лихорадкой; медицинские обследования мне устраивали такие, что прежние по сравнению с ними казались детскими играми.

Одно утешало, – с Пэтом, по его словам, делали то же самое. В действительности мы были самыми обыкновенными ребятами, таких везде как грязи, но для Ф.Д.П. мы были незаменимым коммуникационным оборудованием, так что заботились о нас, как о кровных скакунах или премьер-министре, обычные люди такой заботы не знают. Это было утомительно.

Первые семь или десять дней после отъезда Пэта я не встречался с Моди, мне было неловко. В конце концов она сама позвонила мне и спросила, в чем дело, злюсь ли я на нее за что-нибудь или считаю ее заразной? Тем же вечером мы встретились. Все это было не слишком весело. Она пару раз назвала меня «Пэт»; раньше это не имело значения, ведь мы с Пэтом привыкли к тому, что нас путают. Но теперь это было до крайности неприятно, дух Пэта все время присутствовал рядом с нами подобно некоему скелету на пиру. Когда она назвала меня так во второй раз, я сказал со злостью:

– Если ты так уж хочешь поговорить с Пэтом, я могу связаться с ним буквально за секунду.

– Что? Том, чего это ты?

– Да я знаю, что ты бы предпочла, чтобы сейчас здесь был Пэт, а не я! Если ты думаешь, что мне так уж нравится быть запасным вариантом, то сильно ошибаешься.

В ее глазах появились слезы, мне стало стыдно того, что я сказал и от этого еще более неловко. В результате мы поругались, потом я рассказывал ей, как меня надули.

Реакция Моди была для меня полной неожиданностью. Она не бросилась меня утешать, а вместо этого сказала:

– Ох, Том, Том! Неужели ты не понимаешь, что все это устроил не Пэт? Ты же сам во всем виноват.

– Что?

– Это совсем не его вина, а твоя собственная. Мне всегда было так тоскливо смотреть на то, как ты разрешаешь ему крутить собой. Тебе прямо-таки нравилось, что он тобой крутит. У тебя было «желание поражения».

Тут я так разозлился, что даже с трудом сумел ответить:

– Чего это ты такое говоришь? Это все сильно смахивает на дешевую, обывательскую логику. Ты сейчас договоришься до того, что найдешь у меня «тягу к смерти».

Она сморгнула слезы:

– Нет. Вот у Пэта она, может быть, и есть. Он всегда отпускал шуточки на этот счет, хотя я знаю, насколько это опасно. Я знаю, что мы его больше не увидим.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы переварить все это.

– Ты что же, хочешь сказать, – медленно произнес я, – что я нарочно дал Пэту себя

обмануть, и это потому, что сам боялся лететь?

– Что? Ты чего, Том? Я и не собиралась говорить ничего подобного.

– А прозвучало это именно так...

И тут я понял, почему это так прозвучало. Возможно, я и вправду боялся. Возможно, я сопротивлялся только для виду, так, чтобы Пэт победил... потому что знал, что случится с тем, кто отправится в полет. Может быть, я трус. Мы помирились, и уже казалось, что это свидание окончится благополучно. Провожая Моды домой, я все думал, поцеловать ли ее на прощание или нет – сам я этого никогда не делал, мы с Пэтом всегда крутились друг у друга под ногами. Думаю, и она ждала, что я так сделаю... Но тут меня неожиданно позвал Пэт:

– Эй! Ты не спишь?

– (Конечно, нет), – коротко ответил я. – (Только я занят.)

– Очень занят? Ты что, гуляешь с моей девушкой?

– (Почему ты так думаешь?)

– Ведь так и есть, не правда ли? Я был в этом уверен. Ну и как?

– (Не суй свой нос в чужие дела.)

– Ладно, ладно. Ты только передай ей привет. Привет, Моды!

– Том, о чем это ты так задумался? – спросила Моды.

– Да это просто Пэт, – ответил я. – Он говорит, чтобы я передал тебе привет.

– А... ну передай и ему от меня.

Так я и сделал. Пэт хмыкнул.

– А теперь поцелуй ее от меня на прощание.

Я, конечно, не стал, ни за него, ни за себя. Но, все-таки, на следующий день я снова ей позвонил, и после этого мы стали встречаться регулярно. Все, что касалось Моды, было невыразимо приятно, так приятно, что я стал даже размышлять над тем, что студенты иногда женятся, и мне это теперь по карману, если уж мне подвернулась такая работа. Конечно же, я не был совершенно уверен в том, что хочу связать себя, будучи таким молодым, просто человеку очень одиноко быть одному, если раньше с ним всегда был кто-то еще.

Пэта принесли домой на носилках. На самом деле, он был доставлен на санитарном корабле, специально для этого заказанном. Этот ненормальный потихоньку сбежал и пытался покататься на лыжах, о чем он имеет примерно такое же представление, как я – о нырянии за жемчугом. Ему даже не пришлось ни на что наткнуться, он просто запутался в собственных ногах. Но как бы там ни было, его принесли в нашу квартиру на носилках, не способного владеть ногами и утратившего чувствительность начиная с поясницы и до самого низа. Его должны были отправить в больницу, но он хотел домой, и мама хотела, чтобы он находился дома, так что отец на этом настоял. Его положили в комнате, которую освободила Вера, а я снова стал спать на кушетке в гостиной.

Вся семья была очень расстроена, даже больше, чем перед отъездом Пэта. Отец чуть не выкинул Фрэнка Дюбуа из дома, когда тот заявил, что теперь, когда со всей чужью о космических полетах покончено, он, как и прежде, готов предоставить Пэту работу, если только Пэт изучит бухгалтерское дело, так как бухгалтер может работать и в инвалидной коляске. Не знаю, может быть у Фрэнка были самые добрые намерения, только иногда мне кажется, что «добрые намерения» стоило бы объявить уголовным преступлением.

Но что меня совсем уж достало, так это то, как ко всему этому отнеслась мама. Она была вся в слезах, ее преисполняло сострадание, она готова была уже в лепешку расшибиться для Пэта, проводила часы за часами, растирая его, пока не начинала валиться с ног от усталости. И при всем этом я видел, даже если этого не видел папаша, что она непристойно счастлива – ей вернули ее «крошку». Вы не подумайте, слезы были настоящие... но женщины, похоже, могут

плакать и радоваться одновременно.

Все мы понимали, что с «чушью насчет космических полетов» покончено, но не обсуждали этого, даже мы с Пэтом. Теперь, когда он лежал в совершенно беспомощном состоянии и, безо всякого сомнения, чувствовал себя хуже, чем я когда бы то ни было, не самое подходящее было время обвинять его в том, что он сначала отпихнул меня в сторону, а потом лишил нас такого шанса. Может, я и сердился на него, но сейчас было не время сообщать ему об этом. Я чувствовал себя неуютно от сознания того, что солидные чеки ФД.П. скоро перестанут к нам поступать и семейство снова останется без денег, причем в тот самый момент, когда деньги эти особенно нам нужны. Я жалел, что купил такие дорогие часы, жалел денег, потраченных на походы с Моды в заведения, которые раньше были нам не по карману, однако старался не думать об этом: какой смысл охать над разлитым молоком. Но я начинал подумывать, какую бы работу подыскать себе, если уж нельзя будет поступить в колледж. Я был неприятно удивлен, когда неожиданно к нам заявился мистер Говард – вообще-то говоря, я надеялся, что Ф.Д.П. сохранит нас в своей платежной ведомости, хотя бы пока Пэту не сделают операцию, несмотря на то даже, что несчастье произошло полностью по вине Пэта, нарушившего их инструкции. Но, с такими-то кучами денег они, по моему мнению, могли бы позволить себе быть щедрыми.

Только мистер Говард даже и не заикнулся о деньгах, он просто хотел узнать, сколько времени потребуется мне на сборы, чтобы ехать в центр подготовки. Я был в полном смятении, мать – в истерике, папаша бесился, а мистер Говард был вежлив и обходителен. Послушать его, так ничего вообще и не произошло, уж во всяком случае – ничего такого, что могло бы хоть намекнуть на разрыв контракта. Вторая и третья договаривающиеся стороны взаимозаменяемы; если Пэт не может лететь, ясное дело, лечу я. Не случилось ничего, снижающего нашу эффективность в роли средства связи. Конечно же, само собой, они дали нам, в связи с печальным случаем, несколько дней, чтобы успокоиться, но не могу ли я явиться в ближайшие дни? Время дорого.

Отец совсем побагровел и изъяснялся крайне неразборчиво. Не кажется ли им, что они принесли уже достаточно горя этой семье? Знают ли они, что такое порядочность? Есть ли у них хоть капля сострадания?

И в самый разгар всего этого цирка, когда я пытался осмыслить новую ситуацию и решить, что же мне-то сказать, меня беззвучно окликнул Пэт:

– Том, пойдй сюда!

Я извинился перед высоким собранием и поспешил к нему. Мы с Пэтом почти совсем не переговаривались телепатически со времени его возвращения. Раз-другой он окликал меня ночью, чтобы я принес воды или сделал еще что в этом роде, но беседовать мы не беседовали, ни вслух, ни молча. Я ощущал только некую темную, угрюмую стену молчания, которой он загородился от меня. Я не знал, что с этим делать – впервые один из нас был нездоров в одиночку, без другого.

Но когда Пэт окликнул меня, я бросился к нему со всех ног.

– Закрой дверь.

Я закрыл. Он мрачно поглядел на меня.

– Я успел выдернуть тебя оттуда раньше, чем ты успел что-нибудь им наобещать, да?

– Да...

– Тогда иди к ним и скажи папе, что я хочу сию же секунду с ним поговорить, И скажи маме, что я просил ее перестать плакать, а то она меня очень расстраивает. – Он сардонически ухмыльнулся. – А мистера Говарда попроси дать мне поговорить с родителями наедине. А сам потом мотай отсюда.

– Чего?

– Уходи, не прощайся и не говори, куда ты идешь. Когда ты понадобишься, я тебя позову. Если ты будешь ошиваться здесь, мамаша тебя обработает и заставит надавать обещаний. – Он мрачно поглядел на меня. – У тебя и вправду никогда не было никакой силы воли.

Я пропустил это высказывание мимо ушей, в конце концов, он же был болен.

– Слышь, Пэт, на этот раз против нас коалиция. Мать хочет сделать по-своему несмотря ни на что, а папаша так завелся, что чудо еще, что он не врезал хорошенько мистеру Говарду.

– Я справлюсь с матерью, да и с отцом тоже. Говарду надо бы держаться в стороне. Ну, давай, разведи их, а сам сматывай.

– Хорошо, – сказал я, чувствуя себя крайне неловко. – Да... слушай, Пэт, я тебе очень благодарен.

Он взглянул на меня и его губы искривились.

– Ты что, думаешь, я ради тебя это делаю?

– А что же, я ведь думал...

– Ты не думал никогда, а я уже несколько дней не делал ничего другого. Если я буду калекой, думаешь, мне хочется провести всю жизнь в казенном заведении? Или здесь, а мать будет обматывать меня слезами и слюнями, а папаша будет считать каждый грош, а девиц будет тошнить от одного моего вида? Только не Патрик! Если уж мне придется быть таким, у меня будет все самое лучшее: санитарки, которые будут вскакивать, если я только палец подниму, и танцовщицы, дабы ублажать мой глаз. И именно ты позаботишься о том, чтобы Ф.Д.П. за все это платил. Мы можем сохранить ваш контракт, и так мы и сделаем. Конечно, я знаю, что ты не хочешь лететь, но теперь ты просто обязан.

– Я? Да ты все путаешь. Это ты меня обошел. Ты...

– Ладно, проехало. Ты прямо рвешься туда. – Он вытянул руку и слегка ударил меня под ребра, потом ухмыльнулся. – Таким образом мы отправимся туда оба, ведь я буду с тобой всю дорогу, на каждом шагу. А теперь давай отсюда и займись делом.

Я уехал через два дня. Когда Пэт, глядя матери в глаза, изложил ей все эти соображения, она даже и не сопротивлялась. Если, чтобы обеспечить деньги для оплаты соответствующего ухода за ее больным ребенком и всего остального, что там ему надо, я должен лететь в космос – ну что ж, очень жаль, но ничего уж тут не поделаешь. Она объяснила мне, как больно ей меня отпускать, но я понимал, что она не слишком расстроена. Вот я лично – был расстроен, несколько. Я задавался вопросом, как бы это происходило, попади я в Пэтово положение? Так же ли легко отпустила она Пэта просто для того, чтобы обеспечить меня всем, чего хочу я? Но я решил бросить все эти размышления; родители, возможно, сами не знают, что у них есть любимчики, когда они у них есть.

Перед самым отъездом папаша отвел меня в сторону для мужского разговора с глазу на глаз. Он мямлил и запинаясь и завяз в извинениях насчет того, что надо было переговорить со мной раньше, и был смущен даже больше, чем я, а это – кое-что. Он путался в словах, и я объяснил ему, что все, что он пытается мне сказать, было у нас в одном из школьных курсов. (Я не стал, конечно, объяснять ему, что это было в курсе риторики при описании перехода от кульминации к тривиальностям.) Папаша просветлел и сказал:

– Ну, сынок, мы с твоей матерью старались научить тебя всегда отличать добро от зла. Ты только не забывай, что ты – Бартлет, и тогда не наделаешь слишком много ошибок. А про это, другое, ну, ты задавай всегда себе вопрос, такая ли это девушка, что ты мог бы гордиться ею, знакомя ее со своей матерью, делай так, и все будет хорошо.

Я пообещал, подумавши при этом, что у меня не будет особых шансов попасть в дурную компанию, когда эти самые психологи буквально по косточкам разобрали всех будущих участников проекта Лебенсraum. Паршивой овце в это стадо просто не пробраться.

Глядя, насколько наивны мои родители, я не могу удержаться от вопроса, и как это род человеческий умудряется продолжать рождать себе потомков. Но все равно это было крайне трогательно, и я по достоинству оценил муку, через которую он прошел, чтобы выяснить отношения со мной, папаша наш – тип очень приличный, и намерения у него всегда самые наилучшие. У меня было последнее свидание с Моды, но о нем и сказать-то особенно нечего; мы потратили все время на сидение рядом с кроватью Пэта. Она сама поцеловала меня на прощание – ей так Пэт велел. Какого черта!

Глава 6

«Льюис и Кларк»

В Швейцарии я пробыл всего два дня. Я бегло осмотрел Цюрихское озеро, этим все развлечения и закончились. Время было забито до отказа – они пытались поскорее вбить в меня все то, что Пэт изучал неделями. Сделать это было невозможно, так что мне дали кассеты, по которым я должен был учиться уже прямо во время полета.

Кое-какое преимущество у меня было – в нашей школе одним из обязательных курсов был Вспомогательный Язык Планетной Лиги – а этот самый ПЛ-жаргон являлся рабочим языком проекта Лебенсраум. Нельзя сказать, чтобы я умел на нем говорить, но это было не особенно трудно. Конечно, с непривычки некоторые слова и выражения на нем звучали несколько глупо, но потом привыкаешь, а вся техническая терминология как всегда шла на женевском международном.

В действительности, как указал офицер вспомогательного состава профессор Брунн, телепатическому коммуникатору и не надо было ничего особенного знать перед началом рейса; основная цель центра подготовки была в том, чтобы собрать всю команду в одном месте, чтобы они вместе жили и питались, и таким образом предоставили психологам возможность заметить мелкие психологические несовместимости, пропущенные во время тестов.

– В отношении тебя, сынок, у нас сомнений нет. У нас есть дело твоего брата, и мы видим, насколько близко совпадают ваши тесты. А вы, телепаты, должны очень далеко выйти за допустимые рамки для того, чтобы отказаться от ваших услуг.

– Сэр?

– Не понимаешь? Мы можем отклонить кандидата в капитаны на том лишь основании, что у него низкое содержание сахара в крови перед завтраком и, соответственно, он потенциально раздражителен утром, пока не съест свою кашу. Любую вакансию мы можем заполнить двумя десятками кандидатов и можем, соответственно, жонглировать ими, пока команда не окажется подобранной, как группа цирковых акробатов. Но к вам, ребята, это не относится. Вас так мало, что мы должны допустить у вас любую эксцентричность, лишь бы она не угрожала безопасности корабля. Я, например, и глазом бы не моргнул, если бы ты верил в астрологию. А ты веришь в нее?

– Помилуй Бог, конечно, нет! – ответил я, совершенно шокированный.

– Вот видишь? Ты нормальный, разумный парень, ты вполне нам подойдешь. Да что там, если бы это было так уж необходимо, мы взяли бы твоего брата даже на носилках.

Когда я попал в Цюрих, там оставались одни телепаты. Капитаны, астронавигаторы и группы, занимающиеся двигателями, первыми отправились на свои корабли, за ними последовали специалисты и вспомогательные работники. Все «пассажиры» были уже на борту, за исключением нас. И мне едва хватило времени, чтобы познакомиться хотя бы со своими коллегами по чтению мыслей. Мы представляли собой странную компанию, и теперь я стал понимать, что имел в виду профессор Брунн, говоря, что нам, психам, позволительны некоторые отклонения от нормы. Нас было двенадцать человек – я имею в виду двенадцать для нашего «Льюиса и Кларка», для всех двенадцати кораблей флота имелось полторы сотни телепатов – по одному от каждой телепатической пары, которую сумел завербовать Ф.Д.П. Я спросил одного из старожилов, Бернарда ван Хоутена, зачем на каждом корабле так много телепатов?

Он с жалостью посмотрел на меня:

– Да подумай ты сам своей головой, Том. Что ты сделаешь, если в твоём приемнике

перегорит лампа?

– Сменю ее, конечно.

– Вот и ответ. Мы как раз и есть эти запасные части. Если любой из членов телепатической пары умрет, или с ним произойдет еще что-нибудь, то «радиостанция» погибла навеки. Тогда они переключаются на другого из нас. Они хотят быть уверенными, что хотя бы одна из пар проработает до самого конца полета... они на это надеются.

Мне едва хватило времени запомнить их имена до того, как нас увезли на корабль. Тут были я сам и Бернард ван Хоутен, китайско-перувианская девушка по имени Мей-Лин Джонс (только она произносила свою фамилию как «Он-эйс»), Руперт Хауптман, Глория Мария Антонита Декампо, Сэм Рохас и Пруденс Мэтьюз. Эти были более-менее моего возраста. Затем шел Дасти Родс, выглядевший лет на двенадцать, заявлявший однако, что ему четырнадцать. Я удивлялся про себя, как это ребята из Ф.Д.П. убедили его родителей отпустить такого маленького ребенка. Может, они его ненавидели; представить себе такое было нетрудно.

Затем были трое постарше нас: мисс Гамма Фэтни, Каз Уорнер и Альфред Мак-Нейл. Мисс Гамма была со странностями, она относилась к тому типу старых дев, которые никогда не признаются, что им больше тридцати, к тому же она была наша тройняшка. Ф.Д.П. сумел наскрести четыре комплекта тройняшек-телепатов подходящего возраста, которых удалось уговорить лететь. Они были нужны для того, чтобы связать двенадцать кораблей в четыре группы по три; далее эти группы связывались друг с другом посредством четырех пар двойняшек.

Тройняшки встречаются еще в восемьдесят шесть раз реже, чем обычные близнецы, так что вообще удивительно, как они сумели найти достаточное количество тройняшек, обладавших телепатическими способностями и согласных лететь. Тут уж было не до выяснения, со сдвигом они или нет. Подозреваю, что мисс Альфу, Бету и Гамму Фэтни привлек в первую очередь Эйнштейновский временной эффект; они смогут посчитаться со всеми мужчинами, не женившимися на них – они ведь почти не постареют, а эти мужчины тем временем поумирают от старости.

Наш корабль был «угловым», и Каз Уорнер был нашим «боковым» близнецом, он через своего близнеца связывал нас с «Васко да Гама», сцепляя таким образом две группы по три корабля. Другие «боковые» близнецы связывали другие углы. Близнецам, работавшим на связи корабль-корабль, не обязательно было быть молодыми, так как у них не было партнеров на Земле, стареющих, пока их близнецы в Космосе остаются молодыми из-за релятивистского эффекта. Каз Уорнер был лет сорока пяти, хороший, спокойный мужчина, которому, похоже, нравилось с нами, детишками.

Двенадцатым был мистер (зовите меня просто «дядя Альфред») Мак-Нейл. Это был негр, возраст его мог быть каким угодно, от шестидесяти пяти и выше (я лично так и не разобрал), он обладал той святостью, которая появляется иногда у старых людей, если только они не преисполняются злобы на все и вся и не замыкаются сами в себе. Взглянув на него, вы бы были готовы много поставить на то, что он исполняет обязанности дьякона в своей церкви. Я познакомился с ним потому, что первую свою ночь в Цюрихе страшно тосковал по дому, а он это заметил, позвал меня после ужина в свою комнату и кое-как утешил. Я принял его за одного из психологов Фонда, вроде профессора Брунна, но оказалось, что нет, – он тоже был половинкой телепатической пары и даже не «боковой», его напарник оставался на Земле.

Я не мог поверить в это, пока он не показал мне фотографию своего напарника – маленькой девочки с веселыми глазенками и волосами, собранными в хвостики. Только постепенно до моей тупой головы дошло, что это – уникальный случай, телепатическая пара, не состоящая из близнецов. Девочка была его двоюродной внучкой по имени Селестина Реджина Джонсон –

только сам он, показывая мне ее фотографию и одновременно рассказывая ей, кто такой я, называл ее исключительно «лапочка».

Тут я даже прервался и рассказал про такое чудо Пэту, совсем позабыв, что он и сам с ними знаком.

Дядя Альфред жил со своей племянницей и ее мужем, был пенсионером и главным товарищем по играм своей крохотной двоюродной внучки. Он научил девочку говорить. Когда ее родители погибли в результате несчастного случая, дядя Альфред, чтобы иметь возможность содержать ребенка, вернулся на работу. «И тут я обнаружил, что могу следить за Лапочкой даже тогда, когда не вижу ее. Она всегда была послушной девочкой, и это значило, что я могу присматривать за ней и тогда, когда ухожу из дома. Я понял, что это – дар божий; я считаю, что Господь в бесконечном своем милосердии даровал мне то, что было необходимо для заботы о моей малышке».

Его беспокоило лишь одно – что он не проживет достаточно долго или, того хуже, не окажется в силах работать достаточно долго для того, чтобы вырастить свою Лапочку и обеспечить ей хороший старт в жизни. И вот тогда все эти проблемы разрешил проект ЛЕБЕНСРАУМ. Нет, он ничего не имел против того, чтобы разлучиться с ней, так как он с ней и не разлучался, а каждую минуту был рядом.

У меня создалось впечатление, что он в действительности может даже видеть ее, но спросить я не захотел. Во всяком случае для него каменные стены не являлись тюрьмой, а световые годы расстояния – разлукой. Он знал, что Бесконечное Милосердие, соединявшее их все это время, не позволит им разлучиться еще достаточно долго, чтобы он мог выполнить возложенную на него задачу. Что будет потом – в руках божьих.

Я в жизни своей не встречал человека столь глубоко, умиротворенно счастливого. С ним я забыл о своей тоске по дому, она вернулась только тогда, когда я ушел в свою комнату и лег. Тогда я окликнул Пэта и рассказал ему о своем знакомстве с дядей Альфредом. Он ответил, что дядя Альфред – отличный старый чудак... а теперь мне лучше бы заткнуться и уснуть, так как завтра у меня тяжелый день.

Нас быстренько перекинули в южную часть Тихого Океана, и, перед тем как подняться на борт, мы провели ночь на атолле Кантон. Поплывать в лагуне нам не дали, хотя Сэм сколотил уже было прогулочную компанию из себя, меня, Мэй-Лин и Глории; плавание было одним из опасных занятий. Вместо этого мы рано легли спать и были разбужены за два часа до рассвета – отвратительное время, особенно если перед этим пересекал слишком быстро и слишком много часовых поясов. Я задумался, что я здесь собственно делаю и зачем? «Льюис и Кларк» находился в нескольких сотнях миль к востоку от нас, в почти не посещаемой части океана. Я и не представлял себе, насколько много на Земле воды, пока не бросил на нее взгляд с воздуха – а ведь я видел только кусочек верхушки. Если люди сообразят, как использовать все эти мокрые гектары с той же эффективностью, с какой используется долина Миссисипи, им не нужны будут другие планеты.

С воздуха «Льюис и Кларк» смахивал на футбольный мяч, плавающий в воде; того, что он скорее напоминал формой репу, видно не было. Он болтался в воде двигателями вниз, видна была только верхняя его полусфера. Секунду мы смотрели на космический корабль, окруженный крошечными в сравнении с ним транспортными подводными лодками, затем наш вертолет завис над ним, нам было сказано: «Осторожнее на лесенке и не забывайте свои вещи в вертолете». Я подумал, что если мы забудем какие-нибудь вещи, то писать в бюро находок мало смысла. От этой мысли повеяло неприятным холодком. Пожалуй, я все еще скучал по дому, но больше всего я дрожал от возбуждения. Пару раз я заблудился и в конце концов добрал до своей каюты как раз в тот момент, когда изо всех громкоговорителей прозвучало: «Команде

приготовиться к ускорению. Пассажирам пристегнуться. Двигательные установки докладывают о готовности в установленном порядке. Минус четырнадцать минут». Все это было произнесено так буднично, что легко можно было ожидать продолжения.

– «Местные пассажиры пересаживаются в Бирмингеме.»

Каюта была вполне просторной, в ней стоял сдвоенный платяной шкаф, письменный стол со встроенным видеомagneитофоном, небольшой умывальник и две откидные койки, обе они были опущены, что уменьшало размеры помещения. Вокруг не было никого видно, так что я выбрал одну из них, лег и застегнул на себе три ремня безопасности. Только я сделал это, как в каюту просунулась голова этого коротышки Дасти Родса.

– Эй! Ты занял мою койку!

Я хотел было послать его, но затем решил, что время перед стартом – не самое лучшее, чтобы поспорить:

– Ради Бога, – ответил я, отстегнулся, перелег на другую койку и пристегнулся снова.

На лице у Дасти появилась обида; наверное, он хотел поругаться. Вместо того чтобы залезть на освобожденную койку, он высунул голову в коридор и поглядел по сторонам. Я сказал:

– Ты бы лучше пристегнулся. Уже объявляли.

– Ерунда, – ответил Дасти, не оборачиваясь. – Времени еще уйма. Лучше я сбегаю посмотрю на пост управления.

Только я собрался предложить ему прогуляться за пределы корабля, пока еще есть такая возможность, как вошел один из офицеров, проверявший каюты.

– А ну-ка на койку, сынок, – произнес он резко, тоном, не допускающим возражений, каким отдают собаке приказ «К ноге».

Дасти раскрыл рот, потом закрыл его и вскарабкался на кровать. Тогда офицер пристегнул его «детским» способом, оттянув пряжки в такое положение, что сам Дасти не мог до них добраться. Он даже привязал руки Дасти к койке грудным ремнем. Затем офицер проверил мои ремни. Руки у меня были свободны, но он только сказал:

– Во время ускорения не поднимайте руки с матраса, – и ушел. Женский голос произнес:

– Все специальные коммуникаторы, свяжитесь со своими телепартнерами.

Я переговаривался с Пэтом все время, как только проснулся. Я описал ему, как выглядит «Льюис и Кларк» сверху, а потом и изнутри. Но все равно я сказал:

– (Ты здесь, Пэт?)

– Само собой, я-то куда не ухожу. Как там?

– (Старт минут через десять. Они только что велели нам связаться со своими партнерами во время ускорения.)

– Ты уж лучше от меня не отключайся, а то я тебе такое выдам – оглохнешь. Я не хочу ничего пропускать.

– (Ладно, ладно, не жми на педаль, Пэт! Это не совсем так, как я думал.)

– Да? А что?

– (Не знаю. Наверное, я ожидал духовые оркестры, торжественные речи и все такое. Ведь это и вправду торжественный день. Но, если не считать того, что прошлым вечером на атолле Кантон нас много снимали, шуму было меньше, чем тогда, когда мы отправлялись в скаутский лагерь.)

Пэт хмыкнул:

– Если расставить духовые оркестры вокруг твоего корабля, они малость промокнут, не говоря уж о том, что наберут уйму нейтронов.

– (Ясно, ясно.) – Я и сам прекрасно понимал, что факельному кораблю для старта нужно

много свободного места, чего мне про это напоминать. Даже когда инженеры сумели разработать способ старта прямо с Земли, а не с космической станции, сохранилась необходимость в нескольких тысячах квадратных миль свободного океана. И все равно можно было слышать, как малограмотные люди болтают о том, что выхлоп двигателей меняет климат, и правительству в связи с этим необходимо принять какие-либо меры.

– Во всяком случае, у нас оркестров и речей хватает. Вот мы прямо сейчас являемся свидетелями выступления Достопочтенного Дж. Дилбери Эгхеда... повторить?

– (Не стоит беспокойства. А кто это «мы»?)

– А все мы. Вот только что пришли Вера и Фрэнк.

Я как раз собирался спросить насчет Моды, когда из динамика опять послышался голос:

– Рад приветствовать всех вас на борту корабля. Говорит капитан. Мы стартуем с легко переносимым ускорением в три g; несмотря на это, я хотел бы предупредить вас, чтобы вы расслабились и не опускали руки с коек. Тройная тяжесть будет только в течение шести минут, затем вы сможете встать. Мы стартуем вторыми, сразу после «Генри Хадсона».

Я повторял Пэту слова капитана практически одновременно с тем, какой их произносил; это как раз и было одним из предметов нашей тренировки в то время, как Пэт находился в Центре подготовки; мы учились заставлять свои мысли повторять, подобно эху, то, что говорит кто-то другой; таким образом телепатическая пара могла работать почти как микрофон и громкоговоритель. Наверное, он там, дома, делал то же самое, повторяя нашей семье слова капитана какой-то долей секунды позднее меня – при тренировке это довольно просто. Капитан произнес:

– «Генри» кончает обратный отсчет... десять секунд... пять... Вот!

Я увидел нечто вроде вспышки молнии, хотя и находился в закрытом помещении. Несколько секунд из динамика доносился мягкий шипящий звук, похожий на звук снега, бьющего в окно. Пэт сказал:

– Господи!

– (Что там, Пэт?)

– Он выскочил вверх, словно ужаленный в зад пчелой. Просто вспышка света, и в воде осталась яма. Подожди секунду – они переключаются с камер на спутнике на вид с Луны.

– (Тебе-то видно лучше, чем мне. Я вижу только потолок каюты.)

Женский голос произнес:

– Мистер Уоррен! Мисс Фэтни! Межкорабельные пары начинают запись.

Капитан объявил:

– Вся команда, готовность к старту. Следите за обратным отсчетом, – после чего зазвучал другой голос. – Шестьдесят секунд... пятьдесят пять... пятьдесят... сорок пять... снова сорок пять... снова сорок пять... снова... снова... – пока я почти не закричал.

– Том, в чем там дело?

– (Откуда я знаю?) – ...сорок... тридцать... тридцать...

– Том, мама просила, чтобы я сказал тебе быть поосторожнее.

– (А что по ее мнению я могу сделать? Я просто лежу здесь на спине, пристегнутый.)

– Знаю, – хихикнул Пэт.

– Держись крепче за кисточку, они собираются убрать лестницу.

– ...четыре!.. три!.. два!.. один!

Вспышку я не видел, а также ничего и не услышь, просто я стал очень тяжелым – вроде как куча-мала, а ты в самом низу.

– Том, где были вы, остался только пар.

Я не отвечал, мне было трудно дышать.

– Они поменяли точку зрения. Сейчас они следят за вами объективом. Том, ты бы только посмотрел... Ваш корабль сверкает, как солнце. В кадре просто больше ничего не видно.

– (А как я могу это видеть?) – сварливо ответил я. – (Я же внутри.)

– У тебя какой-то придушенный голос. С тобой все в порядке?

– (У тебя тоже был бы придушенный, если бы тебе на грудь навалили мешки с песком.)

– Что, так плохо?

– (Ничего особо приятного. Но, думаю, и ничего страшного.)

Пэт оставил меня в покое и стал подробно описывать, что показывают по телевизору. «Ричард Е. Байрд» стартовал сразу после нас, еще до того, как мы набрали скорость и закончили идти с большим ускорением; он мне все про это рассказал. Мне самому в любом случае говорить было нечего; видеть я ничего не видел, а болтать попусту не хотелось. Чувствовал я себя паршиво и хотел только одного – продержаться.

Наверное, это и вправду были шесть минут, только больше похожие на час. Спустя много, много времени, когда я уже решил, что там где-то заело в управлении и мы будем сохранять ускорение, пока не превысим скорость света, давление неожиданно прекратилось, и я почувствовал себя легким, как пушинка. Если бы не ремни, я, пожалуй, воспарил бы к потолку.

– Мы снизили ускорение до одного и одной десятой g, – послышался ободряющий голос капитана. – Крейсерское ускорение будет выше, но мы хотим дать время попривыкнуть находящимся на борту новичкам. – Тон его изменился, и он отрывисто скомандовал: – Все станции, проверить защиту, установить вахты по космическому распорядку, секция третья.

Я расстегнул ремни и сел, а потом и встал. Может, мы и стали на десять процентов тяжелее, но я этого не чувствовал, я чувствовал себя великолепно. Я направился к двери, намереваясь осмотреться получше, чем при посадке. И тут заорал Дасти Родс.

– Эй! Вернись и отвяжи меня. Этот идиот убрал пряжки так, что мне до них не дотянуться.

Я обернулся и посмотрел на него.

– Пожалуйста?

Дасти ответил мне, но это было совсем не «пожалуйста». Я все равно расстегнул его. Надо было заставить его сказать «пожалуйста», это сберегло бы от многих последующих неприятностей.

Глава 7

19 900 вариантов

Первое, что случилось со мной на борту «Льюса и Кдарка», заставило меня думать, что я сплю, – я наткнулся на дядю Стива.

Я шел по кольцевому коридору, соединявшему каюты на нашей палубе, и искал какой-нибудь проход, ведущий внутрь, к оси корабля. Свернув за угол, я на кого-то натолкнулся. Произнеся «Извините, пожалуйста», – я собирался было идти дальше, однако встречный схватил меня за руку и хлопнул по плечу. Я поднял глаза – это был он, дядя Стив, с ухмылкой на лице, кричавший во весь голос:

- Привет, коллега! Добро пожаловать.
- Дядя Стив! А ты что здесь делаешь?
- Спецзадание Генерального Штаба. Хранить и беречь лично тебя.
- Чего?

Когда он объяснил, все оказалось очень просто. Дядя Стив еще месяц назад узнал, что получено согласие на его заявление о специальном увольнении из армии для перехода на службу в Ф.Д.П. по проекту Лебенсраум. Он не стал рассказывать об этом семье и потратил месяц, придумывая – и придумав – способ попасть на один корабль с Пэтом или, как получилось в результате, со мной.

– Я подумал, что твоей матери будет легче, если она будет знать, что я присматриваю за ее парнишкой. Скажи ей это в следующий раз, когда будешь связываться с Пэтом.

– А я прямо сейчас и скажу, – ответил я и громко окликнул (в уме) Пэта. Не похоже было, чтобы Пэта эта новость особенно заинтересовала. Наверное, наступала реакция после первого возбуждения, и ему опять стало обидно, что я нахожусь там, где хотел бы быть он. Но мать была рядом, и он сказал, что сообщит ей.

– О'кей, она знает.

Дядя Стив бросил на меня недоверчивый взгляд.

– Это что, так просто?

Я начал объяснять ему, что это как говорить... может, немного побыстрее, ведь думать слова можно быстрее, чем произносить их вслух, особенно, когда потренируешься. Но он остановил меня.

– Ладно, не надо. Ты же пытаешься объяснить слепому, что такое цвет. Я просто хотел, чтобы сестренка знала.

– Ладно так ладно. – Только сейчас я заметил, какая у него форма. Те же, что и раньше, ленточки наград украшали такую же, как и у меня самого, форму Ф.Д.П., но не это меня удивило, а то, что на рукавах его не было нашивок.

– Дядя Стив... да у тебя же майорские листья!

Он кивнул.

– Вот видишь, парень из нашего села добился успеха в жизни. Надо только много работать, вести правильный образ жизни и т.д.

– Видишь, как здорово!

– Меня перевели сюда с присвоением звания, которое полагается мне при уходе в запас. И продвинули еще на одну ступеньку за исключительно высокие результаты при тестировании. Останься я служить в Корпусе, вышел бы в отставку не больше, чем старшим сержантом – в мирное время нет повышений! Но этот проект подыскивал нужных ему людей, а не людей с

нужными званиями, и так уж случилось, что у меня как раз подходящее количество рук и ног для исполнения моих обязанностей.

– А какие у тебя обязанности, дядя?

– Я – начальник охраны.

– Что? А что у нас тут охранять?

– Хороший вопрос. Задай его мне через год или два, и я смогу дать хороший ответ. В действительности более правильно было бы назвать эту должность «Командир десантного отряда». Когда мы найдем подходящую на вид планету, – я хотел сказать «если и когда» – то я и буду тем парнем, который выйдет наружу, чтобы поглядеть, как там все и насколько дружелюбны к нам аборигены. А все вы, ценные личности, останетесь на корабле, в уюте и безопасности. – Он глянул себя на запястье. – Пошли на кормежку.

Есть мне не хотелось, а хотелось осмотреться, но дядя Стив крепко взял меня за руку и повел в столовую.

– Если бы ты прослужил столько, сколько я, то усвоил бы: есть возможность спать – спи и никогда не опаздывай на кормежку.

Столовая была устроена как кафе. На «Л.К.» не было официантов и какого-либо персонального обслуживания, только для капитана и вахтенных. Мы прошли через столовую, и я обнаружил, что все-таки хочу есть. Дядя Стив провел меня – только на один этот раз – к столику, за которым обедали командиры служб корабля.

– Леди и джентльмены, позвольте вам представить моего двухголового племянника Тома Бартлета. Вторую свою голову он забыл на Земле – он телеблизнец. Если он вдруг сделает что-нибудь такое, чего делать не должен, не говорите мне, пожалуйста, а просто врежьте ему покрепче. – Он глянул на меня искоса. Я начал заливаться краской. – Ну, сынок, скажи «здрасьте»... или просто кивни дядям и тетям, если ты не умеешь говорить.

Я кивнул головой и сел. Рядом со мной сидела приятная женщина с такими коленками, на которых любят сидеть дети. Она улыбнулась и сказала, как они все рады со мной познакомиться. Я узнал, что она – Главный эколог экспедиции. Фамилия ее была О'Тул, но по фамилии ее никто не называл; она была замужем за одним из релятивистов. Дядя Стив обошел стол, рассказывая, кто здесь кто и чем занимается: Главный Механик, Релятивист (дядя Стив назвал его «Астронавигатор», как именовалась бы соответствующая служба на обычном корабле), Главный Планетолог Гарри Гэйтс, Ксенолог и так далее – в тот раз я не сумел запомнить все фамилии – и Резервный Капитан Уркхардт. Я не расслышал слово «Резервный» и очень удивился, до чего же он молод. Но дядя Стив поправил меня:

– Нет, нет! Он не капитан. Он – тот человек, который станет капитаном, если окажется, что потребуется замена. Напротив тебя сидит Главный Хирург – только ты и здесь не пойми неверно, сам он хирургией не занимается. Доктор Деверо – самый главный мозгокопатель.

На лице у меня, видимо, отразилось полное непонимание, поэтому дядя Стив продолжил:

– Не сечешь? Психиатр. Док Деверо вглядывается в каждое наше движение и соображает, как скоро потребуется смирительная рубашка и шприц. Точно, док?

Доктор Деверо намазывал булочку маслом.

– Ну, в общих чертах – точно. Вы ешьте, ешьте. Сейчас я вами заниматься не буду, если только ближе к вечеру. – Это был маленький, толстый, напоминавший жабу, ужасно уродливый человечек, полный безмятежного, невозмутимого спокойствия. Он продолжал:

– У меня, майор, только что появилась тревожная мысль.

– Никогда бы не подумал, что мысли могут вас тревожить.

– А вы послушайте. Вот сижу тут я, в чьи обязанности входит забота о поддержании в здравом рассудке сомнительных типов вроде вас. Но ведь никто не позаботился, чтобы меня

самого кто-нибудь поддерживал в здравом рассудке. Ну и что вы прикажете мне делать?

– Ммм... – Дядя Стив изобразил тщательное обдумывание проблемы. – А я и не знал, что сами вы, мозгокопатели, должны пребывать в здравом рассудке.

Доктор Деверо кивком выразил свое согласие:

– Вот тут-то вы попали в самую точку. В моей профессии, равно как и в вашей, майор, сумасшествие – не недостаток, а преимущество. Будьте добры, передайте мне, пожалуйста, соль.

Дядя Стив смолк и сделал вид, что вытирает кровь с разбитого лица. Подошел еще один человек и тоже сел за наш стол. Дядя Стив представил ему меня и сказал:

– Это – командор Фрик, ответственный за связь, твой начальник, Том.

Командор Фрик кивнул мне и спросил:

– А вы, молодой человек, разве не из третьей секции?

– Мм, я не знаю, сэр.

– А я знаю... и вам тоже надо бы знать. Явитесь в Центр связи.

– Вы имеете в виду – прямо сейчас, сэр?

– Прямо сейчас. Вы и так уже опоздали на полчаса.

Я сказал:

– Извините, пожалуйста, – и торопливо вскочил, чувствуя себя до крайности глупо. Искоса я глянул на дядю Стива, но он не смотрел в мою сторону, можно было подумать, что он ничего не слышал.

Центр связи был двумя палубами выше, прямо над Центром управления; нашел его я не сразу. Там были Ван Хаутен, Мей-Лин и офицер по фамилии Трэверс – вахтенный связист. Мэй-Лин не подняла глаза, она читала пачку бумаг; я понял, что она телепатирует. Ван спросил:

– Где тебя черти носили? Я есть хочу.

– Я же не знал, – возразил я.

– Должен был знать.

Он вышел, а я повернулся к мистеру Трэверсу.

– Что мне нужно делать?

Тот заправлял катушку пленки в автоматический передатчик и не ответил мне, пока не покончил с этим занятием.

– Когда она кончит, возьмите у нее эту пачку сообщений и делайте с ними, что уж вы там с ними делаете. Впрочем, это неважно.

– То есть прочесть все это моему близнецу?

– Именно это я и сказал.

– И вы хотите, чтобы он все это записал?

– Передаваемые сообщения всегда записываются. Вас что, ничему не учили?

Я хотел объяснить, что меня и вправду ничему не учили, так как на это не осталось времени, но потом подумал – а какой смысл объяснять? Возможно, он думает, что я – это Пэт, и считает, что я прошел полный курс. Я взял те бумаги, которые Мэй-Лин уже прочитала, и сел. Но Трэверс еще не кончил.

– И вообще я не понимаю, сейчас-то зачем вы, психи, здесь находитесь. Вы же пока что не нужны, мы еще в досягаемости обычной связи.

Я положил бумаги и встал.

– Не называйте нас «психи».

Он глянул на меня и сказал:

– Малыш, да какой же высокий ты вырос. Садись и работай.

Мы были примерно одного роста, только он лет на десять старше и фунтов на тридцать тяжелее меня. Будь мы один на один, я, может, и пропустил бы все это мимо ушей, но в присутствии Мэй-Лин не мог.

– Я сказал, чтобы вы не называли нас «психами». Это невежливо.

Вид у него был усталый и недовольный, однако упрямиться он не стал.

– Хорошо, хорошо. Только не будь таким уж недотрогой. И займись этими сообщениями.

Я сел, просмотрел передаваемый материал, окликнул Пэта и сказал ему подготовить диктофон; это уже не было тренировочной связью. Он ответил:

– Позвони через полчаса. Я обедаю.

– (Я и сам завтракаю, только мне не дали закончить. Не тяни волюнку, Пэт, перечитай лучше этот контракт, который ты прямо рвался подписать.)

– Ты и сам рвался не меньше. А в чем дело, братец, уже дрожат коленки?

– (Может, дрожат, может, нет. Только у меня появилось подозрение, что это будет совсем непохоже на длинную веселую прогулку. И одно я успел уже усвоить: если капитан посылает тебя за ведром краски, он хочет, чтобы ты ему принес это ведро, а не объяснения, что тебе помешало. И полное ведро. Так что включай свой диктофон и приготовься принимать цифры.)

Пэт что-то пробормотал и сдался. Потом, после задержки (это уж точно мама говорила, чтобы он доел спагетти), объявил:

– Готов.

Сообщения почти полностью состояли из чисел, (имеющих, наверное, какое-то отношение к старту), и кода, поэтому мне пришлось заставить Пэта все повторять. Это было не трудно, но очень уж скучно. Единственным сообщением, которое шло открытым текстом, был заказ Капитана послать розы некоей миссис Детвейлер из Брисбейна с переводом стоимости на его счет в Ф.Д.П. и с припиской «Спасибо за великолепный прощальный ужин».

Больше личных посланий не было; похоже, члены нашей команды не оставили после себя никаких неурегулированных дел на Земле.

Я подумал было, не послать ли розы Моды, но делать это с посредничеством Пэта не хотелось. Подумав было, что это можно сделать через Мэй-Лин, я вспомнил, что хотя деньги в банке у меня и есть, но я оставил своим доверенным того же Пэта и все равно потребуются его подписи под счетом. Так что я решил прекратить попытки ходить по мостикам, которые сам же за собой и сжег. Жизнь на борту «Л.К.» быстро вошла в рутинную колею. Ускорение увеличили еще на пятьдесят процентов, в результате чего я стал весить сто пятьдесят восемь фунтов; ноги мои сперва побаливали, пока я не привык, но привык я скоро – у тощих тоже есть кое-какие преимущества. Мы, психи, стояли одну вахту из пяти, по двое – мисс Гамма и Каз Уорнер в этом не участвовали, они связывались с другими кораблями. Сначала у нас была уйма свободного времени, но Капитан быстро с этим делом покончил.

Зная, что Ф.Д.П. мало надеется на наше возвращение, я не заботился особенно относительно пункта в контракте, гарантирующего обучение во время рейса, но вскоре обнаружилось, что Капитан-то про этот пункт забывать не собирался. Возможность учиться была абсолютно для всех, а не только для нас, телепатов школьного возраста. Капитан назначил педагогический совет в составе доктора Деверо, миссис О'Тул и мистера Кришнамурти, и нам была предложена программа обучения практически всему, чему угодно, от рисования с натуры до древней истории. Последнюю преподавал лично Капитан; неожиданно выяснилось, что он знал Саргона Второго и Сократа буквально как своих собственных братьев. Дядюшка Альфред пытался записаться на все сразу, что было совершенно невозможно, даже если бы он перестал есть, спать и стоять вахты. У него никогда, рассказал он мне, не было времени учиться всему, чему хотелось учиться, и теперь-то он собирается наверстать упущенное. Даже мой настоящий

дядюшка, Стив, записался на пару курсов. Вероятно, услышав об этом, я вытаращил глаза от удивления, так как он сказал:

– Знаешь, Том, в первом же своем рейсе я понял, что единственный способ сделать Космос сносным и терпимым – это подобрать себе какой-нибудь предмет для изучения и потом действительно изучать его. Обычно я записывался перед полетом на какие-нибудь заочные курсы. Но на этой посудине находится самый великолепный набор по-настоящему блестящих голов, вряд ли ты такой когда-нибудь еще увидишь. И если ты этим не воспользуешься, то ты просто идиот. Возьми вот, например, кулинарный курс мамочки О'Тул – ну где еще ты найдешь, чтобы дипломированный кулинар высшего разряда с охотой и даром учил своему возвышенному искусству? Я тебя спрашиваю, где?

Я рассудительно возразил дядюшке, что мне, пожалуй, никогда не понадобится это вот высокое кулинарное искусство.

– А какое это имеет отношение к делу? Учение – совсем не средство достижения цели, оно само и есть цель. Ты вот глянь на дядюшку Альфа, он же бегаёт счастливый, как мальчишка с новой рогаткой. В любом случае, если ты не запишешься на какой-нибудь серьёзный курс, старина Деверо найдет, чем тебя занять, хоть заклепки считать заставит. Почему, ты думаешь, Капитан именно его назначил главой педагогического совета?

– Как-то не задумывался.

– А ты задумайся. В Космосе самая большая опасность – клаустрофобия. Тебя запирают на длительное время в малом пространстве, и снаружи нет совершенно ничего, кроме очень-очень разреженного вакуума. Ни уличных фонарей, ни кегльбанов. А внутри все время одни и те же физиономии, и потихоньку ты начинаешь их ненавидеть. Ну так что же делает умный капитан? Умный капитан старается сделать так, чтобы у тебя было нечто интересующее тебя и занимающее твоё время – а уж наш-то Капитан – умнейший, какого только можно сыскать, иначе он бы не был в этом рейсе.

Тут я начал понимать, что очень многое на «Л.К.» было организовано с одной целью – сохранять нас здоровыми и в более менее хорошем настроении. Не только курсы, многое другое тоже. Например, наша многочисленность – почти две сотни. Дядя Стив рассказывал мне, что как корабль «Л.К.» обошелся бы командой человек в десять: капитан, три офицера управления, три механика, связист, фермер и кок. Да что там, и это можно было бы урезать до пяти: два офицера управления (один из них командует кораблем), двое, присматривающих за двигателями, и фермер-кок.

– А к чему тогда две сотни?

– Во-первых, к тому, что для них есть место. «Л.К.» и остальные корабли были переделаны из огромных грузовиков, использовавшихся Фондом для поставки припасов с Земли на Плутон и руды с Плутона на Землю. Во-вторых, нужен большой научный персонал для исследования планет, если мы их обнаружим. В-третьих, некоторые из нас – что-то вроде запасных деталей, например, – Резервный Капитан Уркхард, да что уж там, и я – тоже. Кто-то из нас умрет, кто-то погибнет, а корабль должен лететь дальше. Все это верно, но самое главное, как я теперь понял, это то, что никакая малая социальная группа не может быть стабильной. Это даже описано математически с эмпирическими формулами и символами для всяких «боковых давлений», «обменных валентностей» и «экзогенных освобождений». (Эта последняя штука обозначает всего лишь то, что молодые ребята из маленьких поселков женятся обычно где-нибудь на стороне.) Или подумайте так. Предположим, у вас имеется одноместный космический корабль, способный путешествовать в одиночку несколько лет. На нем может лететь только человек, заранее сдвинутый неким образом – в противном случае он вскоре сдвинется другим образом и начнет вырывать приборы из пульта управления. Пусть это будет двухместный корабль: даже

если вы посадите на него пару, влюбленную друг в друга не меньше, чем Ромео и Джульетта, к концу рейса и Джульетта станет больше походить на ядовитую скорпиониху. Трое – ничем не лучше, даже хуже, особенно если они объединятся двое против одного. Значительно безопаснее большие числа. Даже при каких-то двух сотнях людей возможно девятнадцать тысяч девятьсот способов составить из них пары и друзей или врагов; так что очевидно, что разнообразие возможностей общения очень резко растет с увеличением числа членов группы. В большой группе гораздо больше шансов найти друзей и способов избегать людей, тебе не симпатичных. Все это крайне важно на корабле.

Наряду с курсами по выбору у нас были и обязательные, называвшиеся «корабельное обучение». Обозначало это то, что каждый обязан научиться хотя бы одной корабельной специальности кроме своей основной. Я отстоял две вахты внизу, у пульта управления двигателями, после чего Главный механик Роч изложил в письменной форме свое мнение касательно того, что из меня никогда не получится двигательщик по причине врожденного отсутствия способностей к ядерной физике. По правде говоря, мне было сильно не по себе находиться в такой близости от ядерной энергетической установки и представлять себе весь этот адский огонь, полыхающий в каких-то футах от меня.

Но и фермер из меня получился не лучше. Я провел две недели на этой корабельной ферме с кондиционированным воздухом и делал там неправильно почти все, за исключением кормления цыплят. Когда меня поймали на том, что я не в ту сторону перекрестно опыляю какие-то растения из семейства тыквенных (растения эти были особой гордостью миссис О'Тул), она отпустила меня с фермы. Сделала это миссис О'Тул не со злостью, а скорее – с грустью.

– Том, – сказала она, – ты хоть что-нибудь умеешь делать хорошо?

Я обдумал этот вопрос.

– Ну, я умею мыть посуду... а когда-то я выращивал хомяков.

Тогда она отослала меня в исследовательский отдел, где я стал мыть колбы в химической лаборатории и кормить подопытных животных. Колбы были небьющиеся. К электронному микроскопу меня близко не подпускали. Это был еще приличный вариант – меня могли еще послать в прачечную. Из этих самых 19900 комбинаций, возможных на борту «Л.К.», мы с Дасти Родсом как раз и являлись одной из плохих. Я не стал записываться на курсы чертежников, так как эти курсы вел он; этот мелкий прыщ и вправду был отличным чертежником. Я и сам черчу вполне прилично, и хотел бы посещать эти курсы. Что хуже всего, у него был просто оскорбительно высокий индекс интеллекта, выше, чем у гениев. Поэтому при спорах он крутил мной, как хотел. В довершение этого, он обладал манерами поросенка и в общении был приятен, как скунс – малосимпатичное сочетание, с какой стороны ни посмотри.

Слова «Пожалуйста» и «Спасибо» в его словаре отсутствовали напрочь. Он никогда не прибирал свою постель, если только над его душой не стоял кто-нибудь из начальства, и я часто, войдя в каюту, заставал его на своей постели, которую он мял и комкал. Он никогда не вешал одежду в шкаф, всегда оставлял умывальник после себя грязным, а самое лучшее его настроение выражалось в полном молчании.

К тому же он редко принимал душ. На борту корабля это – уголовное преступление.

Сперва я был с ним вежлив, потом стал на него орать, потом даже стал ему угрожать. В конце концов я сказал ему, что следующая же принадлежащая ему вещь, которую я найду на своей койке, прямым ходом отправится в конверт. В ответ он только глумливо ухмыльнулся, и на следующий же день я обнаружил его фотоаппарат на своей койке, а грязные носки – на подушке.

Носки я швырнул в умывальник, который он оставил наполненным грязной мыльной водой,

а аппарат запер в своем шкафу, чтобы он поканючил, пока я ему его верну.

Но Дасти не стал пицать. Через некоторое время я обнаружил, что аппарата в моем шкафу нет, несмотря на то, что шкаф этот был заперт на наборный замок, который мистеры Йель и Тауни легкомысленно назвали «невскрываемый». Не было в шкафу и моих чистых рубашек. То есть рубашки были, но они не были чистыми; некто тщательно перепачкал их все до единой.

Раньше я на него не жаловался. Справиться со всем этим стало уже вопросом гордости: мысль о том, что я не могу справиться с существом вдвое мельче меня и значительно младше, восторга не вызывала.

Однако, глядя на то, во что он превратил мою одежду, я сказал себе: «Томас Пейн, лучше тебе признать свое поражение и попросить помощи – иначе тебе только и останется объяснить убийство необходимой самозащитой».

Но жаловаться мне не пришлось. Меня вызвал Капитан; оказывается, Дасти сам пожаловался на меня.

– Бартлет, этот маленький Родс заявил мне, что Вы к нему пристаёте. Вы не можете объяснить мне положение со своей точки зрения?

Тут я чуть не взорвался, но потом медленно выдохнул и попытался успокоиться, ведь Капитан действительно хочет знать ситуацию.

– Я бы этого не сказал, сэр, хотя мы и вправду не ладим.

– Вы его били?

– Ну... в буквальном смысле я его не бил. Но я неоднократно сдергивал его со своей койки – и не старался при этом быть особенно нежным.

Капитан вздохнул.

– Может, Вам стоило его вздуть, конечно, так, чтобы я об этом не знал. Ну ладно, расскажите мне все. И старайтесь рассказывать все откровенно и – поподробнее.

И я рассказал ему. Звучало все это очень мелко, и мне было стыдно. У Капитана есть заботы поважнее, чем то, что мне приходилось отдирать от грязи раковину, чтобы иметь возможность умыться самому. Но Капитан слушал меня внимательно.

Вместо того, чтобы ответить, может, – сказать, что мне надо бы получше справляться с таким маленьким мальчишкой, Капитан заговорил о другом.

– Бартлет, а Вы видели эту иллюстрацию, которую Дасти нарисовал для сегодняшней корабельной газеты?

– Да, сэр. Просто великолепно, – согласился я. Нарисовано там было сильное землетрясение, случившееся в Сантьяго уже после нашего отлета.

– Ммм... нам приходится допускать у вас, людей с особыми способностями, некоторые отклонения от нормы. Дасти находится здесь потому, что он был единственным телепатом, способным принимать и передавать изображения.

– А это так важно, сэр?

– Может оказаться важным. Это мы узнаем только тогда, когда возникнет такая необходимость. Но это вполне может оказаться критически важным. В противном случае я никогда не допустил бы, чтобы такой избалованный щенок оказался на борту моего корабля. – Он нахмурился. – Однако, доктор Деверо не находит у Дасти никакой патологии.

– Ну, я же не говорил ничего про патологию.

– Послушайте меня, пожалуйста. Он говорит, что у мальчика неуравновешенная индивидуальность. Умственному его развитию может позавидовать взрослый, но оно сочетается со страшно задержанным социальным развитием. Его оценки и отношение к окружающим находятся на уровне пятилетнего, и это – в сочетании с великолепными мозгами. Далее доктор Деверо сказал, что он хочет ускорить это развитие детской части личности Дасти, иначе тот

может совсем замкнуться внутри себя, свернуться в кокон.

– И?

Я хотел сказать, «да, сэр?»

– И вам надо было его отлупить. С этим мальчишкой неладно одно – родителям надо было его пороть, а они вместо этого восхищались, какой он умница. – Капитан опять вздохнул. – А теперь придется это делать мне. Доктор Деверо говорит, что я – как раз подходящая личность для создания образа отца.

– Да, сэр.

– Голова у меня раскалывается от этих «Да, сэр». Это не корабль, это какой-то несчастный детский сад. А больше неприятностей у Вас нет?

– Нет, сэр.

– Странно. Вот Дасти жаловался еще на то, что штатные связисты называют вас психами. – Он внимательно посмотрел на меня. Я не отвечал, мне было как-то неудобно. – Как бы там ни было, больше они этого делать не будут. Я помню, как однажды один член команды чуть не зарезал другого за то, что тот никак не мог перестать называть его «Лысый». Моя команда будет вести себя, как настоящие леди и джентльмены, иначе мне придется кое-кого взять за шкирки и стукнуть лбами. – Он нахмурился. – Я переведу Дасти в помещение напротив моей каюты. Если Дасти отстанет от Вас, оставьте и Вы его в покое. Если не отстанет... ну что же, сами решайте, что тогда делать, однако не забывайте, что Вы сами отвечаете за свои поступки. Не забывайте и того, что я не хочу, чтобы кто-то из команды превращался в половик, о который можно вытирать ноги. Все. До свидания.

Глава 8

Относительность

Рейс продолжался уже неделю, когда было принято решение оперировать Пэта. Пэт говорил, что его собираются оперировать, но особенно мы это не обсуждали. Он вел себя, как человек со стальными нервами, так, как будто он собирается грызть орешки и читать юмористические рассказы в то время, как его будут распиливать на кусочки. Я думаю, в действительности он был ужасно перепуган... я бы на его месте – точно.

Не то, чтобы я много понял, знай я все подробности; я же не нейрохирург, ни в коем случае, вытащить занозу – предел моих способностей. Но это значило, что некоторое время я не смогу стоять вахты; так я и сказал командору Фрику. Он уже и сам знал об этом из переговоров корабля с Ф.Д.П. и велел мне исключить себя из вахтенного расписания за сутки до операции, а потом быть готовым к исполнению других поручений в послеоперационный (для Пэта) период. Ему было все равно; другие телепаты продолжали действовать, да к тому же мы еще не вышли из пределов радиосвязи с Землей.

Через две недели после старта и за день до того, как Пэта должны были резать, я сидел в своей каюте и принимал важное решение – то ли явиться в центр связи, предложить свои ценные услуги и вынести мусорные корзины или микрофильмировать документы, то ли просто сидеть где сижу и ждать, пока меня позовут.

Я только что склонился в пользу последнего, вспомнив совет дяди Стива никогда не высываться, и собирался лечь на койку, когда громкоговоритель проорал:

– Т.П. Бартлет, специальный связист, явиться к Релятивисту.

Я поднял свою койку, задумываясь при этом, нет ли в моей каюте скрытой телекамеры – все мои попытки опустить койку в рабочие часы кончались одинаково: меня куда-то вызывали. Доктора Бэбкока не было на месте, и меня выгнали с поста управления, однако я успел там немного оглядеться. Вход на пост управления был строго воспрещен для посторонних. Нашел я нашего Релятивиста в Вычислительном центре, напротив центра связи – в том самом месте, куда я и пошел бы за ним в первую очередь, если бы не желание заглянуть на пост управления. Я доложил:

– Т.П. Бартлет, связист десятого разряда, явился по Вашему приказанию.

Доктор Бэбкок резко развернулся на своем вращающемся стуле и уставился на меня. Это был крупный, ширококостный человек, весь состоявший из рук и ног; он больше смахивал на лесоруба, чем на матфизика. Думаю, это было слегка наиграно – локти на столе, неправильный язык и все такое. Дядя Стив говорил, что у Бэбкока больше научных званий, чем у большинства людей – носок.

Так вот, он уставился на меня, потом рассмеялся.

– И где ж это ты набрался таких липовых военных манер, сынок? Садись. Ты Бартлет?

Я сел.

– Да, сэр.

– Чего это вы с братцем вышли из вахтенного расписания?

– Понимаете, сэр, мой брат в больнице. Завтра там будут что-то делать с его позвоночником.

– Так почему же ты мне этого не сказал? – Я не стал отвечать, не видел смысла; я даже не был в его отделе.

– Фрик ничего мне не рассказывает. Капитан ничего мне не рассказывает, теперь и ты вот

ничего мне не рассказываешь. Мне приходится таскаться на камбуз и подбирать огрызки слухов, чтобы хоть немного быть в курсе, что у нас тут происходит. А я собрался завтра с тобой поработать, ты же знаешь об этом? Знаешь?

– Нет, сэр.

– Ясное дело, не знаешь, потому что и я тоже никому ничего не рассказываю. Ну разве могут быть на корабле такие порядки! Надо было мне остаться в Вене. Мощный город. Когда-нибудь пробовал кофе с пирожными на Ринге? – Мой ответ его не интересовал. – Как бы там ни было, я собирался завтра работать с тобой и с твоим братом. Так что теперь придется сделать это сегодня. Скажи ему, чтобы приготовился.

– А что вы хотите чтобы он делал, Доктор? Его уже увезли в больницу.

– Ты только скажи ему, чтобы приготовился. Хочу калибровать вас двоих, вот что. Измерить ваш индекс ошибки.

– Сэр?

– Ты, главное, скажи ему...

Я окликнул Пэта. Мы не разговаривали с ним после завтрака, и я не знал, как он воспримет это предложение. Но Пэт уже знал.

– Хорошо, хорошо, – сказал он устало. – Они прямо сейчас устанавливают в палате свой прибор. Мама подняла такой шум, что ее пришлось отослать.

– (Слушай, Пэт, если ты не хочешь этого делать, то что бы там ни было, я так им и скажу, что ничего не выйдет. Они слишком много хотят.)

– А какая разница, – ответил он с раздражением. – Мне все равно надо каким-то образом провести ближайшие шестнадцать часов. Да и вообще может получиться, что это последний наш сеанс.

Впервые он не удержался и показал, как все это на него действует. Я торопливо сказал:

– (Не надо так говорить, Пэт. С тобой все в порядке, все будет хорошо. Ты снова будешь ходить. Да что там, ты сможешь и на лыжах кататься, если захочешь.)

– Кончай ты с этой ободрительной чушью. Я уже наслушался этого от предков больше чем достаточно. Тошнит просто.

– (Да ты послушай, Пэт...)

– Кончай, кончай. Давай лучше займемся тем, чего они от нас хотят.

– (Ну, хорошо.) – А вслух я сказал:

– Он готов, Доктор.

– Секунду. Запускайте камеру, О'Тул. – Доктор Бэбкок нажал что-то на своем столе.

– Командор Фрик?

– Да, Доктор, – ответил голос Фрика.

– Мы готовы. Вы придете?

– Тут все в порядке, – услышал я ответ своего начальника. – Сейчас идем. – Через секунду он вошел в сопровождении Анны Хорошей. Тем временем я осмотрелся. Одну из стен вычислительного центра полностью занимал компьютер, поменьше, чем в Лос-Аламосе, но не намного. Перемигивающиеся лампочки на его панелях, наверное, что-то для кого-то значили. Под прямым углом к компьютеру за пультом сидел мистер О'Тул, над пультом висел большой экран дисплея, в центре которого примерно каждую секунду появлялась яркая вспышка.

Анна без слов кивнула мне; я понял, что она на связи. Пэт сказал:

– Том, у вас там есть девушка по имени Анна Хорошей. Ее там нет поблизости?

– (Есть. А что?)

– Передай ей привет. Я знал ее в Цюрихе. Тут находится ее сестрица Бекки. – Он чуть хихикнул, что меня обрадовало. – Симпатичная девица, правда? Моды ревнует.

Бэбкок сказал Фрику.

– Скажи, чтобы они приготовились. Первый синхронизирующий прогон, с того конца.

– Скажи им, Анна.

Она кивнула. Я не понимал, зачем потребовалась вторая телепара, если они могут переговариваться через нас с Пэтом. Скоро я понял: мы с Пэтом были слишком заняты.

Пэт выдавал тикающие звуки, как часы, а мне было ведено их повторять. При каждом моем тике на дисплее появлялась вспышка. Бэбкок наблюдал за дисплеем, потом он развернул его так, чтобы мне не было видно, и прикрепил микрофон к моей гортани.

– Снова.

Пэт сказал:

– Внимание... – и опять начал тикать. Я старался как мог, чтобы тикать с ним одновременно, но выглядело это, конечно, до крайности глупо. Я услышал, как Бэбкок тихо произнес:

– Это снимает обратную связь и задержку из-за конечности скорости звука. Жаль, что мы не можем получше измерить скорость передачи сигнала. По нервным синапсам.

Фрик сказал.

– А с Деверо ты говорил?

Я продолжал тикать.

– А теперь прогон в другую сторону, – сказал Бэбкок, надевая на меня наушники. Я сразу же услышал тиканье вроде того, какое издавал Пэт. – Вы, молодой человек, слушаете сейчас спектральный метроном, ритм которого задается монохроматическим светом. Он был синхронизирован с тем, который использует ваш брат. А теперь – тикайте ему.

Я начал тикать. Занятие это прямо гипнотизировало; легче было войти в ритм и тикать вместе с метрономом, чем выбиться из этого ритма. Не обращать на него внимания было невозможно. Меня стало клонить в сон, но я продолжал тикать; остановиться я просто не мог.

– Конец прогона, – возвестил Бэбкок. Тиканье прекратилось, я снял наушники и потер свои уши.

– Доктор Бэбкок?

– А?

– А как Вы сможете отличить один тик от другого?

– Что? Ты – конечно, не сможешь, а О'Тул – сможет. У него все снято на пленку. То же самое и на другом конце. Да ты не бери в голову, главное – старайся оставаться в ритме.

Вся эта ерунда продолжалась еще больше часа; иногда передавал Пэт, иногда – я. В конце концов О'Тул поднял глаза и сказал.

– Усталость начинает все портить, Доктор. Вторые производные быстро растут.

– О'кэй, тогда кончаем, – объявил Бэбкок. Он повернулся ко мне. – Можете поблагодарить от моего имени своего брата и объявить ему о конце связи.

Командор Фрик и Анна вышли, а я остался. Через некоторое время доктор Бэбкок поднял глаза и сказал:

– Можешь идти, парень. Спасибо.

– Доктор Бэбкок?

– А? Чего тебе?

– Не могли бы Вы рассказать мне, зачем все это?

На лице его появилось изумление, затем он сказал:

– Прости, пожалуйста, я отвык от людей, все с приборами; я забыл. Хорошо, садись. Вот для этого-то вас, телепатов, и взяли на корабль: для исследования природы времени.

Я посмотрел на него с недоверием.

– Сэр? Я думал, мы здесь для того, чтобы сообщать о планетах, которые мы надеемся обнаружить.

– А, это... Ну, наверное, и это тоже, но только исследование времени значительно важнее. Людей и так чересчур много, зачем еще новые колонии? Математик может решить проблему народонаселения в одно мгновение – просто перестрелять всех через одного.

Мистер О'Тул встал, не глядя на нас.

– За что я люблю Вас, шеф, так это за доброту и великодушие.

– Там, на галерке, потише, пожалуйста. Так вот, сегодня, сынок, мы пытались узнать, сколько сейчас времени.

Видимо, все мое непонимание отразилось на лице, так как он продолжал:

– Да, конечно, мы знаем, сколько сейчас времени, но установить это очень нелегко. Видишь эту штуку? – Он указал на экран дисплея, неустанно тикавший каждую секунду. – Это Гринвичское время, принятое по радио с поправкой на относительную скорость и ускорение. Затем есть другое время, которое ты слышал в наушниках; по этому времени живет корабль. И есть еще то время, которое ты получаешь от своего брата и передаешь нам. Мы пытаемся сравнить все три времени: трудности появляются из-за необходимости включать в цепь людей; если десять секунд – малое время для нервной системы, микросекунда – вполне измеримое и длительное время в физике. Обычная радарная система делит микросекунду с той же легкостью, как ты – фунт масла. Поэтому мы используем много прогонов, чтобы попытаться как-то скомпенсировать свое незнание.

– Понятно, но что Вы надеетесь обнаружить?

– Если бы я «надеялся», я бы сейчас этим не занимался. Но можно выразить это так: мы пытаемся узнать, что значит слово «одновременно».

Мистер О'Тул поднял глаза от своего пульта.

– Если оно вообще что-нибудь значит.

Мистер Бэбкок искоса взглянул на него.

– Ты еще здесь? «Если оно вообще что-нибудь значит.» Сынок, начиная со времени великого доктора Эйнштейна, «одновременность» и «одновременно» – эти слова для физиков были непристойными. Мы изгнали саму концепцию одновременности, заявили, что она не имеет смысла, и построили в ее отсутствие великолепное здание теоретической физики. А тут явились вы, телепаты, и все порушили. Не надо этого виноватого вида, любое здание нужно время от времени прибирать. Если бы вы занимались своими фокусами, придерживаясь скорости света, вам бы отвели строчку в учебниках и забыли о вас. Но ведь вы совершенно невежливо настаиваете на том, что проделываете все это со скоростью, неизмеримо большей, чем скорость света, в результате чего ваше появление в физике не более уместно, чем появление свиньи на свадьбе. Вы раскололи физиков на две школы, на тех, которые хотят объявить вас чисто психологическим явлением, до которого физике нет дела, ребят, считающих, что «вот мы закроем глаза, и оно само исчезнет», и на другую школу, которая понимает: то, что вы делаете, чем бы это ни было, поддается измерению и, следовательно, дело физиков – провести эти измерения и включить их в общую картину. Ведь физика в первую очередь – умение измерять различные объекты и приписывать им определенные численные значения.

О'Тул сказал:

– Не ударяйся так в философию, шеф.

– Иди ты к своим цифрам, О'Тул. У тебя просто нет души. Так вот, эти ребята хотят измерить, как быстро вы это делаете. Они не боятся, что это – очень быстро, они успели уже оправиться от потрясения тем, что вы делаете это быстрее скорости света, но они хотят точно знать – насколько быстро. Они просто не могут принять мысль о том, что вы делаете это

«мгновенно», тогда нужно будет переделывать абсолютно все. Они хотят получить некую определенную скорость распространения сигнала, во столько-то раз больше скорости света. Тогда они смогут видоизменить свои прежние уравнения и со счастливыми лицами вернуться к своим забавам.

– Именно так они и сделают, – согласился О'Тул.

– А еще есть третий подход, правильный, то есть мой собственный.

О'Тул, не поднимая глаз, громко закашлялся.

– Опять твоя астма? – озабоченно осведомился Бэбкок. – Кстати, ты получил уже результаты?

– Они, как и раньше, делают это за нулевое время. Экспериментальные значения времени запаздывания являются отрицательными так же часто, как и положительными, и все они не превосходят ошибки измерения.

– Вот видишь, сынок, это и есть верный подход. Измерь, как это происходит, и будь что будет.

– Вы только послушайте!

– Да стихни ты, ренегат. К тому же вы, телепаты, даете нам первую реальную возможность проверить еще одно обстоятельство. Ты знаком с релятивистскими преобразованиями?

– Вы имеете в виду уравнения Эйнштейна?

– Конечно. Ты помнишь преобразование времени?

Я задумался. Мы с Пэтом учили начала физики, но это было очень давно. Я взял лист бумаги и написал, как мне это помнилось:

$$t(0)=t*\text{SQRT}(1-v^2/c^2)$$

– Вот-вот, – согласился доктор Бэбкок. – При относительной скорости v временной интервал в первой системе отсчета равен временному интервалу во второй системе отсчета, умноженному на квадратный корень из единицы минус квадрат относительной скорости, деленный на квадрат скорости света. Конечно, это особый случай, для постоянных скоростей, при ускорении все выглядит сложнее. Но было очень много разногласий относительно того, что означает временное уравнение, если оно вообще что-либо означает.

– А? – выпалил я. – Но мне казалось, что теория Эйнштейна доказана. – Я вдруг подумал, что если уравнения теории относительности ошибочны, нам предстоит очень долгая прогулка. Тау Кита, наша первая остановка после Солнца, находится в одиннадцати световых годах... и это только первая, остальные гораздо дальше.

Но ведь все говорили, что, когда мы приблизимся к скорости света, месяцы промелькнут, подобно дням. Ведь уравнения утверждают именно это.

– Слушай меня внимательно. Каким образом ты можешь доказать, что в птичьем гнезде есть яйца? Не надо напрягать извилины: просто влезть на дерево и проверить. Другого способа нет. Вот мы теперь как раз и лезем на дерево.

– Отлично! – сказал О'Тул. – Иди и карабкайся на елку.

– Здесь не так все просто. Одна школа считает, что уравнения обозначают следующее – если посмотреть на часы с мимо летящей звезды... чего сделать нельзя... то увидишь на них другое время, но реального растяжения и сжатия времени нет – как бы ни понимать слово «реальное». Другая школа указывает на сопутствующие уравнения для длины и массы. Знаменитый опыт Майкельсона-Морли показал, что преобразование длины является «реальным», а увеличение массы вычисляется и используется в кинематике ускорителей, да и везде в ядерной физике – например, в факеле, ускоряющем этот корабль. Поэтому, рассуждали

они, изменение скорости течения времени тоже должно быть реальным, так как сопутствующие уравнения проверены на практике. Но точно никто не знает. Надо влезть на дерево и посмотреть.

– А когда мы узнаем? – Меня не покидало беспокойство. С тем, что я пробуду на корабле несколько лет, по Эйнштейновскому времени, я согласился заранее. О том, что я могу за это время погибнуть, как предостерегал нас дядя Стив, я решил не задумываться. Но умереть на «Л.К.» от старости – на это я как-то не рассчитывал. Перспектива была мрачная – пожизненное заключение в этих стальных стенах.

– Когда? Да мы уже знаем.

– Знаете? И как же?

– Ты, сынок, меня не торопи. Мы в пути уже пару недель, с ускорением в 124% g; теперь мы достигли скорости примерно 9 000 миль в секунду. Отошли мы еще не слишком далеко, пусть это будет семь с половиной световых часов или около 5 450 000 000 миль. Пройдет еще почти год, пока мы станем подбираться к скорости света. Несмотря на это, у нас уже заметная доля скорости света, около пяти процентов. Вполне достаточно для проверки. Все очень легко измерить, с помощью вас, телепатов.

– Да, сэр? И это реальное различие времени? Или только относительное?

– Ты используешь неправильные термины. Однако оно «реально», если только это слово вообще что-то значит. В настоящее время отношение приблизительно равно 0,999.

– Если уж быть точным, – добавил мистер О'Тул, – проскальзывание Бартлета – это технический термин, только что введенный мною – и вот, его проскальзывание в скорости течения времени по отношению к его земному близнецу достигло к настоящему моменту двенадцати десятитысячных.

– И значит, ты из-за одной пятидесятой процента выставляешь меня лжецом? – пожаловался Бэбкок. – О'Тул, зачем я только тебя взял?

– Наверное, чтобы иметь кого-нибудь, кто занимался бы для тебя умножением, – с достоинством парировал ассистент.

Пэт сказал мне, что не хочет, чтобы я присутствовал при операции, но я все равно явился. Я заперся в своей каюте, чтобы мне никто не помешал, и подключился к нему. Он вообще-то не протестовал; – когда я с ним заговаривал, он отвечал, – и чем ближе была оптация, тем больше мы разговаривали... беспечная болтовня обо всем и ни о чем. Меня это не обманывало.

Когда Пэта покатали в операционную, он сказал:

– Том, поглядел бы ты на моего анестезиолога. Хорошенькая, как майское утро, и как раз нужного размера.

– (А разве лицо не под маской?)

– Ну, не совсем. Видны ее хорошенькие голубые глаза. Я, пожалуй, спрошу, что она делает сегодня вечером.

– (Моди это не понравится.)

– Не надо мешать в это дело Моды. Должны же быть хоть какие-нибудь привилегии у больного человека. Подожди секунду. Я ее спрошу.

– (Что она сказала?)

– Она сказала «ничего особенного», и что я в ближайшие дни буду занят тем же самым. Но я спрошу у нее телефон.

– (Пять против двух, что она не скажет.)

– Ну, попробую... ох, ох. Поздно, они начинают. Том, ты бы не поверил, эта игла, она толщиной со шланг. Они говорят, чтобы я считал. Ладно, для смеху... раз... два... три...

Пэт дошел до семи, и я считал вместе с ним. Тем временем меня все больше и больше

охватывало невыносимое напряжение и страх. Теперь я понял, что Пэт, возможно, все это время был уверен, что не выйдет из наркоза. На счете «семь» он сбился, но его мозг не замолк. Возможно, те, которые стояли вокруг операционного стола, считали, что он потерял сознание, но я-то знал, что это не так; он был заперт внутри и кричал, кричал, чтобы его выпустили. Я крикнул ему, и он отозвался, но мы не могли найти друг друга. А потом и я, подобно Пэту, тоже был заперт, затерян и ничего не понимал, и оба мы растерянно метались во тьме, холоде и одиночестве того места, куда приходит смерть.

А потом я почувствовал, как мою спину полоснул нож, и закричал. Следующее, что я помню, – это несколько лиц, плывущих надо мной. Кто-то произнес:

– Доктор, он, кажется, приходит в себя. – Этот голос не принадлежал никому, он доносился откуда-то издалека.

Потом осталось только одно лицо, и оно спросило:

– Тебе лучше?

– Пожалуй. А что со мной случилось?

– Выпей это. Вот, я приподниму твою голову.

Когда я пришел в себя в следующий раз, то воспринимал окружающее уже гораздо лучше и сообразил, что нахожусь в корабельном лазарете. Здесь же находился Доктор Деверо, он смотрел на меня.

– Так, значит, решили все-таки прийти в себя, молодой человек?

– А от чего, доктор? Что это было?

– Точно не знаю, но ты являл собою классическую клиническую картину пациента, умирающего от послеоперационного шока. К тому времени, как мы взломали твою дверь, ты зашел уже очень далеко, мы даже не были уверены, что сможем тебя откачать. Ты сам-то можешь что-нибудь про это рассказать? Я попытался думать и вдруг вспомнил. Пэт! Я окликнул его.

– (Пэт! Где ты там?)

Ответа не было. Я попробовал снова, но он опять не отвечал, и тогда я понял. Я с трудом поднялся на койке и сумел кое-как выдавить из себя:

– Брат... он же умер!

Доктор Деверо сказал:

– Чушь, успокойся, ложись. Он жив... если только не умер за последние десять минут, в чем я сильно сомневаюсь.

– Но я не могу с ним связаться! Откуда вы знаете? Я же говорю вам, что он меня не слышит!

– Слезь-ка со стенки. Знаю, потому что все утро следил за ним через вахтенного телепата. Он спит, получив уже восьмой кубик гипнала, потому-то ты и не можешь до него докричаться. Сынок, я, наверное, идиот – да что там, я точно идиот, ведь нужно было предупредить тебя не соваться в это дело – ведь я же давно имею дело с человеческим мозгом и мог сообразить, хотя бы приблизительно, что случится с тобой при этих обстоятельствах. Меня немного извиняет только то, что с такой ситуацией я сталкиваюсь впервые.

Я малость стих. Если Пэта накачали снотворным, то было понятно, почему мне до него не докричаться. Направляемый вопросами Доктора Деверо, я кое-как сумел рассказать, что случилось – конечно, очень приблизительно, ведь невозможно рассказать другому, что происходит у тебя в голове.

– Доктор, а операция прошла успешно?

– Пациент в хорошем состоянии. Поговорим об этом после. А сейчас повернись.

– А?

– Повернись спиной. Я хочу на нее посмотреть. – Он поглядел на мою спину, потом подозвал двоих врачей тоже полюбоваться на нее. Потом ее потрогал.

– Больно?

– Ой. Да, там чего-то больно. А что это у меня со спиной, Доктор?

– Вообще-то ничего страшного. Но у тебя появились два четких шрама, как раз соответствующих надрезам при операции Макдугала... а как раз эту операцию и делали твоему брату.

– А как это?

– А так это, что человеческий мозг – вещь очень сложная и загадочная, мы знаем о нем довольно мало. А теперь перевернись и спи. Я продержу тебя пару дней в постели.

Я не собирался спать, но все равно заснул. Проснулся я от того, что меня окликнул Пэт:

– Эй, Том. Где ты там? Просыпайся.

– (Здесь я. В чем дело?)

– Том... у меня опять появились ноги.

– Ага, знаю, – ответил я и снова заснул.

Глава 9

Родственники

Теперь, когда Пэту вылечили его паралич, я, вроде, должен был быть сам не свой от счастья, ведь теперь у меня было все, чего я хотел. Но почему-то так не получалось. До несчастья с ним я понимал, почему мне плохо: он летит, а я – нет. Потом я чувствовал себя виноватым – я получаю то, чего хотел он, из-за случившейся с ним беды. Не очень было подходящее время для счастья, когда Пэт стал калекой – особенно когда его увечье принесло мне то, чего я хотел.

Ну а теперь, когда он снова здоров, я должен быть счастлив. Попадали вы когда-нибудь на вечеринку, где по идее вам должно быть страшно весело, но вдруг обнаруживается, что никакого веселья нет и в помине? Неизвестно почему, но только веселья нет как нет, и весь мир видится серым и безвкусным?

Некоторые из причин своего угнетенного состояния я понимал. Во-первых, Дасты, но с ним разобрались. Потом с разными прочими, особенно со связистами, стоявшими вахты вместе с нами, которые называли нас «психами» и другими малоприятными словами. Они к тому же и вели себя с нами так, словно мы и вправду психи. Но Капитан и с этим решительно покончил, а когда мы получше познакомились с командой, люди и вообще позабыли все эти глупости. Жанет Меерс, релятивистка, была мгновенным вычислителем, но все воспринимали эту ее способность как что-то само собой разумеющееся. Через некоторое время само собой разумеющимся стало и то, что делали телепаты. Когда мы вышли из области радиосвязи с Землей, Капитан вывел нас из подчинения командора Фрика и организовал в особое подразделение. Возглавлял его дядя Мак Нейл, а Руперт Хауптман стал его помощником; это означало, что Руп следил за вахтенным расписанием, а дядя Альф заведовал нашим питанием и более-менее присматривал за тем, как мы себя ведем. Все мы очень любили Дядю, так что старались не доставлять ему большого беспокойства; если же кто из нас и срывался, вид у Дяди становился такой несчастный, что остальная наша компания быстро ставила провинившегося на место. И это срабатывало.

Думаю, Капитан сделал так по совету Доктора Деверо. Никуда не денешься, командору Фрику мы очень не нравились. Быть радиоинженером, всю свою жизнь работать со все более и более совершенным коммуникационным оборудованием, а потом появляются какие-то люди и делают все лучше, быстрее и вообще без оборудования. Трудно его винить, мне на его месте тоже было бы как-то не по себе. С дядей Альфом нам было лучше.

Пожалуй, мое худое настроение было отчасти связано с «Васко да Гама». Хуже всего в космосе то, что там абсолютно ничего не происходит. По этой причине самым большим событием дня была наша утренняя газета. Весь день вахтенные телепаты записывали земные новости (конечно, когда не были заняты приемом и передачей сообщений, но это занимало немного времени). Информационные агентства оказывали нам свои услуги бесплатно, Дасты добавлял сюда еще и картинки, передаваемые его братом Расти. Связист, несущий ночную вахту, все это редактировал, а телепат и связист ранней утренней вахты печатали газету, к завтраку она была в столовой. Объем газеты ограничивался только тем, сколько материала могут подготовить столь немногочисленные «газетчики». Кроме новостей из Солнечной системы, у нас были также и корабельные новости, не только с нашего «Л.К.», но и с одиннадцати других кораблей. У всех (кроме меня) были знакомые на других кораблях. Или они встречались в Цюрихе или, как старые космонавты вроде Капитана и многих других, были уже

давно знакомы со своими коллегами.

Новости с кораблей обычно относились к повседневной жизни, но нам они были интереснее новостей с Земли; корабли нашего флота были нам как-то ближе, хотя находились они в миллиардах миль от нас и с каждой секундой – все дальше и дальше. Когда Рэй Гилберти и Сумира Ватанабе поженились на борту «Лейфа Эриксона», радостное событие это отмечалось на всех кораблях. Когда на «Пинте» родился ребенок и нашего Капитана избрали крестным отцом, мы были горды.

Каз Уорнер связывал нас с «Васко да Гама», а мисс Гамма Фэтни – с «Марко Поло» и «Санта Марией» через своих близнецов мисс Альфу и мисс Бету, но новости мы получали со всех кораблей, по эстафете. Корабельные новости никогда не сокращались, даже если для этого приходилось сильно урезать земные. Мамочка О'Тул уже жаловалась, что если газета станет еще больше, придется или выдавать чистые простыни и наволочки только раз в неделю, или приказать, чтобы техники организовали ей еще одну прачечную для того, чтобы стирать старые газеты. Как бы там ни было, пока что экологический отдел всегда имел наготове чистую, отглаженную бумагу для каждого нового номера. Мы даже иногда делали дополнительные выпуски, например, когда Люсиль ля Вон получила титул «Мисс Солнечная система» и Дасти изготовил такое отличное ее изображение, что можно было поклясться – это фотография. Из-за этого мы лишились некоторого количества бумаги; многие прищипливали эту иллюстрацию у себя на стенках вместо того, чтобы вернуть на переработку – я и сам так сделал. Я даже получил на свою автограф у Дасти. Моя просьба крайне его удивила, но все равно доставила ему удовольствие, хотя говорил он об этом пренебрежительно. Художник имеет право на признание, даже если он мелкий вредный паразит, вроде Дасти.

Я все это к тому, что «Л.К. Таймс» были кульминационным событием каждого нашего дня, а корабельные новости были их самой важной частью. Той ночью я не стоял на вахте, но все равно к завтраку опоздал. Когда я вбежал в столовую, все, как обычно, читали «Таймс», но, в отличие от обычного, никто не ел. Плюхнувшись между Ваном и Пруденс, я спросил:

– В чем дело? Чего они все?

Пру, не отвечая, протянула мне «Таймс». Первая страница была в черной рамке. По верху ее огромными буквами шло: «ПРОПАЛ „ВАСКО ДА ГАМА“». Я не поверил. «Васка» направлялся к Альфа Центавра, но ему было еще лететь и лететь, года четыре по земному времени. Он еще не дошел и до скорости света. Там, где он находился, вообще ничего не могло произойти. Наверное, это какая-то ошибка.

Я перевернул лист, чтобы прочитать подробности – на второй странице. Там, в рамке, было сообщение с «Санта Марии»: «(Официальное) Сегодня в 0334 по Гринвичу МЗК „Васка да Гама“ (Ф.Д.П. 172) прекратил выходить на связь. В этот момент действовали две специальные линии связи, одна с Землей, одна с „Магелланом“. В обоих случаях связь прекратилась без предупреждения, посреди сообщений, в один и тот же момент приведенного времени. Корабль был укомплектован одиннадцатью специальными связистами. Связаться с кем-либо из них не оказалось возможным. Поэтому приходится считать, что корабль погиб со всем экипажем».

Сообщение Ф.Д.П. констатировало только, что контакт с кораблем утрачен. Было еще заявление нашего Капитана и заметка подлиннее, включавшая в себя комментарии, полученные с других кораблей. Я прочитал все это, но главное содержалось в заголовке: «Васко» пропал, он ушел туда, куда уходят все корабли, не возвращающиеся на Землю.

Тут до меня вдруг дошло, и я поднял глаза. Место Каза Уорнера было пусто. Дядя Альф поймал мой взгляд и тихо сказал:

– Он уже знает, Том. Капитан разбудил его и сказал, как только это случилось. Одно хорошо, что он не был связан в этот момент с братом.

Я не был уверен, что здесь дядя Альф прав. Если бы так случилось с Пэтом, я хотел бы быть с ним в последний момент, ведь хотел бы? Пожалуй, размышлял я, хотел бы. И, во всяком случае, я был уверен, что сам-то Дядя хотел бы держать за руку свою Лапочку, если бы что вдруг случилось и она уходила туда, откуда не возвращаются, раньше него. А Каз и его брат Калек были очень близки, это я знал.

В тот же день, позднее, у нас была заупокойная служба во главе с Капитаном. Дядя Альфред прочел короткую проповедь, а мы все вместе пропели «Молитву за Путешествующих». С этого момента мы притворялись, что и не было такого корабля – «Васка да Гама». Притворялись.

Каз ушел с нашего стола, и мамочка О'Тул взяла его к себе ассистентом. Каз и его брат работали в отеле до того, как их завербовал Ф.Д.П., и Каз очень ей пригодился; поддерживать экологический баланс на корабле с двумя сотнями людей – работенка не из легких. Господи, да просто выращивание пищи для этих двухсот человек, не будь это даже связано еще и с поддержанием атмосферного баланса, – серьезное дело. Одно обслуживание гидропонных плантаций и дрожжевых культур занимало все рабочее время девяти человек. Через несколько недель Каз уже взял на себя надзор за всеми хозяйственными делами корабля, и мамаша О'Тул смогла полностью посвятить свое время научным и техническим вопросам, только за камбузом она вполглаза продолжала присматривать.

Но вообще-то говоря, и «Васко да Гама» не должен был ввести меня в такую тоску. Во-первых, у меня там не было знакомых. Далее, если уж Каз справился с собой и вернулся к нормальной полезной жизни, чего же тогда я-то? Нет, скорее всего это произошло после моего дня рождения.

В нашей столовой были два календаря, вроде тех, какие висят в банках, а под каждым из них – большие электронные часы, управляемые из вычислительного центра. После старта и там и там было одно и то же Гринвичское время и одна и та же дата. Потом, по мере того, как мы ускорялись и скорость наша приближалась к световой, «проскальзывание» между «Л.К.» и Землей начало проявляться все заметнее, и часы расходились все больше и больше. Сперва мы это обсуждали, а потом просто перестали обращать внимание на часы с земным временем. Что толку знать, что сейчас три часа ночи следующей пятницы по Гринвичу, если на корабле как раз обеденное время? Это вроде часовых поясов и линии перемены дат на Земле, – вообще-то не очень интересно. Я даже не обращал внимания на ворчание Пэта по поводу того, в какое странное время приходится иногда работать; сам-то я стоял вахты в любое время суток. Поэтому для меня как гром среди ясного неба, прозвучал голос Пэта, когда он свистом разбудил меня посреди ночи и весело прокричал:

– С днем рождения!

– (Как? С чьим?)

– С твоим, придурок. Нашим. Чего это с тобой? Считать разучился?

– (Но ведь...)

– Да подожди ты. Сейчас как раз вносят пирог и все собираются петь «С днем рождения». Я спою вместе с ними, для тебя.

Пока они занимались этими делами, я натянул штаны и прошел в столовую. По корабельному времени была глубокая ночь, но одна лампочка там горела. При ее свете я рассмотрел часы и календари – так и есть, по Гринвичу был наш день рождения, а если гринвичское время пересчитать на наше, домашнее, там сейчас как раз обед.

Но это же не мой день рождения. Я живу по другому времени, это неправильно.

– Задул все с одного раза, – счастливым голосом объявил Пэт. – Теперь-то уж мы обязательно продержимся еще год. Мама спрашивает, испекли ли тебе пирог?

– (Скажи ей, что да.) – Ничего, конечно, не пекли, но я был не в настроении объяснять, что и почему. Мама легко начинает нервничать, даже если ей не объясняешь Эйнштейновскую концепцию времени. А вот Пэт мог бы и сам понять. Родители подарили Пэту новые часы. Кроме того, как он мне сообщил, была еще коробка конфет, подписанная на мое имя – я разрешаю открыть ее и пустить по кругу?

– (Валяйте.) – Я уж и не знал, то ли быть благодарным, то ли обидеться за «подарок», которого я не могу ни потрогать, ни увидеть. Чуть позднее я сказал Пэту, что мне надо спать и, пожалуйста, скажи всем «спокойной ночи» и «спасибо» от меня. Но спать я не стал, я просто лежал, пока в коридорах корабля не зажглись огни.

Через неделю на нашем столе был для меня праздничный пирог, все спели мне «С днем рождения» и надарили – с самыми наилучшими намерениями – уйму совершенно бесполезных подарков – много ли можно подарить человеку на борту корабля, когда все вы питаетесь в одной столовой и все, что вам нужно, берете с одних и тех же складов. Я встал и сказал всем спасибо, потом кто-то заорал «Речь», а потом я танцевал с девушками. И все-таки я не чувствовал радости от своего дня рождения, потому что тогда, несколько дней назад, у меня уже был день рождения.

На следующий, кажется, день дядя Стив зашел ко мне в каюту.

– Где это Вы скрываетесь, юноша?

– Чего? Нигде.

– Вот и я так думаю. – Он расположился на моем стуле, а я снова уселся на койку. – Как только я ни начну тебя высматривать, тебя всегда нигде нет. Ты же не все свое время стоишь вахты и работаешь. Так где же ты?

Я не ответил. Где, где. Там, где я чаще всего бываю, на койке, разглядывая потолок. Дядя Стив продолжал:

– Я уже давно понял, что, если кто-нибудь на борту корабля приобретает привычку забиваться в угол, не надо ему мешать. Одно из двух: или он справляется с этим сам, или он в один прекрасный день выйдет через шлюз наружу, не заботясь о таких «мелочах», как скафандр. Как бы там ни было, он не хочет, чтобы его трогали. Но ты – сын моей сестренки, я за тебя отвечаю. В чем дело? По вечерам ты никогда не появляешься там, где остальные развлекаются, физиономия у тебя вытянулась, смотреть тоскливо. В чем дело?

– У меня все в порядке, – со злостью крикнул я. Дядя Стив презрительно выругался.

– Да ты колись, парень. Ты совсем изменился с того времени, как пропал «Васко». Из-за этого? Нервишки сдают? Если так, то у Доктора Деверо есть уйма синтетической отваги. В таблетках. Совсем не обязательно, чтобы кто-нибудь знал, что ты их глотаешь – и стыдиться тут нечего, у любого нервы могут сдать. Не хочу даже и рассказывать тебе, в какой отвратительной форме это было у меня, когда я первый раз попал в заварушку.

– Нет, не думаю, что это страх. – Про себя я подумал, а может и вправду? – Дядя Стив, а что случилось с «Васко»?

Он пожал плечами.

– То ли факел сорвался, то ли врезались во что-нибудь.

– Но ведь факел не может сорваться... ведь правда, не может? А врезаться там не во что.

– Верно. И то и другое. Ну а если факел сорвался? В крохотную долю секунды корабль вспыхнет, как этакая маленькая Nova. Легче способа умереть и не придумает. Что касается второго, то все произойдет почти так же быстро, не успеешь и заметить. Ты задумывался когда-нибудь, сколько кинетической энергии мы набрали в эту посудину при такой скорости? Док Бэбкок говорил, что когда мы достигнем скорости света, то станем просто-напросто, если смотреть снаружи, плоским волновым фронтом, хотя внутри будем весело и жизнерадостно есть

картошку, ничего такого не ощущая.

– Только скорости этой мы никогда не достигнем.

– Доктор тоже подчеркивал это. Мне надо было сказать «если». Так тебя это беспокоит? Боишься, что летим-летим, а потом – ТРАХ! Как «Васко»? Если ты этого боишься, то подумай о том, что почти все способы умереть в своей постели хуже. Особенно если ты будешь настолько дураком, что умрешь от старости. Я лично надеюсь этого избежать.

Мы поговорили еще, но ни до чего не договорились. На прощание он пригрозил, что будет вытаскивать меня из каюты, если я буду проводить там слишком много времени. Думаю, дядя Стив пожаловался на меня Доктору Деверо, хотя оба они яростно это отрицали.

Как бы там ни было, назавтра Доктор Деверо остановил меня, отвел к себе в каюту, усадил и начал со мной беседовать. Кюта у него была большая, удобная и неряшливая; он никогда никого не принимал в лазарете.

Тут я сразу заинтересовался, чем обязан. Доктор с невинным видом широко раскрыл свои лягушачьи глазки.

– Да просто встретил тебя. Том. – Он приподнял со стола пачку перфокарт. – Видишь? Вот со сколькими я беседовал на этой неделе. Надо же делать вид, что я честно отрабатываю свою зарплату.

– Ну, на меня не стоит зря тратить время. У меня все отлично.

– Да я же просто обожаю зря тратить время. Знаешь, психология – отличное занятие. Не надо, подобно хирургу, драить свои руки мылом и пемзой, не надо заглядывать в чьи-то грязные глотки, сиди себе да притворяйся, что слушаешь, как тебе рассказывают, что, дескать, будучи маленьким мальчиком, я не любил играть с другими маленькими мальчиками. А теперь поговори со мной немного. Расскажи мне все, что угодно, что тебе хочется рассказать, а я пока подремлю малость. Если ты будешь говорить достаточно долго, я сумею отдохнуть после покера, за которым провел эту ночь, и в то же время выполню дневную норму работы.

Я старался и говорить, и ничего не рассказывать при этом. Пока я усердствовал, меня окликнул Пэт. Я сказал ему позвонить потом, я занят. Доктор Деверо следил за моим лицом и неожиданно спросил:

– О чем это ты думал?

Я объяснил ему, что это не спешно, просто брат хотел со мной поговорить.

– Хм... Том, расскажи мне немного о своем брате. У меня как-то все не было в Цюрихе времени получше с ним познакомиться.

И не успел я опомниться, как оказалось, что я наговорил Доктору уйму всего про нас с Пэтом. Почему-то рассказывать ему было очень легко. Два раза мне уже казалось, что он заснул, но как только я замолкал, Доктор просыпался, что-нибудь спрашивал, и все начиналось сначала.

В конце концов он сказал:

– Знаешь, Том, идентичные близнецы исключительно интересны для психолога – уж не будем говорить про генетиков, социологов и биохимиков. В начале, когда вы происходите из одной и той же яйцеклетки, вы настолько одинаковы, насколько это вообще возможно для биологических структур. А потом вы становитесь двумя разными личностями. Появляются ли эти различия в результате воздействия среды? Или тут действует еще какой-нибудь фактор?

Я немного поразмыслил:

– Вы хотите сказать «душа», доктор?

– Ммм... спроси меня лучше в ту пятницу. У людей бывают иногда собственные, очень личные взгляды, сильно отличающиеся от их научных, принародных мнений. Ладно. Дело в том, что вы, близнецы-телепаты, – очень интересные объекты. Я сильно подозреваю, что сопутствующие результаты проекта Лебенсraum будут, как и обычно, значительно

существеннее планируемых результатов.

– Какие результаты? Простите, я не расслышал.

– Что? Сопутствующие. Когда идешь накопать червей и натыкаешься на золото. В науке происходит сплошь и рядом. Именно поэтому «бесполезная» чистая наука значительно полезнее «практичной». Но поговорим лучше о тебе. Я не могу помочь тебе справиться с твоими проблемами – ты должен сделать это сам. Но давай попритворяемся немного, что я все-таки могу, надо же чем-то оправдывать деньги, которые мне платят. Так вот, два обстоятельства очевидны абсолютно: первое, что ты не любишь своего брата.

Я начал было протестовать, но он только отмахнулся.

– Ты слушай меня. Почему ты так уверен, что я не прав? Ответ: потому, что тебе с самого рождения твердили, что ты его любишь. Братья и сестры всегда «любят» друг друга, это одна из основ цивилизации, подобно любви к родителям и родному дому. И люди обычно верят тому, что им вдалбливают очень часто с ранних лет. Пожалуй, очень хорошо, что они верят в эту братскую любовь, ведь у братьев и сестер зачастую гораздо больше причин и удобных случаев ненавидеть друг друга, чем у кого-либо другого.

– Но я же и вправду люблю Пэта. Просто...

– «Просто» что? – мягко, но настойчиво спросил он, когда я запнулся.

Я не отвечал и он продолжал:

– Просто у тебя есть все причины не любить его. Он задирает тебя, он командовал тобой, он хватал все, что захочет. Если у него не получалось это напрямую, он использовал вашу мать, чтобы она поработала над отцом и в результате все вышло по его желанию. Он получил даже девушку, с которой ты хотел встречаться сам. Так чего же тебе его любить? Если бы этот парень вообще не был твоим братом, родственником, – не то что близнецом – любил бы ты его за все это? А может, ты бы его ненавидел?

Мне это как-то не очень понравилось.

– Пожалуй, Доктор, я не совсем справедлив по отношению к нему. Не думаю, чтобы Пэт понимал, что все выхватывает у меня из-под носа; и уж совершенно я уверен в том, что у наших родителей не было любимчиков. Может быть, я просто слишком себя жалею.

– Может быть и так. Может быть, во всем твоём рассказе нет ни слова правды, а ты органически не способен быть справедливым, где это касается тебя самого. Но самое главное то, как ты сам это воспринимаешь. И ты конечно же не любил бы такого человека, разве только он твой брат-близнец, и ты, конечно же, обязан его «любить». В тебе борются две силы, и поэтому внутреннее твоё беспокойство не прекратится, пока ты не решишь, какая из них ложная, и не изгонишь ее. Ну, а это уж твоё личное дело.

– Но... да какого черта, Доктор, я же точно люблю Пэта.

– Любишь? В таком случае лучше выкинь куда-нибудь свою мысль, что все эти годы он всегда отхватывал лучший кусок. Только я сомневаюсь, что ты его и вправду любишь. Ты привязан к нему, как все мы привязываемся к привычным нам вещам, старым ботинкам, старым трубкам, даже знакомый нам черт лучше незнакомого. Ты к нему лоялен. Он тебе необходим, и ты ему тоже. Но «любить» его? Это кажется крайне сомнительным. С другой стороны, если ты хорошенько осознаешь своей головой, что нет никакой необходимости «любить» его, что необязательно даже, чтобы он тебе «нравился», тогда, возможно, он начнет тебе немного нравиться таким, какой он есть. Ты станешь к нему терпимее, хотя я очень сомневаюсь, что Пэт когда-нибудь тебе сильно понравится. Он довольно несимпатичный парень.

– Вот это неправда. Его всегда все любили.

– Только не я. Ммм... Том, я тебя немного обманул. Я совсем не так плохо знаком с твоим братом. По правде говоря, оба вы не слишком симпатичны и очень похожи друг на друга. Ты

только не обижайся, я терпеть не могу симпатичных людей, ото всей этой «простоты и приятности» меня просто тошнит. Мне нравятся упрямые, малосимпатичные люди, в которых чувствуется этакая твердая сердцевина заботы о своих интересах – очень для меня удачно, имея в виду мою профессию. Ты и твой братец примерно в равной степени эгоистичны, только у него этот эгоизм удачнее осуществляется на практике. И кстати. Вот он-то тебя любит.

– Что?

– Ничего. Любит, как собачку, всегда прибегающую, если ее позвать. У него к тебе покровительственное отношение, пока это не вступает в противоречие с его собственными интересами. Но в то же время он тебя слегка презирает, считает слабаком, а по его варианту Писания кроткие не наследуют землю, это доля парней вроде него.

Я кое-как переварил все услышанное и начал выходить из себя. Я и сам не сомневался, что Пэт относится ко мне именно так – покровительствует и старается, чтобы мне достался кусок пирога, если, конечно же, ему достанется больший.

– И еще одно очевидно, – продолжал Доктор Деверо. – Что ни ты, ни твой брат не хотели лететь в эту экспедицию.

Ну уж это-то было настолько неверно и несправедливо, что у меня прямо дар речи пропал от удивления и возмущения. Доктор Деверо взглянул на меня.

– Да? Ты собирался что-то сказать?

– Послушайте, доктор, это самая большая глупость, какую я когда-нибудь в жизни слышал. Единственный настоящий раздор между Пэтом и мной и был как раз из-за того, что хотели мы оба, а мог только один.

Доктор покачал головой.

– Ты все перепутал. Оба вы хотели остаться, но мог только один. Ну и твой брат, как это у него принято, выиграл.

– Да нет, не выиграл... то есть да, выиграл, выиграл шанс лететь, а не наоборот. И он полетел бы, только вот этот несчастный случай.

– Да, да, этот несчастный случай, конечно. – Доктор Деверо так долго сидел неподвижно, свесив голову и сцепив руки на животе, что я опять подумал, что он заснул.

– Том, я сейчас расскажу тебе то, что тебя совсем не касается. Думаю, тебе все-таки полезно будет знать. Я бы хотел, чтобы ты никогда не обсуждал это с братом. Если ты меня все-таки не слушаешься, я выставлю тебя полным лжецом. Ты понимаешь?

– Вы тогда лучше мне ничего не рассказывайте, – угрюмо ответил я.

– А ты помолчи и слушай, когда тебе говорят. – Он взял со стола папку. – Здесь у меня доклад об операции, сделанной твоему брату, написанный тем жаргоном, который мы, врачи, используем для замутнения мозгов пациентов. Ты бы в этом ровно ничего не понял, да к тому же и послан этот доклад был кружным путем, через «Санта Марию» и в зашифрованном виде. Так хочешь узнать, что они обнаружили, вскрыв твоего брата?

– Да не особенно.

– Не было ни малейших повреждений позвоночника.

– Что? Вы что, хотите мне сказать, что он симулировал и ноги у него не отнялись? Уж в это-то я не поверю.

– Потише, потише. Ничего он не симулировал. Ноги у него действительно были парализованы. Он никак не сумел бы настолько хорошо симулировать паралич, чтобы обмануть невропатолога. Да я и сам его осматривал; твой брат был парализован. Но не в результате повреждения позвоночника – о чем я знал, а также знали и те хирурги, которые его оперировали.

– Но... – Я в растерянности потряс головой. – Наверное, я совсем дурак.

– Не только ты, все мы вместе взятые. Том, человеческий мозг – не какая-то там простая машинка, он крайне сложен. Сверху, на поверхности, сознание с его идеями и желаниями; что-то из этого – настоящее, что-то наложено пропагандой, обучением, необходимостью производить хорошее впечатление, быть достаточно привлекательным в глазах других людей. Внизу, в глубине, подсознание слепое и глухое, глупое и хитрое. И у него – чаще всего – совсем другой набор желаний и совершенно другие мотивации. Оно хочет, чтобы все было по его желанию, а если не получается того, что хочет, устраивает скандал, пока его не послушаются. Весь фокус легкой жизни состоит в том, чтобы выяснить, чего же в действительности хочет твое подсознание, и дать ему это желаемое по самой дешевой возможной цене, прежде чем оно, чтобы добиться своего, сделает тебя эмоциональным банкротом. Том, ты знаешь, кто такой психотик?

– Ну, ненормальный...

– «Ненормальный» – это слово, от которого мы стараемся избавиться. Психотик – это несчастный тип, которому пришлось продать свою лавку и нагишом пойти по миру, чтобы удовлетворить желания своего подсознания. Моя работа состоит в том, чтобы помочь людям заключать такие договоры с подсознанием, которые не погубят их, это похоже на работу адвоката. Мы никогда не пытаемся заставить людей избежать этих соглашений, просто стараемся обеспечить как можно лучшие условия.

– Так что я говорю: твой брат сумел заключить соглашение со своим подсознанием на вполне приличных условиях, просто великолепных, если учесть, что он сделал это безо всякой профессиональной помощи. Сознательная часть его мозга подписала контракт, а подсознание прямо, безо всяких экивоков заявило, что он не должен его выполнять. Получился конфликт столь глубокий, что многие, попав в такое положение, кончили бы очень плохо. Многие, но только не твой братец. Подсознание решило, что ему надо попасть в несчастный случай, который может привести к параличу. Может привести и, конечно же, привел – к настоящему параличу, я хочу подчеркнуть, а не к какой-то там симуляции. И вот теперь твой брат вполне достойным образом освободился от обязательства, выполнить которое он был не в состоянии. Потом, когда он уже точно не попал в эту экспедицию, ему сделали операцию. Вся она состояла в том, что ему исправили небольшие повреждения каких-то костей. Но при этом его заставили думать, что паралич исчезнет – и он, конечно, исчез. – Деверо пожал плечами.

Я думал об этом, думал, пока голова кругом не пошла. Все эти штуки насчет сознания и подсознания я проходил, и зачет даже сдавал, но не особенно в них верил. Доктор Деверо может разводить все свое красноречие хоть до посинения, но никуда не денешься от простого факта, что мы хотели лететь, и Пэт остался только потому, что покалечился при несчастном случае. Ладно, может это был истерический паралич, может он перепугал сам себя и начал думать, что у него повреждение серьезнее, чем в действительности, но это все равно ничего не меняет.

Только Доктор Деверо говорил так, словно несчастный случай и не был несчастным случаем. А что на это можно сказать? Если даже правда, что у Пэта совсем душа в пятки ушла, а показать это мешала гордость – все равно никогда не поверю, что он нарочно свалился со склона.

И уж в одном-то доктор ошибался точно: я лично хотел лететь. Может, я и побаивался немного, а что сначала очень скучал по дому – так это совершенно точно, но что из того? Это же вполне естественно.

– А чего же ты тогда все время как в воду опущенный?

Это не Пэт говорил со мной; это я сам с собой говорил. Возможно, это мое подсознание заговорило для разнообразия вслух.

– Доктор?

– Да, Том.

– Вы говорите, что в действительности я не хотел лететь?

– Очень похоже.

– Но вы же сами сказали, что подсознание всегда выигрывает. Уж или одно, или другое.

Доктор вздохнул.

– Я сказал не совсем так. Ты попал в это дело слишком быстро. Подсознание – оно глупое и, зачастую, медлительное, твоему просто не хватило времени придумать что-нибудь такое же удобное, как падение на лыжах, но вот в упрямстве ему не откажешь. Оно требует, чтобы ты шел домой, а ты просто не можешь этого сделать. А оно, по глупости своей, не желает слушать никаких резонов. Оно просто ноет и ноет, чтобы ты взял да и выложил ему невозможное, вроде того, как ребенок с ревом требует подать ему Луну.

Я пожал плечами.

– Вас послушать, так я нахожусь в жутком состоянии.

– Ну вот, теперь у тебя такая физиономия, что молоку впору скиснуть. Умственная гигиена – это процесс исправления того, что исправлению поддается, и адаптации к неизбежному. У тебя есть три возможности.

– Не думал, что они у меня вообще есть.

– Три. Ты можешь продолжать входить в штопор, пока мозг твой не состряпает какую-нибудь фантазию, приемлемую для подсознания; это будет психотическая адаптация или, говоря обыденным языком, сумасшествие. Или же ты можешь жить себе потихоньку в таком примерно состоянии, как сейчас, несчастный и довольно бесполезный для остальной команды; при этом всегда будет опасность, что ты сорвешься. Третий вариант – ты можешь покопаться в своем мозгу, познакомиться с ним получше, узнать, чего же он в действительности хочет, объяснить ему, что это невозможно и почему это невозможно, а затем найти с ним какой-то компромисс на основе того, что возможно. Если у тебя достаточно духа и здравого смысла, именно так ты и попробуешь сделать. Конечно, это нелегко. – Он ждал и смотрел на меня.

– Наверное, мне и вправду лучше попробовать. А что надо для этого делать?

– Уж во всяком случае не сидеть сутками в своей каюте, думая о том, что могло бы быть.

– Мой дядя Стив – то есть майор Лукас, – медленно произнес я, – говорил мне, что я не должен так жить. Он хочет, чтобы я ходил туда-сюда, общался с людьми. Наверное, и вправду, надо.

– Конечно, конечно. Только этого недостаточно. Ты не сможешь вытащить себя из той ямы, в которую попал, просто изображая из себя душу общества. Тебе необходимо познакомиться с самим собой.

– Да, сэр. Только таким образом?

– Чтобы ты каждый вечер рассказывал мне о себе, а я тем временем держал тебя за ручку – этого мы, пожалуй, не сможем. Ммм... я бы предложил, чтобы ты попробовал написать на бумаге, кто ты есть такой, где ты был и каким образом попал оттуда сюда. Ты только старайся делать это поподробнее и тогда, вполне возможно, сам начнешь понимать не только «как», но и «почему». Старайся, и тогда ты сможешь узнать, кто ты такой, чего ты хочешь и что из желаемого можешь получить. – Видимо, лицо мое выражало полное изумление, так как он добавил: – Ты ведешь дневник?

– Иногда. Последний у меня с собой.

– Вот и используй его как образец. Пусть это будет «Жизнь и похождения Т.П.Бартлета, джентльмена». Пиши подробно и старайся писать правду – всю правду.

Я обдумал предложение Доктора. Есть некоторые вещи, которые не хочется рассказывать никому.

– Я так понимаю, что Вы хотите его читать?

– Я? Боже упаси и помилуй. Мне и так некогда отдохнуть, даже не читая любительскую прозу двух сотен малость свихнутых. Это – для тебя самого, сынок, ты будешь писать самому себе; только пиши это так, словно ты совсем ничего не знаешь про себя и тебе приходится все объяснять. Пиши это так, словно ты собираешься лишиться памяти и хочешь быть уверенным, что потом, прочитав все это, ты сможешь снова прийти в себя. Пиши все. – Он нахмурился и добавил сварливым тоном: – Если тебе покажется, что ты наткнулся на нечто важное, и захочется выслушать мнение постороннего человека – я, пожалуй, найду немного времени, чтобы почитать твой опус, ну хотя бы часть его. Но не обещаю. Ты просто пиши его для себя – для того себя, у которого пропала память.

Я пообещал ему, что попробую. И попробовал. Я бы не сказал, чтобы это как-то мне помогло (от апатии своей я так и не избавился), и у меня просто не было достаточного количества времени, чтобы писать так подробно, как он мне сказал. Надо поскорее писать последнюю часть, ведь сейчас у меня первый свободный вечер за последний месяц.

Удивительно, все-таки, как много можно вспомнить, если постараться.

Глава 10

Отношения

На «Л.К.» много нового. Начать хоть с того, что мы уже перевалили через бугор и летим задом наперед, замедляясь с той же скоростью, с какой прежде ускорялись; мы доберемся до Тау Кита месяцев через шесть корабельного времени.

Но я забегаю вперед. Прошло около года по к-времени, как я начал вести записи, и около двенадцати лет земного времени с тех пор, как мы стартовали. Но куда нам это з-время, оно ничего не значит. Мы на корабле тридцать месяцев к-времени, за этот период произошло много всякого. Пэт женился – но нет, это произошло не на корабле и начинать надо не с этого. Пожалуй, начать можно с другой свадьбы, когда Чет Треверс женился на Мей-Лин Джоунс. Это событие вызвало всеобщее одобрение, исключением был только один из техников, который сам положил на нее глаз. По такому случаю мы, психи, и связисты закопали топор войны – ведь один из них женился на одной из нас. Особенно очевидным было примирение тогда, когда командор Фрик ввел невесту в нашу столовую с видом таким торжественным и гордым, словно это его собственная дочь. Хорошая получилась пара; Чет у нет еще тридцати, а Мей-Лин, как мне кажется, по крайней мере двадцать два.

Но дополнительным результатом этого события стало изменение вахтенного расписания, и Руп поставил меня в пару с Пруденс Мэтьюз.

Пру мне всегда нравилась, хотя я и не обращал на нее особого внимания. С одного раза было даже и не разобрать, что она же – хорошенькая. Но она всегда так на тебя глядела, что ты начинал ощущать себя важной персоной. До того времени, как я начал дежурство вместе с ней, я практически не интересовался девушками, наверное, я «хранил верность Модии». Но ко времени наших с ней вахт я уже начал писать по заказу Доктора Деверо эту исповедь; как-то так получается, что, описав факт на бумаге, лучше ощущаешь его бесповоротность. И я себе сказал: «А что, собственно? Том, Старина, Модии совершенно определенно навсегда ушла из твоей жизни, словно один из вас умер. А жизнь все равно продолжается, продолжается прямо здесь, в этой консервной банке».

Никаких особенно решительных поступков я совершать не стал, я просто получал удовольствие от общения с Пру, большое удовольствие. Я где-то слышал, что, взяв на борт ковчега животных парами. Ной разделил их – одних на правый борт, других на левый. На «Л.К.» такого не было. Чет и Мей-Лин нашли-таки возможность познакомиться достаточно близко для того, чтобы захотелось перевести это знакомство на постоянную основу. Чуть меньше половины экипажа составляли женатые пары. Перед нами, остальными, не было никаких препятствий, если нам что-то подобное приходило в голову. Но как-то уж так получалось, что присматривали за нами строже, чем это бывало дома, хотя явным и открытым этот присмотр не был. Он не производил впечатления специально организованного, но все-таки он был. Если кто-то слишком уж долго прощался в коридоре после того, как освещение притушено на ночь, всегда почему-то получалось, что мимо прошаркивал ногами дядя Альфред. Или мамочка О'Тул шла сделать себе чашку шоколада, «чтобы получше уснуть».

А то мог пройти даже сам Капитан. Мне начинало казаться, что, если дело касается происходящего на корабле, у него и на затылке есть глаза. А уж у мамочки О'Тул они точно были. Или, может быть, Дядя был как раз одним из тех гипотетических телепатов широкого спектра, но, будучи человеком очень умным и не желая нас смущать, он в этом никому не признавался.

Или мы были уж так подробно проанализированы на этих самых перфокартах Доктора Деверо, что он всегда знал, так сказать, куда заяц прыгнет, и вовремя посылал своих собачек, чтобы они его отогнали. Я бы не стал исключать такую возможность.

Все это было очень ненавязчиво – как раз сколько надо, ничего излишнего. Никому не возбранялся поцелуй-другой, если уж очень хотелось попробовать, каков он на вкус; с другой стороны, у нас напрочь отсутствовали те скандалы, которые неизбежно возникают практически в любой общине. Я совершенно уверен, что у нас этих скандалов не было, на корабле такое не скроешь. И никто, похоже, даже внимания не обращал на то, как нас – ну, скажем, – пасли.

И уж конечно мы с Пру и в мыслях не имели сделать что-нибудь, заслуживающее порицания.

Но, как бы там ни было, мы занимали друг у друга все больше и больше времени как во время вахт, так и между ними. Я не относился к этому серьезно, я имею в виду намерение жениться, но к тому, что это становится для меня все более важным, я относился серьезно. Во взглядах, которые она на меня бросала, стало появляться уже что-то интимное и даже собственническое; иногда при передаче каких-нибудь бумажек наши руки соприкасались, и тогда между нами словно искры проскакивали. Я стал оживленным, чувствовал себя великолепно, набрал четыре фунта и уж точно забыл скучать по дому.

У нас с Пру появилась привычка: в тех случаях, когда мы вместе шли с ночной вахты, устраивать налет на кладовую. Мамочка О'Тул не имела ничего против, она оставляла кладовку открытой, чтобы если кто хотел перехватить, мог это сделать – она говорила, что здесь наш дом, а не тюрьма. Мы с Пру делали себе бутерброды или изобретали какое-нибудь фантастическое съедобное месиво, ели и беседовали, пока не приходило время идти спать. О чем говорить, не имело значения, значение имело возникавшее теплое чувство. Однажды ночью мы сдали вахту. Столовая была пуста; игроки в покер разошлись рано, никто даже не засиделся допоздна за шахматами. Мы с Пру зашли в кладовку и собирались поджарить сандвичи с сыром, который изготавливали на корабле из дрожжевых культур. В кладовке было довольно тесно, и, поворачиваясь, чтобы включить маленький гриль, Пру слегка дотронулась до меня. Я ощутил запах ее волос и еще чего-то – то ли клевера, то ли фиалок. И тогда я ее обнял.

Пру не стала устраивать шума; сперва она замерла, потом расслабилась. Девушки – очень приятные существа. У них совершенно отсутствуют кости, а температура по крайней мере на пять градусов выше, чем у нас, что бы там ни показывали термометры. Я наклонил лицо, она подняла свое, закрыла глаза, и все было чудесно. С полсекунды она целовала меня, и я знал, что ей это нравится не меньше, чем мне, а это – очень сильная оценка.

А потом она вдруг вырвалась от меня, словно какой-то борец, и прижалась спиной к стене напротив меня с видом крайнего разочарования на лице. Я – разумеется – был разочарован ничуть не меньше. Она не смотрела на меня, она смотрела в никуда и вроде прислушивалась. Я все понял, такое же выражение было у нее во время сеансов связи – только сейчас вид у нее был заодно еще и крайне несчастный Я спросил:

– Пру! В чем дело?

Она не ответила, а двинулась к выходу. Она сделала уже пару шагов по направлению к двери, когда я протянул руку и схватил ее за запястье.

– Ты что, рассердилась на меня?

Пру вывернулась, потом, похоже, до нее дошло, что я еще здесь.

– Прости, Том, – сказала она. – Моя сестра сердится.

Я в жизни не встречал Пэйшенс Мэтьюз, а теперь, пожалуй, и не хотел бы ее встретить.

– Что? Я всякие глупости слыхал, но чтобы...

– Ты не понравился моей сестре, Том, – ответила она таким уверенным голосом, словно это

очевидным образом все объясняло. – Спокойной ночи.

– Но...

– Спокойной ночи.

За завтраком Пру была такой же очаровательной, как и всегда, вот только когда она передавала мне булочки, искры не прыгали. Я не удивился, когда Руп в тот же день поменял вахтенное расписание, и не стал спрашивать, зачем. Пру меня не избегала, она даже танцевала со мной иногда, но огонь потух, и ни один из нас не пытался разжечь его снова.

Через много времени я рассказал эту историю Вану. Сочувствия я не дождался.

– Думаешь, тебе первому палец дверью прищемило? Пру, она прелесть, ты уж поверь дедушке ван Хаутену. Но даже если сам сэр Галахад явится на белом скакуне, и он обязан будет получить одобрение Пэйшенс, прежде чем ему будет дозволено общаться с Пру. И – зуб даю – она скажет «нет». Сама-то Пру согласна, причем очень мило и слегка глуповато, но Пэйшенс не даст согласия ни на что более интимное, чем игра в ладушки.

Эта история не обозлила меня на девушек, даже на тех из них, которым посчастливилось иметь сестер-близнецов – телепатов, только теперь я уж стал наслаждаться обществом всех их вместе. Но какое-то время после этого случая я стал чаще видеть дядю Альфреда. Он любил играть в домино, а потом, когда мы кончали игру, говорить о своей Лапочке – и, конечно, с ней. Он, и я тоже, смотрели на ее большую фотографию, и мы втроем разговаривали, причем Дядя повторял ее слова мне, а мои – ей. Она и вправду была очень хорошим ребенком. Было очень интересно познакомиться с пятилетней девочкой, крайне забавно, о чем они думают.

Однажды вечером, когда я, глядя на ее фотографию, беседовал с ними, мне пришло вдруг в голову, что прошло много времени, и Лапочка изменилась – ведь в этом возрасте меняются очень быстро. И у меня появилась блестящая мысль.

– Дядя, а почему бы Лапочке не послать свою фотографию Расти Родсу? Потом тот передаст ее Дасти, а тот уже нарисует тебе не хуже этой, только уже теперешнюю, ты увидишь, как она выглядит сейчас, понимаешь? Ну как, Лапочка, хорошая мысль?

– А этого не нужно.

Я глядел на эту фотографию, и глаза мои чуть не вывалились от удивления. На какой-то момент изображение изменилось. Конечно, это была та же самая девочка, но она вдруг стала старше, она стеснялась дырки в зубах и волосы у нее были зачесаны по-другому.

И она была живая. Не цветная стереофотография, а живая девочка. Разница очень большая.

Но я моргнул, и передо мною опять была та же самая фотография. Я хрипло произнес:

– Дядя, кто это сказал «А этого не нужно»? Ты? Или Лапочка?

– Конечно, Лапочка. Я только повторил.

– Это конечно, но я же не слышал тебя, я слышал именно ее. – Потом я рассказал ему про фотографию. Он кивнул.

– Да, так она сейчас и выглядит. Она просит передать тебе, что у нее режется зуб.

– Дядя, тут никуда не денешься. На секунду я незаконно подключился на вашу волну. – Меня немного трясло.

– Знаю. И Лапочка тоже знает. Только почему незаконно, сынок, мы всегда рады другу.

Я пытался переварить эту новость. Напрашивавшиеся выводы были даже более ошарашивающими, чем когда мы с Пэтом обнаружили свою способность. – Слушай, Дядя, думаешь, у нас может получиться еще раз? Лапочка?

– Можно попробовать.

Но на этот раз ничего не вышло. Только я, похоже, слышал ее голос вместе с голосом Дяди, когда она сказала:

– Спокойной ночи, Томми. – Но я не был уверен. Улегшись в постель, я рассказал все это

Пэту. Когда я убедил его, что все это и вправду произошло, он заинтересовался.

– В этом, старик, стоит покопаться. Я, пожалуй, лучше запишу все это на пленку. Доктор Мэйбл обязательно захочет этим заняться.

– (Ты подожди, пока я спрошу разрешения у дяди Альфа.)

– Хорошо. Я думаю, это все его племянница, и каким-то непростым образом. Да, кстати о ней, может, мне с ней увидаться? Возможно, будет проще снова подключиться, если на каждом конце будут двое. Где живет его племянница?

– (Кажется, в Йоханнесбурге.)

– М мм... Неблизко, но, если доктор Мэйбл проявит интерес, Ф.Д.П. обязательно пошлет меня туда.

– (Возможно, но дай я сначала поговорю с Дядей.)

Однако дядя Альф сперва побеседовал с Доктором Деверо. Они вызвали меня, и Доктор захотел, чтобы мы прямо тут же сделали еще одну попытку. Я никогда не видел раньше его таким взволнованным – насколько это вообще для него возможно. Я сказал:

– Можно, конечно, только я сильно сомневаюсь, что у нас что-нибудь получится. Прошлым вечером ведь не вышло. Думаю, тот раз был просто случайностью.

– Случайность, случайность. Получилось раз, значит может получиться снова. Надо только хорошенько подумать о создании подходящих условий. – Он глянул на меня. – Есть возражения против легкого гипноза?

– У меня? Да нет, сэр. Только я плохо поддаюсь гипнозу.

– Думаешь? Если верить твоему досье, доктор Арно сумела. Ты только притворись, что я – это она.

Я чуть не рассмеялся. Наверное, я больше похож на Клеопатру, чем он – на хорошенькую Арно. Но я согласился принять участие в опыте.

– Все, что нужно вам двоим, это легкий транс, чтобы убрать все отвлекающие обстоятельства и сделать вас более чувствительными.

Не знаю, что я должен был ощутить в «легком трансе». Я не чувствовал ничего и не спал. Однако, я снова услышал Лапочку.

Думаю, интерес Доктора Деверо был чисто научным; любой новый факт, связанный с человеческой психикой, мог вывести его из обычной апатии. Дядя Альф думал, что Доктору также очень хотелось установить новую телепатическую линию связи, так, на всякий пожарный. В том, что сказал Дядя, звучал легкий намек, что сам он задумывался, долго ли он протянет. Но был еще один намек, более серьезный. Дядя Альф со всей деликатностью дал мне понять, что если уже дело дойдет до этого, хорошо знать, что есть кто-то, кому он доверяет и кто может присмотреть за его девочкой. Он, конечно, не сказал этого прямо, в лоб, так что мне не пришлось отвечать, а то я, пожалуй, поперхнулся бы от смущения. Он просто дал мне понять – и это был наилучший комплимент, какого я только в жизни удостаивался. Я не был так уж уверен, что заслуживаю такого доверия, и поэтому решил, что обязан заслужить его, если уж дойдет до дела.

Теперь я мог, конечно, «говорить» с дядей Альфом, также как и с Лапочкой. Однако делать это без необходимости было все равно что навязываться, так что я пользовался новой возможностью только при наших беседах втроем. И я никогда сам не связывался с Лапочкой, только во время пары экспериментов, проведенных по просьбе Доктора Деверо для того, чтобы твердо установить, что я могу это сделать без помощи Дяди. Для этого потребовалось снотворное, из обычного сна Дядя сразу выходил, если кто-нибудь «кричал» на этой волне. Но потом я ее оставил в покое, не мое это было дело – залезать в мозг маленькой девочки, разве что она сама была к этому готова и хотела пообщаться. А вскоре после этого Пэт женился.

Глава 11

Проскальзывание

Все время этого первого ускоренного участка пути, после того как Доктор Деверо подержал меня за руку, мои отношения с Пэтом становились лучше и лучше. После того, как я сумел понять, что ненавижу и презираю Пэта, вдруг почему-то оказалось, что ни ненависти этой, ни презрения уже нет. Я излечил его от ужасной привычки без нужды меня беспокоить – для этого я сам занялся тем же самым. Будильник, скажем, он мог заглушить, а меня – не мог. После этого мы разработали живи-и-дай-жить-другому соглашение, и все пошло значительно лучше. Через какое-то время я заметил, что с нетерпением жду очередной связи с ним и понял, что он мне нравится. Не «снова», а «наконец-то», ведь я никогда не испытывал к нему таких, как теперь, теплых чувств. Однако в то же самое время, как мы все больше сближались, мы все более и расходились: в дело вмешалось «проскальзывание». Как видно любому из релятивистских уравнений, связь не является линейной; это самое проскальзывание сперва почти незаметно, но с приближением к скорости света оно нарастает, как бешеное.

При трех четвертях скорости света Пэт начал жаловаться, что я растягиваю слова; мне же казалось, что это он тараторит. При девяти десятых отношение было близко к двум, но мы уже разобрались, в чем тут дело: я стал говорить побыстрее, а он помедленнее.

При 99 % скорости света отношение перевалило за семь, и мы едва могли понять друг друга. Чуть позднее мы вообще утратили контакт. Эта неприятность была у всех. Разумеется, телепатия мгновенна. Во всяком случае триллионы миль, бывшие между нами, не приводили к какому-либо запаздыванию, ну хотя бы к тому, крохотному, как при телефонном разговоре между Землей и Луной; и сила сигнала не падала. Но только ведь мозг – это плоть и кровь; для размышлений нужно время, а наши скорости течения времени совсем разошлись. Я думал настолько медленно (с точки зрения Пэта), что он уже не мог замедлиться достаточно, чтобы меня воспринимать. Что касается меня, то я иногда понимал, что он пытается связаться со мной, но это был просто какой-то визг, смысл которого уловить было невозможно. Даже Дасти Родс не был способен что-нибудь сделать. Его брат просто не мог сконцентрироваться на изображении в течение долгих трех часов, необходимых, чтобы Дасти «увидел» это изображение.

Все это, мягко скажем, выводило нас из равновесия. Слышать голоса – это нормальный ход, но только не в том случае, если ты не можешь ни разобрать, что они говорят, ни попросить их замолчать. Не исключено, что некоторые из непонятных «чокнутых» чокнутыми совсем не являлись; возможно, несчастные психи были просто-напросто настроены на неподходящую волну. Поначалу хуже всех воспринимал это дядя Альф; один раз я просидел с ним весь вечер, мы пробовали и пробовали вместе. А потом к нему вдруг опять вернулась обычная его безмятежность; Лапочка думала о нем, это он знал, и это было самым главным; слова не были такими уж необходимыми. Расцвела одна Пру; теперь она не была под каблуком своей сестры. Она целовалась по-настоящему, возможно, впервые в жизни. Нет, не со мной. Я просто шел попить из фонтанчика, а затем тихо ретировался, решив, что питье мое подождет. Кто это был, говорить нет ни малейшего смысла, это вообще ничего не значит; думаю, в это время Пру поцеловала бы даже Капитана, если бы он только стоял спокойно и не рыпался. Бедняжка Пру.

Нечего делать, приходилось ждать, пока, замедляясь, мы не приблизимся несколько к земному времени. Мы продолжали поддерживать связь с другими кораблями, ведь все они ускорялись по одной программе, и по этим сохранившимся линиям оживленно обсуждалась

дилемма, о которой, похоже, никто заранее не подумал. С одной стороны, перерыв в связи не имел большого значения, докладывать нам особенно было нечего, пока мы не замедлимся и не начнем исследовать свои звезды, но, с другой стороны, он был очень важен: время, проведенное «Л.К.» при скорости света (ну, лишь не намного меньше) было очень кратким для нас, но там, на Земле, пройдет добрый десяток лет. Как мы выяснили позднее, Доктора Деверо и его коллег на других кораблях, а также дома, в Ф.Д.П., очень тревожила мысль, сколько телепатических пар останется (если вообще останется) в действии после такого промежутка времени. Их тревога имела под собой достаточно оснований. Уже было установлено, что идентичные близнецы практически никогда не бывали телематами, если многие годы жили врозь. Именно это было еще одной причиной отбора молодых пар – в большинстве случаев взрослые близнецы разъезжаются. Но до этого момента мы не были «разделены» из-за проекта Лебенсraum. Конечно же, мы находились на невероятных расстояниях друг от друга, но каждая пара ежедневно вступала в контакт и практиковалась, что определялось системой ежедневных вахт, поддерживаемых даже тогда, когда передавать, кроме новостей с Земли, было нечего. Но как повлияет многолетний перерыв контакта на связь между близнецами?

Меня это не беспокоило; я про это ничего не знал. В ответ на мой вопрос о прекращении связи мистер О'Тул ответил что-то такое, из чего я сделал вывод, что через несколько недель по корабельному времени темпы времени у нас и на Земле сблизятся достаточно для того, чтобы связь возобновилась. А пока – никаких вахт, так что было не так уж и плохо. Я лег спать, стараясь не обращать внимания на визги, раздающиеся у меня в мозгу. Разбудил меня Пэт.

– Том, отвечай, Том, ты слышишь меня? Том, отвечай.

– (Эй, Пэт, я здесь.) – В мгновение ока я совершенно проснулся и, соскочив с койки, босиком стоял на полу в таком возбуждении, что едва был способен что-нибудь сказать.

– Том, Том. Как хорошо снова тебя услышать – ведь прошло уже два года, как я последний раз с тобой говорил.

– (Почему...) – Хотел было возразить я, но потом смолк. Для меня прошло меньше недели. А сколько времени прошло для Пэта, я мог узнать только поглядев на Гринвичский календарь и наведя справки в вычислительном центре.

– Том, дай я тебе расскажу, мне не терпится. Последние шесть недель меня держат в состоянии глубокого гипноза и под какими-то наркотиками. Вот сколько времени понадобилось мне, чтобы связаться с тобой. Врачи не решатся держать меня в таком виде еще слишком долго.

– (Ты хочешь сказать, что ты вот прямо сейчас под гипнозом?)

– Конечно, иначе я не смог бы с тобой говорить. А сейчас, – на секунду голос стих. – Прости, пришлось прерваться, мне сделали еще один укол, а заодно и внутривенное кормление. А теперь слушай и записывай расписание: Ван Хаутен... – Он прочитал мне гринвичские даты и точные – до секунды – времена для каждого из нас, а затем, пока я для проверки читал записанное ему, его голос стал затихать. Последнее, что я услышал, было «Пока», переходившее уже в визг, а затем наступила тишина.

Штаны я все-таки натянул, прежде чем бежать и будить Капитана, но на ботинки времени тратить не стал. И тут же все были на ногах и все дневные огни включены, хотя по корабельному была ночь, и мамочка О'Тул варила кофе и все говорили, перебивая друг друга. В вычислительном центре релятивисты наталкивались друг на друга, а Жанет Меерс вычисляла корабельное время намеченного контакта Берни ван Хаутена с братом. Она делала это, для скорости, без помощи компьютера, Ван был первым по списку. Ван не мог связаться со своим братом, все нервничали, а Жанет заливалась слезами, так как кто-то предположил, что она, считая в уме, выдала ошибочное время. Но доктор Бэбкок собственноручно прогнал задачу через компьютер и подтвердил ее результат с точностью до девятого знака. А потом ледяным тоном

объявил, что будет крайне благодарен, если в будущем никто не станет критиковать его сотрудников; эту привилегию он оставляет себе. Но вскоре Глория связалась со своей сестрой, и все немного успокоились. Капитан, через мисс Гамму, послал донесение на флагманский корабль и получил ответ, что еще два корабля – «Наутилус» и «Христофор Колумб» – восстановили связь с Землей.

Теперь уже никто не тянул время, когда надо было заступать на вахту, никаких забеганий в кладовку, чтобы малость перекусить. Если было известно, что твой напарник будет передавать в 3:17:06 с крохотным хвостиком корабельного времени, ты сидел наготове уже с трех часов, никаких глупостей, магнитофон крутился, а микрофон у рта. Нам-то на корабле было легко, но каждый из нас знал, что его напарника накачивают наркотиками и погружают в глубокий гипноз, чтобы он мог провести связь – Доктора Деверо это очень беспокоило.

К тому же теперь не было времени для болтовни, ведь твой близнец расплачивался, возможно, часом своей жизни за каждое переданное слово. Ты просто записывал то, что он передает, с первого раза, никаких сбоев, а затем передавал то, что написал Капитан. Оставалось несколько секунд на разговор – олл райт. Обычно не оставалось... вот так я и напутал все насчет женитьбы Пэта.

Видите ли, две недели посередке, последняя неделя ускорения и первая замедления, недели, когда мы достигли максимальной скорости, соответствовали примерно десяти годам на Земле. Отношение было в среднем один к двумстам пятидесяти. Но это в среднем, при максимальной скорости проскальзывание было гораздо больше. Я спросил мистера О'Тула, чему равнялся максимум, но он только покачал головой. Измерить это – сказал он мне – невозможно, и возможная ошибка больше присутствующих в расчете малых величин.

– Скажем так, – закончил он. – Слава Богу, что на корабле нет простуженных, а то один хороший чих перекинул бы нас через скорость света.

Он, ясно, шутил. Ведь, как напомнила Жанет, при приближении нашей скорости к световой масса корабля приближалась к бесконечности. Но мы снова утратили связь на целый наш день. В конце одного из этих пиковых сеансов Пэт сказал мне, что он и Моды собираются жениться. Связь прервалась, прежде чем я успел его поздравить. Я хотел сказать, что Моды, пожалуй, еще слишком молодая и не спешит ли он, но не мог. Его уже не было.

Я, пожалуй, не ревновал. К этому выводу я пришел, покопавшись в себе и обнаружив, что не могу вспомнить, на что была похожа Моды. Нет, я, конечно, помнил, какая она – блондинка со вздернутым носиком, на котором летом проступали веснушки. Но я не мог вызвать перед глазами ее лицо, как мог вызвать лицо Пру или Жанет. Я не ревновал, только чувствовал себя немного – что ли – заброшенным.

Потом я справился у Жанет, какое гринвичское время соответствовало моей последней связи с Пэтом, и понял, что совершенно зря собирался наводить критику. Пэту было двадцать три, а Моды двадцать один, почти двадцать два. При очередной связи я умудрился успеть сказать «поздравляю», но у Пэта не было времени для ответа. Ответил он в следующий раз...

– Спасибо за поздравление. Мы назвали ее в честь мамы, а похожа она будет, думаю, на Моды.

Это меня изумило до крайности. Справившись снова у Жанет, я понял, что все верно. Если пара жената уже два года, вряд ли кто будет удивляться, если у них появится маленькая дочка. Разве только я.

Тем временем за две недели многое изменилось, и мне пришлось ко многому привыкать. В начале этого периода мы с Пэтом были одного возраста, разве что понемногу появлялось незначительное проскальзывание. В конце (концом периода я считаю тот момент, когда исчезла необходимость в сильных средствах для поддержания связи) мой брат оказался одиннадцатью

годами старше меня и у него была семилетняя дочь.

Я перестал думать о Модии как о девочке, во всяком случае – той девочке, за которой я когда-то ухаживал. Я решил, что она, пожалуй, стала толстой, очень домашней распустехой – ей было никогда не устоять перед вторым шоколадным эклером. Если по-честному, мы с Пэтом стали друг для друга почти чужими, у нас было так мало общего. Всякие мелкие корабельные сплетни, такие важные для меня, нагоняли на него тоску; меня же, с другой стороны, ну никак не могли взволновать гибкие строительные блоки и сроки штрафных санкций. Мы продолжали вполне успешно связываться, но теперь это было похоже на разговор по телефону с незнакомым человеком. Мне было жаль, я уже успел полюбить Пэта, прежде чем он ускользнул от меня.

Но я хотел увидеть свою племянницу. Знакомство с Лапочкой научило меня тому, что маленькие девочки могут быть забавнее щенков и даже симпатичнее котят. Я вспомнил про свою идею насчет портрета Лапочки и прижал к стенке Дасти.

Он согласился. Дасти просто не может упустить лишнюю возможность продемонстрировать, как здорово он рисует. К тому же он несколько – для него – помягчал; он больше не рычал, когда его пытались погладить, хотя нужны будут еще годы и годы, пока он научится садиться и подавать лапу. Дасти выдал великолепный рисунок; Молли не хватало только крылышек, и вышел бы настоящий херувим. Я видел в ней сходство с собой – то есть, конечно, с ее отцом.

– Дасти, это прекрасный рисунок. Но только, он очень похож?

– Откуда мне знать? – ошетинился он. – Но если тут есть отличие хоть на микрон, хоть на малейшую разность тонов, какую только может уловить спектрофотометр от той фотографии, которую твой брат прислал моему, я готов съесть этот рисунок. А уж там где мне знать, может гордые родители приукрасили свое дитяtko.

– Прости, прости. Очень хороший рисунок. Мне бы очень хотелось чем-нибудь тебе отплатить.

– Только не надо не спать ночами; я сам что-нибудь придумаю. Но мои услуги недешевы.

Я снял со стенки изображение Люсиль Ля Вон и повесил на ее место Молли. Ту картинку я, правда, тоже не выкинул.

Через пару месяцев выяснилось, что Доктор Деверо усмотрел в моей способности пользоваться той же «длиной волны», что и дядя Альф с Лапочкой, возможности совершенно отличные от тех, очевидных, которые видел я. Я продолжал иногда говорить с ними, хоть и не так часто, как раньше. Лапочка была теперь настоящей молодой леди, почти восемнадцать; она училась в Витвотерсрэнде и уже сама была учительницей-практиканткой. Никто, кроме Дяди и меня, не называл ее теперь «Лапочка», а мысль о том, что я когда-нибудь заменю дядю Альфа, счастливо отошла в прошлое – если так дальше пойдет, вскоре она сможет меня самого воспитывать.

Но доктор Деверо ничего не забывал. Однако переговоры свои с Ф.Д.П. он провел, не ставя меня в известность. Видимо, и Пэту было ведено молчать, пока все не будет готово, так что впервые я услышал об этом совершенно неожиданно, когда во время одной из рутинных вахт сказал ему приготовиться к записи какого-то сообщения.

– Оставь это, старик, – ответил он. – Передай все бумажки следующему несчастному. Мы сейчас попробуем кое-что новенькое.

– (Что?)

– Это по приказу Ф.Д.П., с самого верха. У Молли теперь свой собственный временный контракт, вроде того, какой был у нас с тобой.

– (Как это? Она же не близнец.)

– Дай-ка я ее посчитаю. Нет, вроде ее только одна, хотя она иногда и похожа на целое стадо

диких слонов. Но она здесь, со мной, и хочет сказать «Здрасьте» дяде Тому.

– (А, прекрасно, привет, Молли.)

– Привет, дядя Том.

Я чуть с ума не сошел. Я услышал это совершенно четко, без всяких сбоев.

– (Эй, кто это? Повтори-ка.)

– Привет, дядя Том, – она хихикнула, – у меня новый бантик.

Я сглотнул.

– (И уж точно ты здорово с ним смотришься. Жаль, что я не вижу. Пэт! Когда это произошло?)

– Потихоньку-полегоньку, в течение последних десяти недель. Для этого потребовались такие же суровые сеансы с доктором Мейбл. Кстати сказать, для этого потребовались еще более суровые сеансы, с, ну, бывшей мисс Корик, прежде чем она разрешила нам попробовать.

– Это он про мамочку, – заговорщическим шепотом поведала мне Молли. – Ей это не нравится. А мне нравится, дядя Том. Я думаю, что это очень здорово.

– Мне некуда спрятаться ни от одной из них, – пожаловался Пэт. – Слушай Том, это просто проба, я сейчас отключусь. Нужно вернуть этот кошмар ее мамаше.

– Она заставит меня спать, – обреченным голосом согласилась Молли. – А я уже совсем взрослая и не хочу спать днем. До свидания, дядя Том. Я тебя люблю.

– (Я тоже люблю тебя, Молли.)

Я повернулся – и конечно же, за моей спиной стояли, развесив уши, Доктор Деверо и Капитан.

– Ну, как прошло? – спросил Доктор озабоченным – для него – голосом. Я с большим трудом придал своему лицу безразличное выражение. – Удовлетворительно. Отличный прием.

– И от ребенка тоже?

– Конечно, сэр. А вы ожидали чего-нибудь другого?

Доктор с облегчением вздохнул.

– Сынок, не нуждайся мы в твоих услугах, я бы вышиб тебе мозги старым телефонным справочником.

Думаю, мы с Молли были первой из вторичных телепатических пар флота. Но не последней. Ф.Д.П., исходя из гипотезы, подсказанной случаем с дядей Альфом и Лапочкой, предположил, что появляется возможность образовать новую связь в тех случаях, когда потенциальный новый член очень молод и близко связан со взрослым членом старой группы. В некоторых случаях это удавалось. А в других случаях и попытку было не сделать в виду отсутствия подходящего ребенка.

Прежде чем мы добрались до системы Тау Кита, у Пэта и Молли появилась еще одна дочка. На этот раз, в отношении Линет, Моды была тверда: она сказала, что двух психов в семье более чем достаточно.

Глава 12

Тау Кита

К тому времени, как до Тау Кита оставалось несколько световых часов пути, мы уже точно знали, что не вытащили пустой номер; на стерео и доплер-стерео фотографиях, сделанных Гарри Гейтсом, была видна дюжина планет. Гарри не только главный планетолог, он также возглавляет исследовательский отдел. Думаю, у него было достаточно научных знаний, чтобы нанизывать их как бусинки на нитку, но я звал его Гарри, все так делали. Он не из тех, кого называешь «доктор»; он очень энергичный и на вид моложе своих лет.

Гарри вселенная представлялась сложной игрушкой, которую ему подарили; хотелось разобрать ее на кусочки и посмотреть, почему она крутится. Он был в восторге от этой игрушки и с радостью обсуждал ее с кем угодно и когда угодно. Познакомился я с ним, когда мыл лабораторную посуду: Гарри не относился к лаборантам, как к бездушным механизмам. Он обращался с ними, как с людьми, и не ставил им в вину, что они знают значительно меньше, чем он – иногда казалось даже, что он думает, что и сам может узнать у них что-нибудь новое.

Как он нашел время жениться на Барбаре Куйпер – не понимаю. Барбара была из группы двигательщиков, так что, возможно, все началось с обсуждения какого-нибудь физического вопроса, а потом перешло на биологию и социологию; Гарри интересовался всем. Однако на то, чтобы быть рядом с ней, когда у них родился ребенок, он уже не нашел времени; как раз в эту ночь он фотографировал планету, названную им потом в честь дочки Констанс. Кое-кто возражал, у всех были свои идеи, но Капитан решил, что здесь применимо древнее правило: открыватель астрономического объекта имеет право дать ему имя.

То, что мы нашли Констанс, не было случайностью (планету, не ребенка; ребенка никто и не терял). Гарри хотел найти планету в пятидесяти–пятидесяти одном миллионе миль от Тау, или, лучше сказать, планету на таком расстоянии хотел найти Ф.Д.П. Видите-ли, по спектральному типу Тау Кита находится в близком родстве с Солнцем; правда, она поменьше и дает около трех десятых света, испускаемого последним. Поэтому, согласно тому же самому старому, надоевшему закону обратных квадратов, в соответствии с которым планируется освещение помещений или подбирается мощность вспышки для фотоснимка, в пятидесяти миллионах миль от Тау планета получит столько же света, как и в девяноста трех миллионах миль от Солнца, где и находится Земля. Мы не искали планету вообще, какую-нибудь планету, каких-нибудь достаточно в нашей Солнечной системе; мы хотели найти близкую копию Земли, иначе она не будет стоять колонизации. Если в ясную ночь вылезти на крышу и посмотреть в небо, звезд на нем так много, что начинает казаться, планеты, похожие на Землю, столь же обычны во вселенной, как яйца в птичнике. В каком-то смысле, так оно и есть; по оценке Гарри их количество в одной нашей Галактике лежит где-то между сотней тысяч и сотней миллионов. Для всей вселенной можете умножить это число на что угодно.

Заковыка здесь в том, что планеты эти не находятся под рукой, как хотелось бы. Тау Кита отделяют от Солнца всего одиннадцать световых лет; расстояние до большей части звезд Млечного Пути в среднем где-то около пятидесяти тысяч световых лет. Даже Фонд Далеких Перспектив не думает пока о таких далеких перспективах. Хотя у нас и появились корабли с факельными двигателями, глупо думать о колонизации планеты за пределами сотни световых лет. Конечно, такой корабль может долететь, если надо, куда угодно, даже на другой конец Галактики, но только кого заинтересуют сведения об удобных для застройки земельных участках, если к моменту получения этих сведений на Земле уже наступит, а затем и

закончится, несколько оледенений? Конечно же, к тому времени проблема народонаселения будет уже решена тем или другим способом. Возможно, тем же, каким решили ее все известные коты, от которых остались «только кончики хвостов».

Но в пределах сотни световых лет от Земли имеется всего лишь чуть больше полутора тысяч звезд, и из них только около ста шестидесяти принадлежит к тому же спектральному типу, что и Солнце. Проект Лебенсраум надеялся проверить что-то около половины этих звезд; теперь, с утратой «Васко да Гама», меньше. Проект окажется удачным, если поиск обнаружит хотя бы одну планету земного типа, но уверенности в таком исходе, к сожалению, не было. У звезды солнечного типа может не быть планет земного типа; планета может находиться чересчур близко к звезде или чересчур далеко от нее. Она может быть слишком маленькой, чтобы иметь атмосферу, или слишком большой, с огромной тяжестью на поверхности, на которой людям жить будет не под силу. А то на ней может оказаться просто слишком мало воды, с которой связана вся жизнь человека.

Или она может оказаться населенной какими-нибудь грубыми типами, считающими, что кто первый нашел, тому все и принадлежит. Самые лучшие шансы были как раз у «Васко да Гама»; звезда, к которой он направлялся. Альфа Центавра-А, является единственным настоящим двойником Солнца в этой части вселенной (напарница ее, Альфа Центавра-В, относится к другому типу, к спектральному классу К). Следующими были мы, несмотря даже на то, что Тау Кита меньше похожа на Солнце, чем Альфа Центавра-В, так как следующая ближайшая звезда С-типа (солнечного типа) отстоит от Солнца примерно на тринадцать световых лет, что давало нам преимущество в два световых года, если сравнивать с «Магелланом», и около четырех – если с «Наутилусом». Если мы, конечно, вообще что-нибудь найдем. Можете себе представить, какое у нас было торжество, когда Тау не оказалась пустым номером.

Гарри торжествовал тоже, но совсем по иной причине. Я забрел как-то в обсерваторию с надеждой посмотреть на небо – одним из недостатков «Л.К.» было то, что из него было почти невозможно выглянуть наружу – когда он схватил меня за руку и заявил:

– Ты только посмотри на это!

Я посмотрел на это. Это был лист бумаги с какими-то цифрами; то ли расписание севооборота, составленное мамочкой О'Тул, то ли еще что.

– А что это такое?

– Ты что, читать разучился? – Это – правило Тициуса-Боде, вот что!

Я начал копать в голове... Да, да... нет, это же закон Ома... а потом вдруг вспомнил. Правило Тициуса-Боде – это простая геометрическая прогрессия, описывающая расстояния планет Солнечной системы от Солнца. Никто так и не смог понять, откуда берется это правило; в некоторых случаях оно соблюдалось не очень хорошо, хотя я и припоминал, что не то Нептун, не то Плутон был открыт при помощи вычислений, использовавших его. Но, вообще говоря, эта связь казалась случайной.

– Ну и что? – спросил я.

– Он еще спрашивает «Ну и что». Господи, да ты что, не понимаешь, это же самое важное событие с того времени, как Ньютона долбануло яблоком?

– Знаешь, Гарри, может, оно и так, но я сегодня что-то туго соображаю. Я считал, что правило Тициуса-Боде – просто случайность. Почему не может быть случайности и здесь?

– Случайность! Ты подумай. Том, если ты выкинешь на костях семерку один раз – это случайность. Если ты выкинешь ее восемьсот раз подряд – значит, что кости жульнические.

– Но пока что только два раза.

– Это же не кости. Ты найди мне кусок бумаги побольше, и я тебе напишу все те нули, которые содержатся в вероятности такой «случайности». – Вид его стал задумчивым. – Знаешь,

Том, это будет ключ к тому, как возникают планеты. За открытие нас похоронят вместе с Галилеем. Ммм... Том, мы не можем позволить себе тратить слишком много времени в этом месте, нам надо двигаться дальше, взглянуть на систему Беты Гидры и убедиться, что и там правило подтверждается. Оно подтвердится, конечно, подтвердится, но надо доказать всяким заросшим мхом там, на Земле. Я пойду и скажу Капитану, что нужно изменить программу полета. – Он запихнул бумажку в карман и торопливо вышел. Я огляделся по сторонам, однако все иллюминаторы были закрыты антирадиационными экранами. Выглянуть наружу не удалось.

Само собой, Капитан не стал менять программу; нашей задачей были поиски пахотных земель, а не решение астрономических ребусов. Через несколько недель «Л.К.» лег на орбиту вокруг Констанс. В результате мы впервые за полет оказались в состоянии невесомости. Невесомости не было даже во время перехода от ускорения к замедлению, мы сделали это посредством разворота корабля без остановки двигателей. Инженеры не любят заглушать факел, если только не подошло время текущего ремонта – все помнят случай с «Петром Великим», который заглушил свои двигатели, не смог запустить их снова и упал на Солнце. Ощущение свободного падения мне не понравилось. Но, если не перегружать желудок, ничего особо страшного в нем нет.

Гарри не очень расстроился. Он получил в качестве игрушки целую новую планету, так что, табулировав правило Тициуса-Боде, он занялся делом. Мы крутились по орбите, на высоте в тысячу миль, а тем временем ученые проводили все исследования Конни, какие только можно провести без посадки: прямые визуальные наблюдения, радиационное обследование, снятие спектров поглощения атмосферы. У планеты было два спутника, один из них приличных размеров, хоть и поменьше Луны; поэтому оказалось возможным точно определить силу тяготения на поверхности.

По виду Кони была очень сходна с нашей родной планетой. Командор Фрик поручил своим ребятам установить в столовой большой телеэкран, цветной и с усиленным стереоэффектом, так что мы все смогли полюбоваться на нее. Было похоже на изображения Земли, сделанные с космических станций, зеленый, голубой, коричневый цвета, поверхность наполовину скрыта облаками, на верхушках – полярные ледяные шапки. Атмосферное давление на ней было пониже, чем у нас, но зато содержание кислорода – повыше, так что воздух был вполне пригоден для дыхания. Спектры поглощения показывали довольно высокую концентрацию углекислого газа, однако не такую высокую, как на Земле в каменноугольный период.

Конни была поменьше Земли, однако площадь суши у нее была чуть побольше, чем у нас, за счет того, что меньше места занимали океаны. Каждое сообщение на Землю содержало какие-либо приятные новости, я даже смог отвлечь Пэта от подсчета прибылей и убытков. Он создал компанию «Братья Барлет Инк» и, похоже, ожидал от меня интереса ко всяким этим дебитам-кредитам на том лишь основании, что в капитал фирмы вошла и накопившаяся на моем счету зарплата Ф.Д.П. Да где там, я так давно не видел и не трогал деньги, что уже почти забыл, как ими пользоваться.

Разумеется, первой нашей заботой было выяснить, не занято ли это место; я имею в виду разумную животную жизнь, способную пользоваться орудиями труда, делать вещи и создавать организации. Если таковая уже была, мы, согласно инструкции, обязаны были улететь отсюда, не пытаясь произвести посадку, а топливо поискать где-нибудь в другом месте системы. Установление дружеских отношений откладывалось на потом, до другого полета, Ф.Д.П. не хотел повторения трагической ошибки, совершенной когда-то на Марсе. Однако электромагнитный спектр не показывал абсолютно ничего, от гамма-лучей и вплоть до самых длинных радиоволн. Если там, внизу, и были люди, они не использовали радио, не освещали свои улицы и не владели атомной энергией. Ровно так же не было у них ни самолетов, ни дорог,

ни кораблей на поверхности океанов, ни хоть отдаленных подобий городов. Поэтому мы спустились пониже, к самой границе атмосферы, и встали на полярную орбиту, чтобы внимательно осмотреть всю поверхность, новый сектор при каждом новом витке.

Мы исследовали планету визуально, фотографически, при помощи радара. Мы не могли пропустить ни одного объекта, хоть немного более заметного и подозрительного, чем бобровая плотина, в этом я уверен. Никаких городов, никаких домов, никаких дорог, никаких мостов, никаких кораблей, никого. Животные – это пожалуйста, мы видели стада, пасущиеся на равнинах, а иногда мельком улавливали еще какие-то существа. Но в общем и целом это было очень похоже на рай для поселенца. Капитан послал сообщение:

– Готовлюсь к посадке.

Я быстренько вызвался добровольцем в разведывательную группу. Сперва я пристал к своему дяде, майору Лукасу, с просьбой, чтобы он взял меня в свой отряд. Дядя сказал, чтобы я шел и занимался своими делами.

– Если ты действительно думаешь, что мне зачем-либо нужен необученный новобранец, ты свихнулся даже больше, чем я в твоём представлении. Если уж у тебя появилась мысль стать солдатом, думать об этом надо было сразу после старта.

– Но ведь в твоём отряде есть люди из всех остальных отделов.

– Да, и каждый из них – подготовленный солдат. Seriously, Том, никак нельзя. Мне нужны такие ребята, которые смогут защищать меня самого, а не новички, о которых придется заботиться мне. Ты уж прости.

Тогда я попросил Гарри Гейтса, чтобы он взял меня в научную группу, которую и должен был защищать дядин отряд. Гарри сказал:

– Конечно, а почему нет? Там будет уйма черной работы, которой моя компания примадонн не захочет заниматься. Можешь начать прямо сейчас, проверяя оборудование по этому списку.

Мы занялись проверкой – я зачитывал список, он пересчитывают свое хозяйство. Через некоторое время Гарри сказал:

– Ну, каково быть маленьким зеленым человечком с летающего блюдца?

– Кем?

– НЛО-навтом. Мы же здесь все – НЛО-навты, ты задумывался над этим?

Тут до меня дошло. НЛО – «неопознанный летающий объект». НЛО-истерия, сообщения о встречах с НЛО проходили через всю историю полетов в космос.

– Я думаю, что мы сейчас – нечто вроде НЛО.

– Вот именно. НЛО – это исследовательские корабли, вроде нашего. Они рассматривали нас, не приходили в восторг от увиденного и отбывали. Не обнаружь они, что Земля прямо кишит враждебными аборигенами, они сели бы и стали организовывать хозяйство, так же как собираемся делать мы.

– Гарри, ты правда веришь, что НЛО – это нечто иное, чем плод воображения, ошибки наблюдений и все такое? Я-то считал, что эти шутки давным-давно разоблачены.

– А ты, Том, сам подумай обо всех этих свидетельствах. В нашем небе действительно что-то происходило незадолго до того, как мы сами начали свои полеты. Ясно, что большинство сообщений было липой. Но некоторые из них – не были. Если у тебя перед носом факт – приходится верить в него, иначе вселенная становится слишком уж фантастичной. Ты же не думаешь, что кроме людей никто никогда не строил космических кораблей?

– Ну... может и не думаю. Но если строили, почему они не навестили нас давным-давно?

– Это, дружок, простая арифметика. Вселенная очень велика, а мы – ее крохотный закоулок. К тому же, может, они нас и навещали. Это мое личное мнение. Они исследовали нас,

и оказалось, что Земля – не то, что им нужно, – может, из-за нас, может, из-за климата. И тогда НЛО улетели. – Он немного задумался. – А может, они садились совсем ненадолго, только чтобы заправиться топливом.

Эта поучительная беседа – все мое приобретение от членства в научной группе; когда Гарри внес мою фамилию в список. Капитан ее вычеркнул.

– Специальные связисты не будут покидать корабль.

На том и было решено, упорство Капитана было железное. Вану идти было разрешено, так как его брат погиб при несчастном случае, пока мы летели с максимальной скоростью. Я рассказал про Вана Пэту и спросил, не может ли он тоже умереть для такого случая? Пэт не нашел в этом ничего смешного. «Л.К.» сел в океан в достаточно глубоком месте, а затем при помощи вспомогательных двигателей подгрел поближе к берегу. Корабль далеко выступал из воды, ведь его топливные баки были на две трети пусты. Вода, содержавшаяся в них, была истрачена сначала на то, чтобы разогнать корабль почти до световой скорости, а затем – чтобы опять его затормозить. Мы еще не встали окончательно на якорь, а техники уже занялись профилактическим ремонтом двигателя. Насколько я знаю, никто из них не просился в исследовательский отряд. Думаю, для большинства техников посадка на Констанс была просто удобным случаем запастись топливом, а также провести осмотр и ремонт двигателей, невозможные в период полета. Им и дела не было – где они находятся и куда направляются, лишь бы горел факел двигателя и вся их техника крутилась. Доктор Деверо рассказывал, что Главный Металлург шесть раз летал на Плутон и, в то же время, нога его не касалась ни одной, кроме Земли, планеты.

– Как же это? Это же ненормально, – спросил я, думая про себя о том, как доктор носит с нормальностью всех окружающих, включая меня.

– Для таких, как он, это – показатель великолепного психического здоровья. Человека из другой породы я бы за такое крепко запер и кормил через замочную скважину макаронами.

Сэму Рохасу такая дискриминация в отношении телепатов понравилась не больше, чем мне; он тоже рассчитывал ступить на чужую землю подобно Колумбу, Бальбоа и Ланди. Сэм зашел ко мне обсудить положение.

– Том, неужели ты собираешься это терпеть?

– Ну, как сказать, я не хочу, конечно, но только что мы можем сделать?

– Я переговорил кое с кем из остальных. Все очень просто. Мы не будем.

– Не будем что?

– Ну... просто не будем. Понимаешь, Том, с того времени, как мы замедлились, я начал замечать у себя снижение телепатической способности. То же самое, похоже, наблюдается у всех нас – у тех, с кем я переговорил. А ты как?

– Ты что, я не...

– Подумай получше, – прервал он меня. – Ты не мог этого не заметить. Да что там, сейчас я, пожалуй, не смог бы даже вызвать своего брата на связь. Наверное, это как-нибудь связано с тем, где мы находимся. Может, это какая-нибудь такая радиация Тау Кита, или еще что. А может – это как-нибудь связано с планетой. Как знать? И, если уж на то пошло, кто нас проверит?

Потихоньку до меня стало доходить. Я не отвечал, идея была очень соблазнительной.

– Если мы бесполезны как связисты, – продолжил он, – мы можем пригодиться для чего-нибудь другого... ну, например, в группе, высаживающейся на поверхность. Как только мы избавимся от этого загадочного влияния, мы, вполне возможно, сможем опять передавать сообщения на Землю. А может оказаться и так, что некоторые из девушек, те, которые не хотят идти с десантной группой, смогут все-таки связаться с Землей и передать туда донесения. Это,

конечно, в том случае, если дискриминация против нас, психов, не будет возобновлена.

– Мысль, – согласился я.

– Ты подумай хорошенько. И ведь наверняка окажется, что эта твоя способность все слабеет и слабеет. Вот я, например, уже все равно, что глухой. – И он ушел.

Я покрутил эту идею и так, и сяк. Понятно, что Капитан догадается, что это забастовка, но только что он сможет сделать? Обозвать нас лжецами и подвесить за ноги, пока мы не пойдем на попятную? Может ли он быть на все сто процентов уверен, что мы врем? Ответ: нет. Никто, кроме самого телепата, не знает, на что это похоже. Никто, кроме него самого, не может знать, что он делает. Когда мы утратили контакт на пике скорости. Капитан не высказывал ни малейших сомнений, он просто принял это как факт. И теперь ему тоже придется это принять, что бы там он ни думал про себя. Потому что мы были ему нужны. Мы были незаменимы.

Отец был когда-то членом согласительной комиссии в местном отделении своей гильдии. Я помню, как он говорил, что бастовать имеет смысл только в одном случае – если работники так уж необходимы, что забастовка выигрывается, не успев начаться. Вот в таком-то положении и находился наш Капитан: он должен был нас иметь. Ни одного возможного штрейкбрехера в радиусе одиннадцати световых лет. Он не рискнет что-нибудь с нами сделать.

Правда, любой из нас может сорвать эту забастовку. Давай поглядим. Ван не считается, Каз Уорнер тоже, их напарники погибли. Сестричка нашей Пру, Пейшенс, жива, но эту пару не удалось восстановить после пика скорости – Пейшенс отказалась от рискованных фокусов с гипнозом и наркотиками, они надолго потеряли связь и не смогли ее возобновить. Мисс Гамма тоже не считается, корабли с ее сестричками все еще летят с максимальной скоростью, поэтому у нас нет возможности кружной связи с Землей и не будет, пока один из этих кораблей не замедлится. Кто же тогда остается, кроме Сэма и меня? И насколько они надежны? Руп, Глория, Анна, Дасти. И Дядя, конечно. И Мей-Лин.

Да, на всех этих можно положиться. То, что к нам поначалу отнеслись, как к психам, сплотило нас. Даже если кому и покажется, что так поступать нехорошо, он не станет подводить остальных. Даже Мей-Лин, вышедшая замуж на сторону. Может получиться. Если только Сэм сумеет их всех убедить. Я хотел попасть на поверхность каким угодно путем. Может, этот путь и был сомнительным, но я все равно хотел.

И все-таки было здесь неприятное жульничество, нечто вроде того, когда ребенком третишь на себя деньги, которые тебе дали для церковной кружки. Времени у Сэма на организацию было до завтрашнего полудня, так как у нас теперь была всего одна вахта в день. Необходимости в постоянной связи не было, а работы на корабле с того времени, как было решено делать вылазку, прибавилось. Я пошел навешивать бирки на лабораторных крыс. Но ждать до завтра не пришлось. Тем же вечером Дядя созвал нас, и мы все набились в его каюту – все, кроме мисс Гаммы, Пру, Вана и Каза. Дядя оглядел нас, лицо у него было длинное и печальное; он извинился, что ему негде всех усадить, но надолго он нас не задержит. Потом он начал говорить нечто витиеватое про то, как все мы ему вроде родных его детей и как он нас полюбил и что мы всегда будем его детьми, что бы ни случилось. А потом он перешел на то, как это гордо – быть человеком.

– Человек всегда сам за все расплачивается, он хранит себя в чистоте, он уважает других людей, он держит слово. И все это совершенно бескорыстно, ради себя самого. Билет на небеса стоит гораздо дороже. Дядя сделал паузу и продолжил: – И он всегда исполняет обещанное. – Он оглядел нас и добавил: – Это все, что я хотел сказать. Да, если уж все вы здесь, я могу сделать одно объявление. Рупу пришлось немного сдвинуть вахтенное расписание. – Он нашел глазами Сэма Рохаса. – Сэм, я хочу, чтобы ты вышел на следующую вахту, завтра в полдень. Сможешь?

Секунды три не было ни звука. Затем Сэм медленно произнес:

– А что, думаю, смогу, Дядя, если уж ты этого хочешь.

– Я был бы очень рад, Сэм. Понимаешь, по разным причинам я не хочу ставить на эту вахту никого другого... и мне самому не хочется ее стоять. Если бы ты не смог, мне, пожалуй, пришлось бы сказать Капитану, что некого поставить. Поэтому я очень рад, что ты выйдешь.

– Конечно, Дядя. Не беспокойся.

Вот так и закончилась наша забастовка. Но Дядя еще не распустил нас.

– Я подумал, что скажу вам про изменения в расписании сейчас, пока вы все здесь, чтобы Рупу не пришлось искать всех по очереди и давать его вам на подпись. Но я собрал вас еще и для того, чтобы кое о чем спросить. Десантная группа покинет корабль совсем скоро. Как бы соблазнительно ни выглядела Констанс, это может быть опасным. Неизвестные нам болезни, животные, которые могут оказаться смертельно опасными с самой неожиданной для нас стороны, да что угодно. Можно послать одного из нас с десантной группой и поддерживать на корабле постоянную вахту – а напарники на Земле установят связь по телефону. Таким образом мы будем находиться в контакте с десантной группой, даже если у нее поломаются рации, или еще что-нибудь случится. Для нас это будет уйма дополнительной работы и ни малейшей славы. Однако, если таким образом будет спасена хотя бы одна жизнь, все это беспокойство будет оправдано.

Тут неожиданно вмешался Сэм.

– Дядя, а кто, ты думаешь, отправится с десантной группой?

– Я не знаю. Для нас это не было предусмотрено, мы не получаем дополнительную плату за повышенную опасность, так что я не чувствую себя вправе кому-либо приказывать, не думаю, чтобы Капитан меня одобрил, если бы я кого-либо сам послал. Но у меня была надежда, что найдется достаточное количество добровольцев, чтобы организовать попеременную вахту в десантной группе. – Он немного поморгал, вид у него был неуверенный. – Но никто не потребует, чтобы вы шли добровольцами. Пожалуй, лучше пусть все скажут мне свое решение с глазу на глаз.

Ждать ему не пришлось, все тут же вызвались добровольцами. Даже Мей-Лин, которая затем взбесилась и устроила большой крик, когда Дядя мягко сказал, что ей стоило бы получить сперва согласие мужа – которое она потом так и не получила; семейка Треверсов ожидала прибавления.

С Капитаном Дядя переговорил на следующее утро. У меня мелькало желание послоняться неподалеку и сразу узнать, чем это закончится, но было слишком много работы. К моему удивлению, получасом позднее громкоговоритель, висевший в лаборатории, вызвал меня к Капитану. Я помыл руки и поспешил в каюту Старика.

Вид у Капитана был суровый, у Дяди – мрачный. Я попытался связаться с Дядей на «частоте», на которой мы беседовали с Лапочкой, но тут он впервые проигнорировал меня. Капитан холодно посмотрел в мою сторону и произнес:

– Бартлет, мистер Мак Нейл предложил мне план, согласно которому сотрудники вашего отдела желают оказать помощь в наземных исследованиях. Скажу вам сразу и прямо, что я отверг этот план. Я принимаю ваше предложение с глубокой благодарностью, однако не более намерен подвергать в десантной группе риску людей вашей особой категории, чем переделывать двигатель корабля на стерилизацию тарелок. Все должно быть на своем месте. Он побарабанил пальцами по столу. – И все же у этого предложения есть свои положительные стороны. Я не имею права рисковать всем вашим отделом, однако, для повышения безопасности десантной группы, я могу рискнуть одним специальным связистом. И вот мне пришло в голову, что прямо здесь, на корабле, у нас есть готовая телепара, что избавляет от необходимости

связываться косвенно, через Землю. Вы и мистер Мак Нейл. Так что? Что вы можете сказать?

Я хотел было сразу крикнуть:

– Согласен! – но тут вдруг сообразил. Если после всех событий на высадку отправлюсь я, Сэм воспримет это крайне мрачно, да и остальные – тоже. Они могут подумать, что я все устроил сам.

– Ну так что же? Отвечайте!

Какого черта, чего бы они там ни подумали, от такой возможности не отказываются.

– Капитан, Вам хорошо известно, что уже некоторое время тому назад я вызывался добровольцем в десантную группу.

– Именно так. Хорошо. Я считаю, что ваше согласие получено. Только вы неправильно меня поняли. Вы не идете с десантом, это сделает мистер Мак Нейл. Вы останетесь на борту и будете поддерживать с ним контакт.

Я был столь ошарашен, что чуть не прослушал, что Капитан сказал дальше. Я беззвучно спросил Дядю:

– (Как же это, Дядя? Ты что, не понимаешь, все подумают, что это ты все подстроил.)

На этот раз он мне ответил, сильно расстроенным голосом.

– (Я знаю, знаю, сынок. Он меня застал врасплох.)

– (Ну и что же ты намерен делать?)

– (Не знаю. И так плохо, и так.)

Тут неожиданно вмешалась Лапочка.

– Эй, о чем это вы там шумите?

Дядя мягко ответил:

– Ты отойди на минутку, милая. Это мужской разговор.

– Ладно. – Больше она не вмешивалась. Возможно – слушала. А Капитан тем временем говорил:

– ...в любой ситуации, где можно послать одного из двоих людей, мы не станем рисковать жизнью младшего. Это стандартное правило, и оно в той же степени относится к Капитану Уркхардту и ко мне, в какой к любой другой паре. На первом месте всегда стоят интересы нашей миссии. Бартлет, ваш ожидаемый срок службы по крайней мере на сорок лет больше, чем у мистера Мак Нейла. Поэтому мы должны предпочесть именно его для исполнения обязанностей, связанных с риском. Ну что ж, джентльмены, подробные указания вы получите позднее.

– (Дядя, что ты теперь скажешь Сэму? Ты можешь соглашаться, я не буду.)

– Не толкай меня под локоть. – А вслух он сказал: – Нет, Капитан.

Капитан смотрел на него с изумлением.

– Какого черта, старый Вы негодяй! Вы что, так любите свою шкуру?

Дядя не стал отводить глаза.

– Другой у меня нет, Капитан. Но это не имеет отношения к делу. И, возможно, вы несколько поторопились, обзывая меня всякими словами.

– Э? – Капитан густо покраснел. – Простите меня, мистер Мак Нейл. Я беру назад свои слова. Но мне все равно кажется, что Вы должны были бы объяснить мне свое поведение.

– Это я и собираюсь сделать, сэр. Мы с вами оба немолоды. Я уж как-нибудь переживу и без того, чтобы ступить на эту планету. Вы, очевидно, тоже. Но для молодых все выглядит иначе. Вы прекрасно понимаете, что не потому мои ребята вызвались добровольцами в десантную группу, что они ангелы, или ученые, или филантропы. Нет, просто потому, что им не терпится выйти на поверхность этой планеты. Вы это прекрасно понимаете. Вы сами говорили мне это десять минут назад. Если вы не хотите себя обманывать, то понимаете и то, что

большинство этих детей ни в жизнь не записались бы в наш рейс, подозревай они, что их здесь запрут на замок и не позволят того, что они называют «приключениями». Не из-за денег они полетели, из-за дальних странствий. А теперь вы хотите лишить их того, что они вполне разумно ожидали.

Капитан помрачнел. Он несколько раз сжал и разжал кулак, потом сказал:

– Возможно, в том, что говорите Вы, и есть какой-то смысл. Но я должен сам принимать решение, эту обязанность я не могу переложить ни на кого. Мое решение остается неизменным. Вы идете, Бартлет остается.

Я сказал:

– (Скажи ему, что он не получит ни одного сообщения!)

Дядя не ответил.

– Боюсь, не получится, Капитан. На это дело должен идти доброволец. Я не вызываюсь добровольцем.

Капитан медленно сказал:

– Я не уверен, что необходимо личное согласие. Я наделен широкой властью определять обязанности каждого на борту этого корабля. Я пойму это так, что Вы отказываетесь от исполнения своих обязанностей.

– Не совсем так, Капитан. Я не говорил, что не подчинюсь приказу, я только сказал, что не вызываюсь добровольцем. Я бы попросил Вас отдать мне этот приказ в письменном виде, я напишу под ним «Подчиняюсь с возражениями» и попрошу, чтобы текст передали в фонд. Одним словом, я не вызываюсь добровольцем.

– Но... Какого черта? Вы же вызывались добровольцем вместе со всеми остальными. И сейчас Вы пришли ко мне по этому самому поводу. Вот я и выбрал Вас.

Дядя покачал головой.

– Не совсем так. Капитан. Мы вызвались группой. И как группа, получили отказ. Извините, ради Бога, если в результате создалось впечатление, что я вызываюсь добровольцем каким-либо иным образом. А теперь, если Вы мне позволите, я пойду к своим ребятам и скажу им, что Вы отказались от наших услуг.

Капитан снова покраснел. Затем он вдруг оглушительно расхохотался. Он вскочил со стула и обнял узкие плечи Дяди.

– Старый паршивец! Ты же и вправду старый паршивец, негодяй с черным сердцем старого пирата. Глядя на тебя, начинаешь тосковать по старым добрым временам, по хлебу и воде, плетке и виселице. А теперь давай сядем и договоримся по-хорошему. Бартлет, вы можете идти.

Я удалился, с большой неохотой, а потом постарался не попадаться на глаза остальным психам; отвечать на расспросы мне не хотелось. Но Дядя не забыл обо мне: сразу по выходе из капитанской каюты он окликнул меня и вкратце рассказал, чем все кончилось. Был достигнут компромисс. Он, я, Руп и Сэм будем меняться; первый выход, сочтенный наиболее опасным, отдавался ему. Девушки будут стоять вахту на корабле, Дасти, по причине своего возраста, – с ними. Но и им кинули косточку: как только медики и исследователи решат, что планета безопасна, им будет разрешаться выходить наружу по одному за раз.

– Для этого мне пришлось повыламывать ему руки, – признался Дядя, – но в конце концов он согласился.

Затем наступил антиклимакс. Опасностей на Конни оказалось не больше, чем в Канзасе. Прежде, чем хоть одному человеку было позволено выйти за пределы корабля без защитного скафандра, воздействие атмосферы было опробовано на крысах, канарейках и хомяках. Им понравилось. Когда на поверхность отправилась первая группа, все еще в скафандрах, но уже используя местный воздух, правда, очищенный электростатическими фильтрами, с ними

отправились еще двое подопытных животных – Бернард ван Хоутен и Персиваль Свинья. Ван так и оставался мрачным с того самого времени, как лишился брата; думаю, это Доктор Деверо посоветовал Капитану отпустить его погулять. Кто-то должен быть первым; можно делать сколько угодно анализов, но в конце концов наступает день, когда живой человек впервые незащищенной кожей соприкасается с чужой атмосферой, чтобы посмотреть, насколько она дружелюбна. Как говаривал доктор Бэбкок, в конце концов приходится лезть на дерево. Вот так Ван и отправился наружу в шортах, рубашке и кедах, видом своим напоминая вожатого скаутов. Персиваль Свинья не вызвался на это дело добровольцем, он просто думал, что это такая прогулка. Ему сделали загон в кустах и позволили есть любые на его взгляд съедобные продукты местного производства. В качестве подопытного животного свинья имеет много преимуществ: она, подобно крысам и человеку, ест все, у нее, насколько я понимаю, очень близкий к человеческому обмен веществ – даже многие болезни у нас общие. Хорошее состояние Персиваля почти наверняка обозначало бы, что и нам бояться нечего, особенно, если принять во внимание, что ему не сделали всех тех прививок, которые сделали нам. Ему даже не сделали укола сывороткой Дж. А. Р., обладавшей широким спектром и, предположительно, способной защитить даже от таких болезней, с которыми люди никогда не сталкивались.

Перси толстел на местных харчах и воде из ручья. Ван сперва обгорел на солнце, а затем покрылся хорошим загаром. Вид у обоих был здоровый, так что исследовательская группа снимала свои скафандры. Затем вдруг все (и даже Перси) слегли с трехдневной лихорадкой, сопровождавшейся легким поносом, но все выздоровели, и ни у кого болезнь не повторялась.

После этого стали устраивать ротацию членов исследовательской группы; все, кроме дяди Стива, Гарри и нескольких еще, отобранных ими, менялись местами с оставшимися на корабле. Половине второй группы была сделана прививка сывороткой, полученной из крови оправившихся от трехдневной лихорадки; почти никто из привитых не заболел. Возвращающихся не сразу пускали на корабль, сначала они проходили карантин на временной палубе, пристроенной на самом верху «Л.К.».

Не надо только делать из моих слов вывода, что Конни была совсем как городской парк – нарваться на неприятности можно где угодно, даже в Канзасе. Вот, например, тамошний здоровый хищный ящерицеобразный зверь, так он был совсем не подарок. Один из них прикончил Лефти Гомеса в тот раз, когда люди впервые встретились с этой тварью. Будь Лефти из тех, которые очень хотят жить вечно, зверюга добралась бы по крайней мере еще до двоих. Никак не подумал бы, что Лефти – герой; на корабле он был помощником кондитера и заведовал одной из кладовых, но дядя Стив говорит, что храбрость в критических условиях – самое рядовое для людей качество, и семеро из десяти могут заслужить медаль «За отвагу». Если попадут в подходящие обстоятельства.

Не знаю, может, и так. Наверное, я из тех троих. Не думаю, что я бы не убежал, а вместо этого стал тыкать в глаза твари единственным своим оружием – шомপুরом.

Но этот самый *Tyzanosaurus Ceti* не был настолько опасен, чтобы из-за него браковать планету. Ничего страшного, когда знаешь, что он есть и на что он похож. Гораздо опаснее была бы любая крупная кошка; кошки – хитрые, а эта тварь была глупой. Конечно, надо было выстрелить первым, но, получив разрывную пулю, он лежал тихо, на манер половика. Вообще-то, он был беззащитен против людей, и когда-нибудь люди его уничтожат.

Десантная группа расположилась лагерем так, чтобы был виден корабль на берегу очень красивого залива Бэбкока, в котором корабль и стоял на якоре. Ежедневно окрестности патрулировались двумя вертолетами; они всегда летали вместе, чтобы второй подобрал команду первого, если с ним что-нибудь случится. Их не отпускали дальше, чем на несколько сотен миль от базы. Пешие патрули не удалялись от базы дальше, чем на десять миль; мы не ставили себе

задачу покорения этой планеты, мы просто пытались выяснить, смогут ли люди покорить ее и затем удержать. Получалось, что смогут, по крайней мере что касается окрестностей залива Бэбкока. А обычно, если уж человек сумеет уцепиться, значит, сумеет и удержаться.

Моя очередь подошла только в четвертый выход, когда все страхи уже окончились, и начали выпускать даже женщин.

Удивительнее всего было давно забытое ощущение погоды. За два года в помещении с кондиционированным воздухом я совсем забыл, что это такое – ощущать на лице дождь, ветер и солнце. На борту «Л.К.» вахтенный техник менял по случайной программе температуру, влажность и содержание озона в воздухе; считалось, что это полезно для нашего обмена веществ. Только это было не погодой, а вроде того, когда целуешься с сестрой.

Первая капля дождя поразила меня. Я не понял, что это такое. А затем носился, как оглашенный, плясал под дождем, как ребенок, и ловил капли ртом. Это же дождь, настоящий дождь, это прекрасно.

Ночью я не спал. Мне не давали уснуть легкий ветер на лице, звуки, издаваемые во сне другими членами нашей команды, лежавшими неподалеку, отдаленные звуки жизни, доносившиеся из-за забора, окружавшего лагерь, неполная темнота. Корабль тоже живет, у него есть свои звуки, но они совсем не такие, как в природе; планета живет совсем по-другому.

Я тихо встал и на цыпочках вышел. Футках в пятидесяти от себя я увидел вахтенного охранника. Голова его склонилась над приборами и дисплеями, регистрировавшими состояние внутренней и внешней оград, а также экрана, прикрывавшего нас сверху; он меня не заметил. Говорить мне не хотелось, так что я зашел за дом, туда, откуда не было видно ни его, ни даже тусклого свечения приборов. Там я остановился и посмотрел вверх.

Впервые со времени старта я мог хорошенько рассмотреть небо; ночь была ясная. Я стоял, потрясенный, даже вроде чуть опьяневший от зрелища. Потом я начал выискивать знакомые созвездия. Это было довольно легко; по сравнению с расстоянием до большинства звезд одиннадцать световых лет – небольшая прогулка. Ковш Большой Медведицы был над головой. Хоть и несколько более разбитый, чем если смотреть с Земли, он легко узнавался. Орион сверкал передо мной над самым горизонтом, однако Процион сильно сместился, а Сириуса и совсем не было видно – он, наверное, ушел за горизонт, Сириус даже ближе к Земле, чем Тау Кита, и наш перелет сместил его на другой край небосвода. Я попытался разобраться в уме со сферической тригонометрией, чтобы вычислить, где надо искать Сириус, но голова у меня пошла кругом, и я бросил это занятие.

Потом я попробовал найти Солнце. Я знал, где оно должно быть, в Волопасе, между Арктуром и Девой, но сначала надо было найти Волопаса. Волопас был у меня за спиной, столь же близко к горизонту, как и Орион, но в противоположной стороне. Арктур малость сдвинулся и попортил форму Волопаса, однако сомнений не было.

Вот оно! Желтоватая звезда, цветом, как Капелла, но потускнее, примерно второй звездной величины. Все было как надо, и положение, и яркость; да и вообще это должно было быть Солнце; когда мы с Пэтом в школе зарабатывали свои почетные нашивки астронавигаторов, в этом месте не было такой яркой звезды.

Я смотрел на него в задумчивой меланхолии, скорее теплой, чем печальной. Что сейчас делает Пэт? Может, прогуливает ребенка. А может нет, я не мог вспомнить, какое сейчас время по Гринвичу. Вот он, тридцать, и двое детей, лучшая часть жизни уже позади. И вот я, по возрасту – едва кончал бы второй курс колледжа, если бы был сейчас на Земле.

Нет, совсем не так, мне было бы столько же, сколько и Пэту. Но мне же не тридцать.

Я чуть-чуть приободрился и решил, что, если разобраться, мой вариант все-таки оказался лучше, хотя поначалу так и не казалось. Я вздохнул и пошел немного погулять, не опасаясь

ничего, ведь ни одна из этих жутких тварей не может и близко подобраться к лагерю без того, чтобы на ее уши и глаза не обрушились грохот и вспышки. Если только у нее есть эти самые уши. Загородка, в которой пасся Перси, была здесь же, за ломом, совсем неподалеку; он услышал меня и подошел к забору, я тоже подошел поближе и почесал ему пяточок.

– Неплохое место, правда? – Я думал о том, что когда «Л.К.» вернется домой – а я больше не верил мрачным предсказаниям дяди Стива – когда я вернусь домой, мне будет еще двадцать с небольшим, самый подходящий возраст, чтобы эмигрировать. А Конни казалась таким местом, куда захочется вернуться. Перси ответил мне хрюканьем, которое я перевел следующим образом: «Ты что, не принес мне поесть? Ничего себе, обращение с другом». Мы с Перси были друзьями; на корабле я его кормил, заодно с его братьями, а также хомяками и крысами.

– Перси, ты свинья.

Он не стал с этим спорить, его сопящий нос обнюхивал мою пустую ладонь. Я думал о том, что одиннадцать световых лет – не слишком далеко; как раз подходящее расстояние. Звезды оставались теми же знакомыми.

В конце концов Перси все это надоело, мне тоже; я вытер ладонь о штаны и пошел спать.

Глава 13

Относительно безотносительности

После Беты Гидры: одно из двух – или мне довести эти записи до конца, или совсем их выкинуть. Теперь у меня почти нет времени писать, так много у нас работы и так мало людей. Эта штука, которую мы подцепили на Констанс – а может, просто наши припасы были плохо продезинфицированы – поставила нас в такое положение, когда с работой справиться трудно, особенно для группы телепатов. Все переговоры ведутся теперь через шестерки: Дядю, меня, Мей-Лин, Анну, Глорию и Сэма. Дасти остался в живых, но утратил контакт, видимо – навсегда. У его брата не было детей для создания вторичной пары, и они просто не сумели возобновить связь после очередного пика. Я связываюсь со своей внучатой племянницей Кэтлин и с Молли, ее матерью. Пэт и я все еще можем переговариваться, но только с их помощью; когда мы пробуем связаться без них, это похоже на разговор в металлообрабатывающем цехе. Понимаешь, что тебе что-то говорят, но чем больше напрягаешь уши, тем меньше слышишь. Сейчас, после очередного нашего перелета, Пэту уже пятьдесят четыре; общего у нас с ним почти ничего. С того времени, как умерла Моды, его вообще ничего не интересует, кроме бизнеса, а меня это как-то вовсе не волнует.

Один только Дядя не столкнулся с тем, что телепартнер становится чужим человеком. Селестине сейчас сорок два, они скорее сближаются, чем отдаляются. Я продолжаю называть ее «Лапочка», просто, чтобы послушать ее хмыканье. Трудно себе представить, что она вдвое старше меня, у нее должны быть завитушки и дырка между передних зубов. В общем и целом Чума стоила нам тридцати двух человек. Я выздоровел. Доктор Деверо не смог, также как Пруденс и Руп. Нам пришлось сомкнуть ряды и вести себя так, словно их с нами никогда и не было. У Мей-Лин умер ребенок, и какое-то время мы думали, что лишимся и ее самой, однако теперь она снова стоит вахты, делает все, что надо, и даже иногда смеется. Думаю, больше всего нам не хватает мамочки О'Тул.

Что еще произошло существенного? А что вообще может произойти на корабле? Ничего. Бета Гидра оказалась чистой неудачей. Не только ничего и отдаленно напоминающего планету земного типа; во всей системе не оказалось ни одного океана, я имею в виду океаны, состоящие из воды. Пришлось выбирать, что взять в качестве топлива, аммиак или метан. Главный механик долго и озабоченно обсуждал этот вопрос с Капитаном; выбор остановился на аммиаке. Вообще-то, теоретически, «Л.К.» может жечь все, что угодно; только дай его масс-конвертеру что-нибудь пожевать, и тут же начинает работать старый закон «Е равно эм це квадрат», из факела летит радиация со скоростью света, и нейтроны почти со скоростью света. Только вот если конвертеру было все равно, что перемалывать, вспомогательному оборудованию не все равно, оно рассчитано на жидкость, предпочтительно воду. У нас был выбор между тем, садиться ли в аммиак, уже жидкий от холода, или на дальнюю планету, покрытую по большей части льдом, но льдом с температурой, почти равной абсолютному нулю. Ну и инженеры, перекрестясь, посадили корабль в аммиачный океан и наполнили его топливные баки. Поначалу мы называли планету Ад, а потом напридумывали ей имен и похлеще. Мы просидели там четыре дня при двойном земном тяготении. Было холодно, очень холодно, хотя отопительная система работала на полную мощность.

В систему Беты Гидры возвращаться мне не очень хочется; если у кого-нибудь другой обмен веществ – пусть пользуется на здоровье, добро пожаловать. Одному только Гарри Гейтсу это место доставило удовольствие: планеты и здесь были выстроены согласно правилу Тициуса-

Боде. Да хоть бы и по системе дубль-ве, как футболисты на поле.

Кроме того, мне запомнилось, пожалуй, только одно событие – (и надо же) политические неурядицы. Как раз тогда, когда мы входили в последний пик скорости, разразилась война между Африко-Европейской Федерацией и Южно-Американскими Соединенными Штатами. Нас это вроде и не касалось; большинство так и считало, если у кого и были в этом конфликте определенные симпатии, их благоразумно хранили про себя. Но мистер Роч, наш Главный механик, родом из Федерации, а его первый помощник – из Буэнос-Айреса. И когда Буэнос-Айресу досталось, а в нем, возможно, и кое-кому из родственников мистера Регато, тот возложил персональную ответственность за это на своего босса. Глупость, конечно, но куда денешься? Потом Капитан строго-настрого приказал относить ему на просмотр все новости с Земли, которые мы собираемся печатать; одновременно он напомнил нам о некоторых ограничениях, налагаемых на связистов, в отношении секретности переговоров корабля. Думаю, у меня лично хватило бы мозгов показать Капитану то сообщение прежде, чем его напечатать, но кто ж может это точно знать. На «Л.К.» всегда была свобода печати.

Нас спасло только то, что мы вошли в пик сразу же после той заметки. А когда вышли из пика, на Земле прошло четырнадцать лет, и по новой расстановке сил Аргентина уже обнималась со своими бывшими врагами, а с остальной Южной Америкой была на ножах. В результате мистер Роч и Регато мирно, как и прежде, играли в шахматы, и можно было подумать, что Капитану не их пришлось сдерживать, чтобы они не вцепились друг другу в глотки. Все земные события кажутся мне немного нереальными, хотя мы и получали все время – конечно, когда не на пике – оттуда новости. Только привыкнешь к новой ситуации, а тут «Л.К.» входит в пик, на Земле проходят года, и все там уже по-другому. Раньше была Планетная Лига, а теперь это «Объединенная Система», и, говорят, новая конституция сделает войну невозможной. Но для меня это все равно Планетная Лига; и та конституция тоже, как считалось, делала войну невозможной. Интересно, что они там поменяли кроме названий?

Добрую половину новостей я просто не понимаю. Кэтлин сообщила, что их класс скинулся своими равнялками, чтобы купить школе Фарди в качестве подарка к окончанию. И что они теперь собираются Фарди по первому разу прошвырнуть, и ей надо бежать, так как она принимает участие в руководстве. Все это из нашего последнего разговора. Ну так пусть мне кто-нибудь объяснит, что такое эта (это? этот?) Фарди и почему нельзя было оставить ее (его?) в покое?

Новости научные я тоже не понимаю, но здесь я хотя бы знаю – почему, и знаю, что чаще всего кто-нибудь из находящихся на борту их понимает. Релятивисты до крайности возбуждены поступающей информацией. Информация эта настолько специальная, что всю ее приходится передавать назад, а в это время Жанет Меерс стоит у тебя над душой и пытается выхватить кассету из диктофона. Мистер О'Тул тоже возбужден, однако внешне это выражается только тем, что у него краснеет кончик носа. Доктор Бэбкок никогда не вызывает возбуждения, однако, после того, как я скопировал монографию под названием «Саммер относительно некоторых аспектов теории безотносительности», он два дня не появлялся в столовой. После этого я передал Ф.Д.П. другую монографию, написанную им самим. Она была столь же набита неудобоваримыми формулами, но у меня создалось впечатление, что доктор Бэбкок в вежливой форме обзывает профессора Саммера идиотом.

Жанет Меерс пыталась что-нибудь мне объяснить, но я не понял ничего, кроме того, что концепция одновременности совершенно меняет облик физики.

– До этого времени, – говорила она, – мы занимались относительными аспектами пространственно-временного континуума. Но то, что делаете вы, телепаты, не имеет никакого отношения к пространству-времени, безотносительно к нему. Без времени нет пространства, без

пространства не может быть времени. Без пространства-времени не может быть сохранения энергии-массы. Господи, да вообще ничего не может быть. Не удивительно, что некоторые из стариков от всего этого просто свихнулись. Но теперь понемногу становится понятным, каким образом можно вписать вас в физику – в новую физику, она совершенно меняется.

Мне и со старой-то физикой было не так просто; от одной мысли о том, что придется учить новую, начинала болеть голова.

– А какая от этого польза?

Жанет была просто шокирована.

– Физика совсем не должна иметь какую-либо пользу. Физика просто существует.

– Ну не знаю. Старая физика была полезной. Возьмем, например, этот факел, который двигает наш корабль.

– А, ты про это. Так это же не физика, это же просто техника. – У нее было такое выражение, словно я сказал нечто неприличное.

Жанет я никогда не понимал и не пойму; пожалуй, хорошо, что она сказала, что будет для меня «как сестра». По словам Жанет, ее совершенно не волнует, младше я ее, или нет, но она никогда не сможет смотреть снизу вверх на человека, неспособного решить в уме уравнение четвертой степени – «а ведь жена должна смотреть на своего мужа слегка вверх, не правда ли?» Теперь мы разгоняемся с 1,5 g. Таким образом, каждый разгон и торможение сокращаются примерно до четырех месяцев к-времени, несмотря даже на то, что расстояния стали больше. Во время разгона я вешу 220 фунтов и стал носить бандаж, но в пятидесяти процентах дополнительного веса нет ничего плохого; возможно, это даже хорошо для нас; тут, на корабле, слишком мало физических нагрузок.

Ф.Д.П. прекратил использование наркотиков для облегчения связи на пике скорости; это очень порадовало бы Доктора Деверо, ему наркотики очень не нравились. Теперь или твой телепартнер приспособливается к тебе при помощи гипноза и внушения, или уж не приспособливается, если не может. Кетлин сумела не потерять связь со мной во время последнего пика, однако я вижу, что флот теряет одну телепару за другой, особенно быстро теряют ее те, кто не получили дополнительных телепартнеров. Не знаю, что было бы с моей связью без Кэтлин. Ничего хорошего.

А пока что на «Нинье» и «Генри Гудзоне» осталось всего по две команды; на остальных четырех кораблях, находящихся в контакте с Землей, не многим лучше. Мы, пожалуй, находимся в самой лучшей форме, хотя корабельных новостей мы получаем теперь мало, так как мисс Гамма потеряла контакт со своими сестрами, а, может, и их самих. «Санта Мария» числится «погибшей», но «Марко Поло» пока считается просто «утратившим контакт»; при последней связи он как раз подходил к пику и до выхода из него остается еще несколько земных лет.

Сейчас мы направляемся к небольшой звезде С-типа, которая при взгляде с Земли настолько слабо видна, что не заслужила себе не только имени, но даже и греческой буквы в своем созвездии, у нее есть только каталожный номер. Если смотреть с Земли, она расположена в Фениксе, между Драконом и Китом. Дядя дал ей имя «Полустанок», так мы ее и называли, невозможно ведь рыться в паломарском каталоге каждый раз, когда хочешь сказать, куда мы теперь направляемся. Без сомнения, если у нее окажется планета, хоть в половину такая же роскошная, как Конни, звезда эта получит достаточно солидное имя. К слову, несмотря на подхваченную нами болезнь, Конни будет колонизована; первые корабли с поселенцами уже в пути. Какая бы это ни была зараза (к тому же не исключено, что мы прихватили ее с собой, с Земли), она не хуже, чем полдюжины других, с которыми люди боролись и победили. Во всяком случае, такова официальная точка зрения, и корабли первопоселенцев отправились, зная, что

они, возможно, заразятся и должны будут победить эту болезнь.

Лично я считаю, что все способы умереть одинаково опасны. Если уж ты умер – ты умер, даже если ты умер от «ничего серьезного». А Чума эта, как бы ужасна она ни была, меня не убила.

«Полустанок» не стоил того, чтобы на нем останавливаться. Теперь мы направляемся к Бете Кита, в шестидесяти трех световых годах от Земли. Жаль, что Дасти потерял контакт и не может больше передавать изображения; я хотел бы посмотреть на свою правнучатую племянницу Вики. Так-то я знаю, как она выглядит – морковно-рыжие волосы, веснушки на носу, зеленые глаза, большой рот и шинки для выправления зубов. В настоящее время она щеголяет с подбитым глазом: глаз ей подбили в школе; кто-то вызвал Викино неудовольствие, назвав ее психом – жаль, что я не видел этой драки. Конечно, я знаю, на что она похожа, но все равно хотелось бы посмотреть. Интересно, что в нашей семье сплошные девицы. Конечно, если посчитать всех потомков моих сестер, и брата вместе, будет примерно поровну того и другого пола. Но у Моды с Пэтом было две дочки, и ни одного сына, а я улетел не женившись, так что фамилия Бартлетов исчезла.

Очень хотелось бы иметь снимок Вики. Я знаю, что она далеко не красавица, но уверен, что она хорошенькая, такая мальчишеская, из тех, которые всегда ходят с ободранными коленками, не умея играть в приличные для девочек игры. Вики обычно остается на связи после того, как закончена передача сообщений, и мы с ней болтаем. Возможно, это из вежливости, она ведь, очевидно, считает меня таким же старым, как ее прадедушка Бартлет, хотя мать и говорила ей, что я не такой. Это зависит от того, где ты находишься. С моей точки зрения я бы сейчас только кончал последний курс колледжа, но она-то знает, что я – близнец Пэта.

Если ей так уж хочется нацепить на меня длинную седую бороду, пускай, ради общения с ней я согласен. Сегодня она очень торопилась, но делала это вежливо.

– Дядя Том, ты прости меня, пожалуйста, мне надо готовиться к контрольной по алгебре.

– (Самое честное?)

– Самое честное, ей-Богу. Я бы хотела остаться.

– (Ну беги, конопатая. Передай привет своим.)

– Пока. Позвоню тебе завтра пораньше.

Хорошая девочка.

Бета Кита – большая звезда из главной спектральной последовательности, такая большая, что может считаться гигантом – маленький гигант, в тридцать семь раз ярче Солнца. Она настолько яркая, что видна с Земли. У нее есть даже собственное имя, «Денеб Каитос», но мы никогда так ее не называли, слово «Денеб» напоминает о другом Денебе, Альфе Лебеда, настоящем гиганте из совсем другой части неба, находящемся на расстоянии почти в тысячу шестьсот световых лет.

Бета Кита настолько ярче Солнца, что нужная нам планета, если такая вообще имеется, должна быть на расстоянии порядка шестисот миллионов миль от нее, дальше, чем Юпитер от Солнца.

Мы нашли планету в этом районе, в пятистах восьмидесяти миллионах миль, что довольно близко. И совсем удачно то, что это – самая маленькая планета в системе, изобилующей переростками; следующая по порядку от центра уже больше Юпитера.

Программу рутинного внешнего обследования Элизии составлял я, под рассеянным руководством Гарри Гейтса. Гарри из всех сил старается закончить свой главный труд, прежде чем придется отложить его в сторону и возглавить прямое исследование планеты. Он хочет передать эту работу на Землю, чтобы имя его навсегда сохранилось в ряду великих ученых – Гарри, конечно, не говорил такого, он достаточно скромен, он просто считает, что разработал космогонию планетных систем, приводящую к правилу Тициуса-Боде. По его словам, если все это верно, у любой звезды из главной спектральной последовательности должны быть планеты.

Может, и так, не знаю. Только я не понимаю, какой толк от звезды, у которой нет планет, и не верю, что вся эта безумно сложная вселенная возникла случайно. Планеты существуют для того, чтобы их использовали. Быть Пятницей при Гарри совсем не трудно. Вся моя работа заключалась в том, что я вытащил микрофильмы отчетов о предварительном исследовании Конни и написал аналогичную программу для Элизии; учтя только то, что у нас поубавилось персонала. Помогали все с большой охотой, мы ведь (насколько нам известно) единственный корабль, дважды вытащивший счастливый номер, и один из четырех, вообще его вытащивших.

А теперь мы сели на воду и ждем, пока медицина разрешит выход наружу: у меня уже не такая запарка. Сегодня вечером попытался связаться с Вики и просто поболтать. Только там, дома, был тоже вечер, и у Вики было свидание, так что она вежливо отказалась.

За последний наш пик Вики повзрослела, теперь она уже интересуется мальчиками и не имеет так много времени для старенького дяди.

– (Это что, Джордж?) – спросил я, когда она захотела узнать, по делу ли я связываюсь.

– Если уж Вам хочется знать, это действительно Джордж! – выпалила она.

– (Не заводись так, конопатая), – ответил я, – (я же просто спросил.)

– А я просто ответила.

– (Конечно, конечно. Приятно провести время и не задерживайся слишком поздно.)

– Ты точь-в-точь, как отец.

Так оно, наверное, и было. Дело в том, что мне тот Джордж совсем не нравится, хотя я его никогда не видел, никогда не увижу и вообще не знаю о нем почти ничего. Вики кое-что рассказывала о Джордже, только понимал бы я, что значат все ее сленговые словечки, ну совсем, как иностранный язык! Не ручаюсь за точность, но для себя я перевел ее рассказы так: он нравится ей, хотя и с некоторыми оговорками, и она надеется, что он дойдет до кондиции, или

«будет тип-топ», когда она толком приложит к нему руки. Сильно подозреваю, что это прыщавый невежественный малолетний зануда, тот тип, к которому принадлежал и я сам, и который мне никогда не нравился – что-то вроде теперешнего Дасти Родса, только без потрясающего мозга, которым обладает Дасти.

Тут может создаться впечатление, что я ревную девочку, которую никогда не видел, к мальчику, которого никогда и не увижу, но это же просто смешно. Моя заинтересованность в ней чисто отеческая, или старше – братская, хотя я ей практически и не родственник вообще; мои родители были двоими из ее шестнадцати пра-пра-дедушек и бабушек – родство столь отдаленное, что большинство людей даже и не знает о существовании своих родственников такой степени родства.

А может, в диких теориях Вана и вправду что-то есть, и все мы становимся свихнутыми стариками, несмотря на свои молодые тела. Но это же ерунда. Хотя на Земле и прошло семьдесят лет, для меня со времени старта прошло только четыре года. Мое настоящее время отмеряется голодом и сном. На «Л.К.» я спал около тысячи четырехсот раз и ел по три раза – ну, может, еще раз-другой перехватывал что-нибудь – на сон грядущий. А это – четыре года, а не семьдесят.

Нет, я просто разочарован, что у меня первый свободный вечер за несколько недель, а мне нечем его занять, кроме как писать этот дневник. К слову сказать, насчет сна. Мне и вправду лучше бы лечь; первая группа выходит на поверхность завтра, если только врачи что-нибудь не придумают, и у меня будет уйма хлопот. Я не пойду с этой группой, но всяких дел в связи с их выходом будет достаточно.

Вот уж влипли, так влипли. Не знаю, что нам теперь и делать. Лучше начать сначала. По всем статьям предварительного обследования Элизия дала отличные результаты – пригодная для дыхания атмосфера, климат в пределах земного и, видимо, более мягкий жизненный цикл, построенный на кислороде и углекислом газе, никаких необычных опасностей. И, конечно же, ни малейших признаков разумной жизни, иначе мы не стали бы садиться. Это – мир еще более водяной, чем Земля, океанами покрыто свыше 90% поверхности планеты. Сначала были даже разговоры насчет того, чтобы назвать планету «Аквария», но кто-то подумал, что нет смысла давать ей название, которое может показаться непривлекательным для колонистов; в то же время здесь, похоже, не меньше земли, пригодной для использования, чем на Земле. Так что мы пристроились к одному острову размером почти с Мадагаскар – по местным масштабам это почти континент – с намерением подробно изучить его целиком и доложить о возможности организации здесь колонии, как только Ф.Д.П. сможет прислать корабль. Мы знали, что Конни уже осваивается, и хотели, чтобы то же самое можно было сделать и с новой планетой. Я похлопал Перси и попросил его оценить, как там, на острове, а если он найдет там себе даму – сообщить мне об этом. Дядя Лукас установил на берегу охрану; научная группа отправилась в тот же день. Было ясно, что Элизия представит не больше трудностей, чем Конни, и окажется почти столь же великолепной находкой – если не принимать во внимание небольшую, но всегда оставшуюся вероятность какой-либо экзотической заразы, с которой мы не сможем справиться.

Так было две недели тому назад. Начиналось все совершенно обычно. Перси и прочие подопытные животные процветали на элизианских харчах; Ван не сумел подхватить какой-либо серьезной болезни, только стал немного чесаться. Потом он начал испытывать элизианскую пищу и на себе – были там такие неуклюжие четырехкрылые птицы, очень хорошие для супа. Ван сказал, что они напоминают ему жареную индейку, чуть с привкусом тыквы. Однако Перси Свинья не стал притрагиваться к некоторым из пойманных в океане рыб, а крысы, евшие этих рыб, сдохли. Так что всякую морскую пищу отложили до дальнейшего исследования. Рыбки эти

не походят на наших, они плоские не в ту сторону, как камбала, и у них усики, немного вроде соминых, с изгибающимися, а не твердыми кончиками. Гарри Гайтс считал, что это – органы осязания, а может – даже и манипулятивные.

На острове не было ничего похожего на здоровых плотоядных ящериц, одна из которых прикончила Лефти Гомеса. Однако, нельзя было сказать, чего можно ожидать на других островах; массивы – суши так удалены друг от друга, что картина эволюции в разных архипелагах могла быть совершенно различной. В нашем донесении должна была присутствовать рекомендация колонизовать сперва остров Деверо, а затем уже осторожно обследовать остальные.

Я собирался выйти на поверхность в третьей смене, Дядя работал первую неделю, потом неделю отдыхал, а теперь должен был стоять вахту на корабле, а я связывался бы с ним снаружи. Но в последнюю секунду я поменялся, Анна очень стремилась выйти. Меняться мне не хотелось, но так как со времени смерти Рупа я вел расписание вахт, отказаться было как-то неловко. В эту же третью смену выходил муж Глории, а с ним и она сама, но это не считалось, так как ее телепартнер там, на Земле, был в отпуске.

Когда они покидали корабль, я мрачно наблюдал происходящее с верхушки «Л.К.». Здесь, на выходе из шлюза, была пристроена временная палуба, отличное место, чтобы посмотреть, как у грузовых люков загружаются лодки. Техники покончили с осмотром и ремонтом двигателей, а также почти заполнили топливные баки; в результате чего «Л.К.» глубоко сидел в воде, и грузовые люки были всего футах в десяти над ватерлинией. Поэтому грузиться было удобно. При высадке первой группы баки были пусты, лодки приходилось опускать почти на сто футов, а пассажиры спускались с этой высоты по веревочным лестницам – не очень легкая задача для людей, страдающих боязнью высоты, а такие у нас имелись. Но сегодня все было просто.

Шлюз у нас маленький и годится только для выхода людей; все, что крупнее, должно проходить через грузовые люки. Их тоже можно превратить в шлюзы, на Аде в системе Беты Гидры мы так и сделали, однако, если атмосфера хорошая, эти люки используются просто как двери. Они расположены на грузовой палубе, под палубой, на которой у нас столовая, и над палубой вспомогательных механизмов. На грузовой палубе находились три наши лодки и два вертолета. Лодки легко опускались на воду прямо с палубы, но с вертолетами все значительно сложнее. Сперва их надо выставить наружу на тех же балках, с которых опускались лодки. Затем к ним прицепляли тросы и их тянули вверх, вдоль кривой поверхности корабля, на временную палубу, где на них уже и ставились винты.

Каждый раз, когда мы всем этим занимались, мистер Регато ругал конструкторов последними словами, а саму эту конструкцию называл не иначе, как «механический бред». Каждый конструктор, какого я встречал в своей жизни, прямо счастлив, если у него получается красивая картинка. Ему и в голову не приходит остановиться и подумать, что потом некоему несчастному идиоту придется этой картинкой пользоваться.

Вполне возможно, таким образом хотели организовать выгрузку вертолетов с помощью минимального количества специального оборудования, которое может выйти из строя. Это обстоятельство, как я понимаю, все время имело в виду при переделке кораблей для нужд нашего проекта. И вообще, в этот день оба вертолета были выгружены и готовы к полетам; один из них находился в лагере, а другой был привязан неподалеку от меня на временной палубе. Всего-то и надо было – загрузить лодки.

Лодками этими были вельботы, изготовленные из стекла и тефлона, непотопляемые из-за пористого пластика, заполнявшего все их закоулки. Они такие крепкие, что вмятину в них еще можно сделать, если очень уж постараться, но пробойну – никак, разве что сверлом или высокотемпературной горелкой. К тому же они совсем легкие – пустую лодку нетрудно поднять

вчетвером. На такой нестрашно выкинуться на скалистый берег; потом, после разгрузки ее можно оттащить повыше. Лодки снабжены спиртовыми двигателями, как и вертолеты; однако на них есть также и весла и парус. Мы ни разу не использовали весла, хотя обучались на тренажерах под бдительным присмотром дяди Стива.

Предыдущим вечером лодки вернулись на корабль с грузом образцов для исследовательского отдела; теперь они отправлялись на берег с новой сменой на борту. Со своей верхотуры я хорошо видел в полумиле от себя людей, собиравшихся вернуться на корабль; они столпились на берегу, ожидая, когда их заберут. Две лодки были уже на воде и ожидали третью на каждой из них отправлялось около восемнадцати человек и несколько тюков всякого имущества, реквизированного Гарри Гейтсом для научной работы на берегу; кроме того, лодки захватили недельные припасы всей десантной группы. Я почувствовал движение у себя за спиной, повернулся и увидел, что Старик поднимается на палубу через шлюз.

– Доброе утро, Капитан.

– Доброе утро, Бартлет. – Он окинул взглядом горизонт. – Прекрасный день.

– Да, сэр... И прекрасное место.

– Это уж точно. – Он поглядел в направлении берега. – Обязательно найду какой-нибудь предлог для того, чтобы выйти здесь на поверхность. Я слишком засиделся в этой металлической коробке.

– Не вижу, почему бы и нет, сэр. Эта планета приветлива, как щенок. Не то, что Ад.

– Совсем не то, что Ад. – Он отвернулся в сторону, и я тоже; неприлично стараться поддерживать разговор с Капитаном, если сам он не выказывает к этому охоты. Третью лодку наконец загрузили и спустили на воду; все они были ярдах в пятидесяти от корабля и выстраивались в колонну, чтобы вместе идти к берегу. Я помахал Глории и Анне.

Рядом с каждой из лодок из воды появилось нечто вроде длинной, мокрой веревки толщиной с мою талию, веревки перехлестнули лодки посередине, концы их окунулись в воду на другой стороне. Я заорал:

– Эй, Капитан! Смотрите!

Он резко повернулся. Лодки накренились и ушли под воду – их утащило под воду. Я услышал чей-то крик, вода кишела барахтающимися людьми. Капитан, схватившись за ограждение палубы, смотрел на этот ужас. Он произнес ровным голосом:

– Ты можешь запустить вертушку?

– Думаю да, Капитан. – Я не был пилотом вертолета, однако знал, как он действует.

– Ну так запускай. – Он далеко перегнулся и прокричал:

– Закройте люк! – А потом повернулся и нырнул в отверстие шлюза. Прежде чем повернуться и вскарабкаться в вертолет, краем глаза я успел заметить, что заставило его закричать. Еще одна из этих мокрых веревок ползла по обшивке «Л.К.» в направлении грузового люка.

Запустить вертолет оказалось сложнее, чем мне это представлялось, однако над приборной панелью была инструкция. Я кое-как дошел до «четвертая операция: запуск винта», но тут меня откинул в сторону Эйс Венцель, двигательщик, бывший по совместительству пилотом. Эйс сделал что-то обеими руками одновременно, лопасти пришли в движение, тени их пробежали по нашим лицам; он закричал:

– Отвяжи!

Я был вышвырнут из двери вертолета на палубу, по лесенке торопливо карабкался Главный врач. Я свалился с высоты в четыре фута, и в тот же момент сверху на меня обрушился поток воздуха. Поднявшись на ноги, я огляделся.

На поверхности воды ничего не было, абсолютно ничего. Ни одного тела, ни одного

человека, пытающегося спастись, ни малейшего следа самих лодок. Не плавало даже ничего из груза, хотя некоторые из свертков должны были плавать. Я это знал, я сам упаковывал некоторые из них.

Рядом со мной стояла Жанет, ее трясло от всхлипываний. Я тупо спросил:

– Что это было?

Она попыталась взять себя в руки и ответила дрожащим голосом:

– Не знаю. Я видела, как один из них утащил Отто. Это просто... это просто... –

Разрыдавшись снова, Жанет отвернулась.

На воде не было ничего, но теперь я рассмотрел, что в воде, точнее, под водой, что-то есть. Если поверхность воды достаточно спокойна, сверху можно заглянуть вглубь. Так вот корабль правильным строем окружали какие-то штуки. Они походили на китов, точнее, на то, как я себе представляю китов в воде. Я в жизни не видел кита.

До моих затуманенных мозгов как раз начало доходить, что я смотрю на те самые существа, которые уничтожили наши лодки, когда кто-то громко закричал и указал на берег. На берегу люди, собиравшиеся вернуться на корабль, все еще находились у кромки воды, но уже не одни – они были окружены. Какие-то существа вышли из воды по обе стороны от них и отрезали их от острова. До берега было далеко, видно плохо, но морских тварей я различал отчетливо, они гораздо крупнее людей. Ног у них, насколько я мог понять, нет, но это не замедляло их движений – они были быстрыми, очень быстрыми. Наших людей, как стадо, гнали к воде. И мы не могли ничего поделать, абсолютно ничего. Под нами был корабль, вершина многовекового технического прогресса; факел его двигателя может в мгновение ока испепелить город. На берегу у охранников было оружие, с которым один человек смог бы противостоять целой армии прошлого, где-то на корабле была еще уйма подобного оружия. Но в этот момент я даже не представлял, где находится наш арсенал, вроде где-то на вспомогательной палубе – можно ведь прожить очень долго на корабле и так и не ознакомиться со всеми его отсеками.

Наверное, мне надо было уже побежать до вспомогательной палубы и отыскать оружие. Но я тупо стоял там, наверху, вместе с дюжиной других. Мы просто окаменели и смотрели на происходящее.

Однако, у кого-то была реакция получше. Два человека выскочили из шлюза; они бросили на палубу две крупнокалиберные винтовки, начали лихорадочно готовить их к стрельбе и вскрывать коробки с боеприпасами. Могли бы и не торопиться; к тому времени, когда они изготовились прицелиться во врага, берег был столь же пустынен, как и поверхность моря. Наших товарищей затолкали и утащили под воду. Над этим местом парил вертолет, с него свисала спасательная лестница, но на ней никого не было.

Вертолет сделал круг над островом, пролетел над лагерем десантной группы и вернулся на корабль.

Пока он опускался, из шлюза торопливо вылез Чет Треверс. Он оглянулся по сторонам, увидел меня и спросил:

– Том, а где Капитан?

– На вертушке.

– А. – Он нахмурился.

– Слушай, передай ему это. Срочно. Мне надо вернуться. – Он сунул мне в руки листок бумаги и исчез. Я бросил взгляд на бумажку, увидел банк радиogramмы, увидел, от кого она и, как только Капитан сошел с вертолета, схватил его за локоть. Он стряхнул мою руку:

– С дороги.

– Капитан, Вы просто должны – это сообщение с острова, от майора Лукаса. Тогда он остановился, взял у меня радиogramму и начал искать очки, которые торчали у него из кармана.

Потом, прежде чем я успел помочь ему с очками, сунул бланк назад в мою руку и сказал:

– Прочитай мне вслух, сынок.

Я прочитал:

– От: Командира охраны корабля.

– На имя: Командира корабля «Льюис и Кларк» – девять тридцать одна – в девять ноль пять исследовательский лагерь был атакован враждебными туземцами, по-видимому, амфибиями. После первоначальных тяжелых потерь атака была отбита, и я с семьей оставшимися в живых отступил на вершину холма к северу от лагеря. Мы были вынуждены бросить исследовательский вертолет номер два. В момент атаки группа, направлявшаяся на корабль, ожидала на берегу, мы отрезаны от них, их положение неизвестно, но, по-видимому, является отчаянным.

– Обсуждение ситуации: атака была хорошо организованной и вооруженной. Главным оружием аборигенов является струя морской воды под очень высоким давлением, однако они используют также личное колющее и режущее оружие. Очевидно, они столь же разумны, как и мы, столь же дисциплинированы и, принимая во внимание условия, возможно, столь же хорошо вооружены. В настоящий момент численное превосходство дает им преимущество, даже учитывая отсутствие у них более совершенного оружия.

– Рекомендации: Остатки моего отряда могут держаться на занятой позиции против того оружия, которым до настоящего момента располагали аборигены. Поэтому настоятельно рекомендуется, чтобы срочные меры были ограничены спасением команды на берегу. Затем корабль должен быть выведен на орбиту, После этого надо разработать план и изготовить подходящее оружие с целью того, чтобы снять мой отряд, не подвергая риску корабль.

С. Лукас, комендант лагеря, девять тридцать шесть.

Капитан взял у меня радиogramму и, не произнеся ни слова, повернулся к шлюзу. Молчали и все скопившиеся на верхней палубе, а было нас человек двадцать. Я немного задержался, но, увидев, что остальные спускаются внутрь, протолкался вперед и пошел вслед за Капитаном.

Он спустился двумя палубами ниже и пошел с центр связи. Я не пошел за Капитаном, но он оставил дверь открытой. Находившийся там Чет Треверс склонился над оборудованием, которое использовалось для связи с лагерем; командор Фрик с озабоченным выражением лица стоял у него за спиной. Капитан сказал:

– Дайте мне майора Лукаса.

Командор Фрик поднял глаза:

– Мы пытаемся. Капитан. Связь прервалась в те время, как они диктовали список погибших.

Капитан пожевал губу, вид у него был потерянный. Затем он сказал: – Продолжайте попытки, – и повернулся. И увидел меня.

– Бартлет!

– Да, сэр!

– Там находится один из ваших. Свяжитесь с ним.

Я лихорадочно соображал, какое сейчас время по Гринвичу, одновременно вызывая Вики. Вики дома, она может по прямой линии связаться с Ф.Д.П., они свяжут ее с телепартнером Сэма Рохаса, а значит – и с самим Сэмом. Тогда Капитан сможет говорить с дядей Стивом по цепочке из четырех звеньев почти столь же быстро, как по радио.

– (Вики! Отвечай, Вики! Это срочно!)

– Да, дядя Том? В чем дело? Я уже сплю.

Командор Фрик сказал:

– Не думаю, что это получится, Капитан. Рохаса нет в списке уцелевших. Его смена

кончалась и он, наверное, был на берегу.

Да конечно же! Сэм был на берегу – я же видел, как его загоняли в воду.

– В чем дело, дядя Том?

– (Ты подожди немного, просто не отключайся и жди.)

– Тогда кого-нибудь другого, – почти крикнул Капитан.

– Никого другого нет, Капитан, – ответил Фрик. – Вот список уцелевших. Рохас был единственным пси... – единственным специальным связистом на острове.

Капитан бросил взгляд на список и сказал:

– Объявите, чтобы все, свободные от вахты, сию же минуту собрались в столовой. – Он повернулся и пошел прямо сквозь меня. Я отскочил в сторону.

– В чем дело, дядя Том? У тебя встревоженный голос.

Я попытался взять себя в руки и говорить спокойно.

– (Да тут просто ошибка. Не бери в голову и поскорее засыпай. Прости, пожалуйста.)

– Хорошо. Но все-таки у тебя какой-то обеспокоенный голос.

Я побежал следом за Капитаном. Мы бежали по трапу вниз, а тем временем по корабельной системе оповещения разносился голос командора Фрика, объявлявшего приказ Капитана, и все же сам Фрик появился в столовой всего на какие-то одну-две секунды позже меня. Мы все собрались здесь за какие-то секунды, все, маленькая горсточка тех, кто улетал с Земли – человек сорок. Капитан огляделся по сторонам, спросил Каза Уорнера:

– Это все?

– Думаю, что так, Капитан, если не считать вахтенных техников.

– Я оставил Треверса на вахте, – добавил Фрик.

– Хорошо. – Капитан повернулся и посмотрел на нас. – В ближайшее время мы отправимся спасать уцелевших из десантного отряда. Добровольцы, шаг вперед. Мы не шагнули, мы бросились вперед, все разом. Мне бы хотелось сказать, что я лично, из-за дяди Стива, был на какую-то долю секунды впереди других, но не хочу врать. Миссис Гейтс с маленьким Гарри на руках бросилась вперед так же быстро, как и я.

– Благодарю вас, – немного чопорно сказал Капитан. – А теперь женщины отойдите, пожалуйста, сюда, к кладовой, чтобы я мог отобрать тех мужчин, которые пойдут в спасательной группе.

– Капитан?

– Да, Капитан Уркхардт?

– Я поведу группу.

– Вы не сделаете ничего подобного, сэр. Поведу я. А вы сейчас возьмете нескольких женщин, спуститесь вниз и принесете оттуда все, что нам будет необходимо.

– Есть, сэр. – Едва заметно помедлив, ответил Уркхардт.

– Это правило – наше основное правило во всем, что касается риска относится и ко всем остальным. В каждом случае, когда имеются двое, способных выполнять одну и ту же работу, идет старший. В остальных случаях, если без работы, выполняемой членом команды, можно обойтись – он идет, если нельзя – остается.

Он огляделся:

– Доктор Бэбкок!

– Готов, шкипер!

Тут вмешался мистер О'Тул:

– Секунду, Капитан. Я вдовец, а доктор Бэбкок значительно более...

– Молчать!

– Но...

– Какого черта, сэр, я что – должен обсуждать свои приказы с каждым из вас по очереди? Неужели вам нужно напоминать, что сейчас дорога каждая секунда? Идите туда, к женщинам.

Разъяренный, с побагровевшим лицом О'Тул подчинился.

– Мистер Уорнер, мистер Роч, доктор Северин... – продолжал Капитан. Он быстро отобрал команду и взмахом руки отправил нас, остальных, к кладовой. Дядюшка Альфред Мак Нейл попытался расправить свои сутулые плечи.

– Вы забыли про меня. Капитан. Я самый старший в нашем лагере.

Лицо Капитана едва заметно смягчилось.

– Нет, мистер Мак Нейл, я не забыл про Вас, – негромко сказал он, – но вместимость вертолета ограничена, а нам нужно еще подобрать семерых. Поэтому я вынужден оставить Вас на корабле.

Плечи дядюшки Альфа согнулись, я думал, он сейчас заплачет. Нетвердой походкой он отошел от маленькой группы, отобранной Капитаном. Дасти Родс поймал мой взгляд: вид у его был гордый и уверенный. Он был одним из избранных. Выглядел Дасти не старше шестнадцати и, скорее всего, ни разу еще не брился; это, вероятно, был первый случай в его жизни, когда к нему отнеслись как к настоящему мужчине.

Несмотря на то, как резко Капитан заставлял смолкнуть всех, пытавшихся ему возразить, я не мог оставить этого так. Сделав шаг вперед, я тронул его за рукав. – Капитан... Меня Вы просто должны взять! Там мой дядя.

Казалось, Капитан сейчас взорвется, но он взял себя в руки.

– Я Вас понимаю. Но Вы – специальный связист, а у нас их и так нехватка. Я передам майору Лукасу, что Вы пытались пойти с нашей группой.

– Но...

– А теперь заткнись и делай, как тебе ведено, или ты у меня улетишь сейчас вон в тот угол. – Он отвернулся, словно меня здесь вообще не было. Через пять минут раздали оружие, и мы полезли вверх смотреть, как они улетают. Эйс Вендель запустил двигатель вертолета на холостых оборотах и прыгнул на палубу. Они поднялись по лесенке, все восемь человек, Капитан последним. У Дасти в руках была крупнокалиберная винтовка и по патронтажу через каждое плечо, на лице его играла возбужденная улыбка. Он подмигнул мне и сказал:

– Обещаю тебе писать.

Капитан остановился и сказал:

– Капитан Уркхардт.

– Да, сэр.

Капитан и запасной капитан секунду о чем-то поговорили; мне их не было слышно, да наверное нам и не полагалось слышать этот разговор. Затем Уркхардт громко сказал:

– Есть, сэр. Будет сделано.

– Очень хорошо, сэр. – Капитан вошел в вертолет, захлопнул за собой дверцу и сам взялся за ручки управления. Поток воздуха от винта ударил в нас, и я с трудом удержался на ногах. А потом мы стали ждать.

Я бегал с временной палубы в центр связи и обратно. Чет Треверс так и не смог связаться с дядей Стивом, но все время находился в контакте с вертолетом. Поднимаясь вверх, я каждый раз высматривал морских тварей, но они, похоже, удалились.

Когда я очередной раз спустился, Чет был полон восторга.

– Они их забрали! – объявил он. – Они уже взлетели. – Я хотел его расспросить, но Чет повернулся и объявлял радостную новость всему кораблю. Я побежал вверх, чтобы попробовать рассмотреть вертолет. И увидел его сразу, около вершины холма, в полутора милях от нас. Он быстро приближался. Скоро можно было даже рассмотреть людей, сидевших внутри.

Когда машина подлетела совсем близко, кто-то из сидевших в ней открыл иллюминатор с нашей стороны.

Капитан не очень умел управляться с вертолетом. Он попробовал сесть сразу, но ошибся в оценке ветра, пришлось пролететь мимо и сделать новый заход. При этом вертолет пролетел так близко к кораблю, что всех, сидевших в нем, было ясно видно. Я увидел дядю Стива, он тоже увидел меня и помахал рукой; он ничего не крикнул, просто помахал мне. Рядом с ним сидел Дасти Родс, он тоже увидал меня. Ухмыльнувшись, он махнул мне рукой и закричал:

– Эй, Том, я спас твоего дружка! – Он что-то вытащил из-за своей спины и вдруг в иллюминаторе показалась голова и передние лапы Перси. Дасти одной рукой держал поросенка, другой указывал на него. Оба улыбались.

– Спасибо! – прокричал я в ответ. – Привет, Перси!

В нескольких сотнях футов от корабля вертолет развернулся и полетел назад. Он направлялся прямо к нам и сел бы через какие-то секунды, но тут прямо под ним что-то выступило из воды. Потом говорили, что это был какой-то механизм, но мне предмет казался похожим на чудовищный слоновый хобот. Из конца этого хобота вырвалась струя воды, такая сплошная, твердая и блестящая, словно сделанная из стали. Она ударила в винт вертолета, и тот покачнулся.

Капитан, наклонив вертолет, увел его вбок, но струя последовала за ним, ударила в корпус и снова в винт. Машина сильно накренилась и начала падать. При чрезвычайных обстоятельствах от меня обычно немного толку, это уж несколькими часами позднее я начинаю соображать, что надо было сделать. Но на этот раз я действовал не раздумывая. Я соскользнул по трапу, даже не задевая ступенек, и мгновенно оказался на грузовой палубе. Люк на этой стороне был закрыт, как приказал в тот раз Капитан; я ударил по кнопке, и он начал со скрежетом отворяться. Затем, быстро оглянувшись, я увидел то, что было нужно – тросы, на которых опускали лодки, сложенные бухтами на палубе, но пока еще не закрепленные и не убранные. Я схватил конец одного из этих тросов и, пока крышка люка еще откидывалась, уже стоял у него наготове.

Разбитый вертолет плавал прямо передо мной, в воде около него барахтались люди:

– Дядя Стив! – закричал я. – Лови! – и швырнул трос как можно дальше. Я даже не успел его увидеть, когда кричал. Просто мысль о дяде была в моей голове единственной. А потом увидел его, далеко, гораздо дальше, чем я мог добросить конец. И услышал его ответ:

– Сейчас, Том! – и он сильными движениями поплыл к кораблю. Я был насколько не в себе, что чуть не вытащил трос из воды для нового броска, но тут сообразил, что бросил его достаточно далеко, чтобы им мог воспользоваться другой. Я снова закричал:

– Гарри! За тобой! Хватай его!

Гарри Гейтс повернулся в воде, попытался ухватить трос, уцепился. Я начал его подтаскивать.

Когда я подтащил Гарри к борту корабля, он чуть не выпустил трос. Одна из его рук не действовала. Однако совместными усилиями мы затащили его внутрь. Вряд ли это удалось бы, не сиди корабль так глубоко в воде. Оказавшись на палубе, Гарри упал ничком, лицом вниз, всхлипывая и хватая воздух ртом. Я резко вырвал трос из его все еще сжатой руки и повернулся для нового броска, теперь – дяде Стиву.

Вертолета не было, дяди Стива не было, поверхность воды, как и в прошлый раз, была совершенно пустынной, только Перси, с мрачной решимостью на высоко поднятой над водой морде, плыл к кораблю.

Я еще раз окинул взглядом воду, чтобы окончательно убедиться, что людей на поверхности нет. Потом попытался придумать, чем можно помочь Перси. Ухватиться за трос несчастная

свиная отбивная не сможет, это уж точно. Может, я сумею накинуть на него аркан. Завязать скользящую петлю на конце тяжелого мокрого троса было непросто. Я только что покончил с этим занятием, когда Перси в ужасе завизжал, я повернул голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как нечто утаскивает его под воду.

Это нечто не было пастью. Думаю, это не была пасть.

Глава 15

«Выполняйте задание»

Не знаю уж, чего я ожидал после нападения чудовищ. Мы просто слонялись по кораблю в каком-то отрешении. Некоторые пытались что-то высмотреть с временной палубы. Продолжалось это до тех пор, пока из воды не высунулась снова эта прыскалка, чуть не зашибив одного из нас; тогда Капитан Уркхардт приказал никому не покидать внутренних помещений, и люк закрыли.

И чего уж точно я не ожидал, так это объявленного после ужина (если это можно назвать ужином, просто понаделали себе бутербродов) приказа. Я должен был незамедлительно явиться на совещание глав отделов.

– Это тебя, Том? – спросил Чет Треверс. – Говорят, дядя Альф заболел. Дверь его каюты закрыта.

– Видно, меня. – На Дядю все случившееся подействовало очень сильно; по приказу единственного оставшегося у нас медика, доктора Пандита, он принял большую дозу снотворного и лежал в постели.

– Тогда тебе лучше бы бежать туда побыстрее.

Я было отправился в каюту Капитана Уркхардта, но там было темно. Затем, проявив необычную для меня смекалку, я пошел в капитанскую каюту. Дверь ее была нараспашку, вызванные уже сидели вокруг стола, во главе с Капитаном Уркхардтом:

– Отдел специальной связи, сэр, – отрапортовал я.

– Садитесь, Бартлет.

За мной вошел Гарри, после чего Уркхардт встал, закрыл двери и снова сел на свое место. Я огляделся, думая про себя, что это довольно забавное совещание глав отделов. Из присутствовавших один только Гарри Гейтс был начальником в момент старта. Мистер Истмен был вместо командора Фрика. Мамочка О'Тул умерла уже давно, но теперь погиб и Каз; отдел экологии был представлен мистером Кришнамурти, который когда-то всего лишь присматривал за кондиционированием воздуха и гидропоникой. Мистер О'Тул заменял доктора Бэбкока, мистер Регато – мистера Роча. Сержант Андреели, бывший также техником при двигателях, находился здесь вместо дяди Стива, и он являлся единственным оставшимся в живых членом охраны – пару дней тому назад его отослали на корабль со сломаной рукой. Доктор Пандит сидел на месте, принадлежавшем когда-то Доктору Деверо.

Ну и, конечно, я, но я только временно замещал дядюшку Альфа, к счастью, еще живого. Хуже всего было то, что вместо прежнего Капитана сидел Капитан Уркхардт. Капитан Уркхардт начал:

– У меня нет необходимости описывать вам подробно то положение, в котором мы находимся, вы знаете его не хуже меня. Опустим мы также и обычные рапорты по отделам. По моему мнению, наше исследование этой планеты завершено; с имеющимся у нас персоналом и техникой мы не можем ничего к нему добавить. Разве что нужно составить еще одно донесение, описывающее опасности, с которыми мы сегодня столкнулись, чтобы первые поселенцы были готовы защитить себя от них. Есть возражения? Доктор Гейтс, вы желаете продолжить здесь исследования?

На лице Гарри появилось удивление и он ответил:

– Нет, Капитан. При сложившихся обстоятельствах – нет.

– Замечания? – Замечаний ни у кого не было. – Хорошо, – продолжил Уркхардт. – Тогда я

предлагаю прикинуть курс к Альфе Феникса. Панихида завтра в девять; стартуем в полдень. Замечания? Пожалуйста, мистер О'Тул.

– А? Вы хотите знать, будут ли у нас готовы ко времени все расчеты? Думаю, да, если мы с Жанет сразу сейчас возьмемся за работу.

– Садитесь сразу, как только мы разойдемся. Мистер Регато?

Вид у Регато был пораженный:

– Я не ожидал этого, Капитан.

– Я понимаю, все это несколько неожиданно, но все-таки может ваш отдел подготовиться? Насколько мне известно, топливо на борту есть.

– Не в этом дело, Капитан. Конечно, двигатели будут готовы. Только мне казалось, что нам предстоит один дальний переход – к Земле.

– И что же заставило Вас прийти к такому заключению?

– Ну... ээ... – новый Главный механик начал заикаться и чуть не перескочил с ПЛ-жаргона на родной испанский. – Но ведь мы в жутком положении, сэр. Нашему отделу придется стоять вахты через одну, почти не отдыхая. Не могу говорить за другие отделы, но и там, вероятно, не лучше.

– Конечно, не можете, да я Вас об этом и не прошу. А что касается Вашего отдела, технически он готов?

Регато сглотнул:

– Да, сэр. Только ведь ломаться могут не одни механизмы, люди тоже.

– А разве не пришлось бы Вам точно так же стоять вахты через одну, если бы мы направились сейчас к Земле? – Уркхардт не стал дожидаться и так очевидного ответа, а вместо этого продолжил:

– Жаль, что мне приходится это говорить. Мы здесь не для собственного удовольствия, мы выполняем возложенную на нас миссию. Все вы прекрасно знаете это. Сегодня, перед самым своим отлетом, Капитан Свенсон сказал мне: «Примите командование моим кораблем, сэр. Выполняйте порученное нам задание». – И я ответил: «Есть, сэр».

– Позвольте мне напомнить вам, в чем состоит это задание: нас послали для проведения тех самых исследований, которыми мы занимаемся, с приказанием продолжать поиски до тех пор, пока у нас сохраняется связь с Землей. После прекращения связи мы имеем право вернуться, если сможем. Так вот, джентльмены, связь с Землей у нас пока еще есть, следующий пункт, назначенный к исследованию – Альфа Феникса. По-моему, все совершенно ясно.

В моей голове была такая сумятица, что я едва его слышал. Я думал: кем, интересно, он себя считает? Колумбом? Летучим Голландцем? Нас осталось в живых чуть больше тридцати человек – это из двух сотен. Лодок нет, вертолетов нет... Я чуть не прослушал следующее, что он сказал.

– Бартлет?

– Сэр?

– А как с Вашим отделом?

Тут меня осенило, что именно мы являемся ключевым отделом – мы, психи. Когда мы утратим контакт, ему обязательно придется повернуть назад. Меня так и подмывало заявить, что все мы вдруг оглохли, но, как я хорошо понимал, это бы не прошло. Так что я воздержался.

– Как Вы верно сказали, сэр, у нас есть связь с Землей.

– Очень хорошо. – Он перевел взгляд на доктора Пандита.

– Одну секунду, Капитан, – продолжил я. – Но это не все.

– Да? Говорите, в чем дело.

– Понимаете, ведь следующий бросок будет продолжаться около тридцати лет, верно ведь?

Я имею в виду Гринвичское время.

– Что-то в этом роде. Чуть поменьше.

– «Что-то в этом роде.» Специальных связистов осталось трое, я, Дядя – я хотел сказать мистер Мак Нейл – и Мей-Лин Треверс. Думаю, Дядю считать не надо.

– Почему?

– Потому, что он все еще на связи со своей первоначальной напарницей и ей сейчас почти столько же лет, сколько ему. Как Вы думаете, проживет Дядя еще тридцать лет?

– Но для него же это не будут тридцать лет. А, извините! Я понял. Ей будет уже за сто, если она вообще доживет. Может стать сенильной.

– Возможно, сэр. А скорее всего – умрет.

– Ну хорошо, забудем про Мак Нейла. Остается вас двое. Вполне достаточно для того, чтобы передавать самые существенные сообщения.

– Сомневаюсь, сэр. На Мей-Лин надежда тоже слаба. У нее связь только вторичная и напарнику больше тридцати, детей нет. По опыту других телепатических пар я бы счел крайне маловероятным, что они сохранят связь после очередного пика. Особенно после пика в тридцать лет.

– Остаетесь еще Вы.

Тут я вдруг подумал, что если бы у меня хватило духу прыгнуть с корабля в воду, все остальные могли бы спокойно отправиться домой. Это не было серьезной мыслью: я, конечно, когда-нибудь умру, но уж во всяком случае не из-за самоубийства.

– Со мной тоже не многим лучше, сэр. Моей напарнице около... – мне пришлось остановиться и подсчитать, результат как-то не укладывался в голове, – около девятнадцати, сэр. Детей нет. И нет шансов, что дети появятся прежде, чем мы войдем в пик. Да и в любом случае я не смог бы связаться с новорожденным ребенком. Когда мы выйдем из пика, ей будет под пятьдесят. Насколько мне известно, до настоящего момента у всего нашего флота не было случаев восстановления связи после столь долгого перерыва.

Он ответил не сразу:

– У Вас есть какие-нибудь причины считать, что это невозможно?

– Ну... вообще-то нет, сэр. Но это крайне маловероятно.

– Ммм... Вы считаете себя специалистом в теории телепатии?

– Кем? Конечно, нет, сэр. Я просто телепат, вот и все.

– Думаю, скорее всего он прав, – вступил в разговор доктор Пандит.

– А Вы – специалист, доктор?

– Я, сэр? Как вам известно, моей специальностью являются редкие заболевания. Однако...

– В таком случае мы проконсультируемся с Землей. Возможно, они смогут посоветовать нам что-либо. Что-нибудь, что увеличит наши шансы. Вполне возможно, ввиду сложившихся обстоятельств фонд разрешит снова использовать наркотики для уменьшения вероятности того, что после пика не удастся восстановить связь. Или что-нибудь еще.

Я хотел сказать ему, что Вики не станет рисковать и принимать опасные наркотики, к которым можно и привыкнуть. А потом передумал. Пэт принимал – значит, и Вики может.

– Это все, джентльмены. Мы стартуем завтра в полдень. Да, вот еще. Один из вас намекал, что на нашем корабле упала мораль. Верно, и я знаю это, возможно, лучше, чем кто-либо из вас. Однако мораль восстановится, и мы сможем быстрее забыть о своих утратах, если мы сразу же возьмемся за работу. Хочу еще только добавить, что все вы, как старшие офицеры этого корабля, можете сделать очень многое для повышения морали, просто подавая хороший пример. И я уверен, что так вы и поступите. – Он встал. Не знаю уж каким образом по кораблю разносятся новости, но к тому времени, как я дошел до столовой, все уже знали, что мы завтра стартуем. И

не к Земле. Я сразу выскочил из столовой, она вся гудела от разговоров, а мне не хотелось принимать в них участие, мысли у меня путались. Я думал о том, что Капитан хочет сделать еще один переход, после которого он скорее всего не сможет сообщить результаты – если те вообще будут – на Землю. А из-за этого у всех нас появляются великолепные шансы никогда не вернуться домой. С другой стороны я не мог не восхищаться тем, с какой твердостью он напомнил нам о наших обязанностях и в зародыше подавил панику. Воля у него была. У «Летучего Голландца» тоже была воля, правда по сообщениям тех, кто видел его в последний раз, он все еще пытался обогнуть мыс Горн, и все так же безуспешно.

Вот Капитан – Капитан Свенсон, поправил я себя – не был бы таким упрямым, как бык.

А может был бы? Если верить Уркхардту, последними словами Капитана было напоминание, что теперь он должен выполнять возложенное на нас задание. Все мы были очень тщательно подобраны (не считая нас, психов), и вполне могло статься, что и шкипер, и запасной шкипер каждого корабля выбирались в первую очередь по бульдожьему упрямству, тому самому качеству, которое не давало Колумбу отступить даже тогда, когда у него кончалась питьевая вода, а команда готова была взбунтоваться. Я вспомнил, что дядя Стив как-то высказывал такое предположение.

Тут я решил пойти и поговорить с дядей Стивом, а потом вспомнил, что не могу этого сделать, и вот тогда-то почувствовал себя действительно паршиво. Когда мои родители умерли, два пика тому назад, я почувствовал себя паршиво потому, что я не чувствовал себя паршиво, как был бы должен. Когда это случилось – или, вернее сказать, к тому времени, как я узнал об этом – они были уже давно мертвы, люди, которых я давно не видел, просто лица на фотографиях. Но дядю Стива я видел ежедневно, я видел его только сегодня. И я привык обсуждать с ним все свои неприятности, когда они казались чересчур велики для меня одного.

Вот тут-то я почувствовал утрату. Ведь иногда после сильного удара не сразу чувствуешь боль. Боль появляется только тогда, когда соберешься и поймешь, что тебя ударили. И очень хорошо, что как раз в этот момент кто-то постучал в мою дверь, а то я мог и разреветься.

Это была Мей-Лин со своим мужем, Четом. Я пригласил их в каюту, и они сели на койку. Чет сразу приступил к делу:

– Том, как ты относишься ко всему этому?

– К чему?

– Ко всей этой идиотской попытке идти дальше с тем, что осталось от команды.

– Какая разница, как я отношусь, – медленно ответил я. – Я же не командую этим кораблем.

– Вот как раз и командуешь.

– Что?

– Ну не совсем так, я просто хотел сказать, что ты можешь прекратить эту ерунду. Так вот. Том, все знают, что ты сказал Капитану, и...

– А кто сказал?

– Что? Да не важно. Если это пошло не от тебя, возможно, рассказали все остальные, бывшие на вашем совете. Теперь уже все знают. Так вот, ты ему верно сказал. В итоге получается, что по части связи с Землей Уркхардт зависит от тебя и от одного только тебя. Вот и выходит, что ты и есть тот человек, у которого в руках дубина. Ты можешь его остановить.

– Что? Подожди, я же не единственный. Ясно, что он не рассчитывает, на Дядю – а как насчет Мей-Лин?

Чет покачал головой:

– Мей-Лин не собирается «переговариваться» для него.

– Подожди, Чет, я же этого не говорила, – сказала Мей-Лин. Он с обожанием поглядел на жену:

– Ну не притворяйся такой дурочкой, радость моя. Ты же прекрасно знаешь, нет ни малейших шансов, что после пива ему будет от тебя какой-нибудь толк. А если наш отважный Капитан Уркхардт сам этого еще не понял, так я ему объясню, даже если для этого придется пользоваться словами, которые не говорят при женщинах.

– Но ведь может получиться, что я останусь в контакте.

– Нет, никак не может, а в противном случае я вшибу твою хорошенькую головку в туловище, и будешь ты у меня глядеть сквозь ребра, как птичка из клетки. Наши дети будут расти на Земле.

Мей-Лин взглянула на него и успокаивающе похлопала его руку. Траверсы пока не ждали ребенка, но всем было известно, что они надеются. До меня начало доходить, почему Чет столь непреклонен, и я почувствовал полную уверенность, что Мей-Лин действительно не возобновит контакта после пика – если муж немного с ней поговорит. Для нее было гораздо важнее то, чего хочет Чет, чем то, чего хочет Капитан, или чем какой-то там абстрактный долг по отношению к Фонду, который находится где-то далеко-далеко.

– Обдумай все это хорошенько, Том, – продолжил Чет, – и ты поймешь, что просто не можешь подводить своих товарищей. Лететь дальше – просто самоубийство, и все это понимают, все, кроме Капитана. Вот и решай.

– Я, конечно, подумаю.

– Подумай. Только не очень тяни. – И они ушли.

Я лег, но не уснул. Все заключалось в том, что Чет почти наверняка прав, в том числе и в своей уверенности, что Мей-Лин не сможет связаться со своим напарником после очередного пика; у нее и теперь иногда пропадал контакт. Со времени последнего пика технические и математические материалы, которые должна была передавать она, передавал я, так как ее контакт все время прерывался. Чету не потребуется вшибать в ее (вполне согласен) хорошенькую головку, так как она и сама теряла связь. А с другой стороны... Добравшись так до восемнадцатого «а с другой стороны», я встал, оделся и пошел искать Гарри Гейтса; мне пришлось в голову, что раз он – глава отдела и также присутствовал на совещании, поговорить с ним вполне позволительно. В каюте его не было; Барбара посоветовала мне посмотреть в лаборатории. Там он и находился, погруженный в распаковывание образцов, присланных вчера с берега. Гарри поднял глаза:

– Ну, Том, как дела?

– Да не очень.

– Понимаю. Слушай, у меня даже не было подходящего случая как следует тебя поблагодарить. Сделать это в письменной форме или ты согласишься на устную?

– Будем считать, что ты поблагодарил. – Сперва я его даже не понял, а ведь и вправду совсем забыл, что вытащил его из воды. Мне об этом некогда было думать.

– Как скажешь. Но я этого не забуду. Ты же понимаешь это, правда?

– О'кей. Гарри, мне нужен твой совет.

– Тебе нужен? Да ради Бога, у меня их сколько угодно, любых фасонов и расцветок. И все даром и, боюсь, ценность любого из них в точности равна цене.

– Ты был сегодня на совещании.

– И ты тоже. – На лице его появилось беспокойство.

– Да. – Я рассказал ему, что меня тревожит, потом, чуть подумав, и то, что сказал мне Чет. – И что же я должен делать, Гарри? Чет совершенно прав, на то, что из этого нового прыжка будет какой-либо толк, очень мало шансов, и не стоят эти шансы риска. Ну, ладно, пусть мы найдем планету, стоящую того, чтобы о ней сообщить на Землю – а шансов на это немного, если посмотреть результаты по всему флоту. Пусть мы нашли ее, так ведь доложить об

этом мы почти наверняка не сможем, вернее, сможем только по возвращении на Землю, через две сотни лет после старта. Идти на это дело смешно и, как верно сказал Чет, – это самоубийственно. Но с другой стороны, Капитан прав, именно на это мы и подписывались. Программа полета корабля говорит, что мы должны продолжать двигаться вперед.

Прежде чем ответить, Гарри осторожно развернул очередной образец.

– Томми, спроси меня чего попроще. Ну спроси, например, жениться тебе или нет – и я тебе все прямо так и скажу. Или еще что-нибудь спроси. Но есть вещь, которую ни один человек не может сказать другому. Это – в чем состоит его долг. Это каждый должен решать для себя сам.

Я немного подумал:

– Какого черта, Гарри, сам-то ты как ко всему этому относишься?

– Я? – Он приостановил свое занятие. – Том, я, по правде говоря, и не знаю. Что касается лично меня... ну, пожалуй, на этом корабле я счастливее, чем когда-либо раньше. При мне моя жена и дети, я занят именно той работой, которая мне нравится. Но что я, у других все может быть иначе.

– А как насчет твоих детей?

– Вот тут оно конечно. Для семейного человека... – Он нахмурился. – Я не могу ничего тебе посоветовать, Том. Если я хоть чуть намекну, что ты не должен выполнять условия подписанного тобой контракта, это будет побуждение к бунту на борту, самое тяжелое преступление для нас обоих. Сказать тебе, что ты обязан выполнять то, что хочет Капитан, – оно, конечно, безопасно с точки зрения закона, только кончится это может смертью твоей, моей, моих детей, остальной команды, так как на стороне Чета здравый смысл, хотя закон и против него. – Он вздохнул. – Том, сегодня я, спасибо тебе еще раз, чуть не отдал концы, и у меня, видимо, от этого, пока что еще слабо с сообразительностью. В общем, я не могу давать тебе совета, я не беспристрастен.

Я молчал. Как жаль, что так случилось с дядей Стивом, у него-то всегда и на все был ответ.

– Единственное, что я могу, – продолжал Гарри, – так это предложить тебе несколько жульнический образ действий.

– Да? А как это?

– Ты должен подойти к Капитану один на один и рассказать ему, чем и насколько ты обеспокоен. Это может повлиять на его решение. Во всяком случае, он должен знать.

Я сказал, что подумаю, поблагодарил его и ушел. Улеглись в постель, я в конце концов все-таки уснул. Проснулся я посреди ночи от того, что корабль трясся. Корабль, находясь на воде, всегда чуть покачивается, но совсем не таким образом, не с такой силой и уж конечно не на Элизии. Тряска прекратилась, а затем вновь началась... и снова прекратилась... и началась. Я размышлял, чего бы... когда неожиданно корабль задрожал, на этот раз совершенно другим, знакомым образом. Так бывает при запуске двигателя на самой малой мощности. Техники называли это «прочистить глотку», это был обычный элемент проверки двигательной установки. Решив, что просто мистер Регато заработался допоздна, я успокоился. Тряски больше не было.

За завтраком я узнал, в чем было дело: эти огромные твари испробовали что-то – никто не знал, что именно – на самом корабле, после чего Капитан, вполне логично, приказал мистеру Регато шугануть их факелом. И вот теперь, хотя мы по-прежнему не знали о них почти ничего, одно знали точно – стойкости к перегретому пару и высокому уровню радиации у них нет. Каким-то образом очередная стычка с морскими чудовищами придала мне смелости, я решил пойти к Капитану, как советовал Гарри.

Он впустил меня в каюту, заставив прождать у двери не более пяти минут. Затем он только

молчал, дав мне говорить, сколько захочется. Я описал всю картину, как она мне виделась, не упоминая Чета и Гарри. Мне не было понятно, пронял я его или нет, так что излагал я все очень драматически: что Дядю и Мей-Лин можно не считать, что шансы на то, что после следующего пика от меня будет какой-нибудь толк, очень малы, и поэтому он собирается рисковать кораблем и командой при очень и очень плохих условиях. Окончив, я так и не понял, убедил я его или нет. Он не стал отвечать мне прямо, а вместо этого сказал:

– Бартлет, вчера вечером за закрытой дверью Вашей каюты в течение сорока пяти минут находились двое членов экипажа.

– А? Да, сэр.

– Вы беседовали с ними на эту тему?

Мне очень хотелось соврать:

– Мм... да, сэр.

– После этого Вы нашли на корабле еще одного члена команды и пробыли у него допоздна, или лучше сказать – до раннего утра. Вы беседовали с ним на ту же тему?

– Да, сэр.

– Очень хорошо. В таком случае я должен задержать Вас по двум обвинениям: подозрению в намерении поднять мятеж на борту и подозрению в побуждении к мятежу на борту. Вы арестованы. Отправляйтесь в свою каюту и не покидайте ее. Никаких посетителей.

Я сглотнул и тут мне на помощь пришло то, что я как-то слышал от дяди Стива – он ведь был матерым специалистом по космическому праву и очень любил обсуждать эту тему:

– Есть, сэр. Однако я настаиваю на возможности встречи с выбранным мной поверенным, а также на открытом слушании дела.

Капитан безразлично кивнул, словно я сказал ему, что идет дождь:

– Конечно. Все Ваши законные требования будут удовлетворены. Но с этим придется подождать, мы сейчас готовимся к старту. Поэтому считайте себя арестованным и отправляйтесь в свою каюту.

И вот я сижу в своей каюте. Мне надо сказать Дяде, что ему нельзя ко мне приходить, а потом передать то же самое Чету. В голове не уместается, как со мной могло произойти подобное.

Глава 16

«Просто математическая абстракция»

Это утро казалось очень долгим, словно тянулось оно сотни лет. Вики связалась со мной в обычное время, но я сказал ей, что вахтенное расписание изменилось, и я позвоню потом.

– Что-нибудь не так? – спросила она.

– (Нет, лапа, просто у нас тут небольшая перетряска.)

– Ладно, только голос у тебя опять какой-то беспокойный.

Я не сказал ей, в какую историю влип; не стал даже рассказывать про наши вчерашние беды. Будет сколько угодно времени потом, когда все немного уляжется – если только она сама не узнает раньше, из официальных сообщений. А пока какой смысл расстраивать девочку неприятностями, которым она все равно помочь не может?

Минут через двадцать явился мистер Истмен. Он постучал, я открыл ему дверь и сказал:

– Извините, но я не имею права никого принимать.

Но он не ушел:

– Я не гость. Том; я здесь в официальном качестве, по поручению Капитана.

– Ну, если. – Я впустил его.

У него с собой был чемоданчик с инструментами. Поставив чемоданчик на стол, он сказал:

– У нас сейчас так мало людей, что решили объединить отделы обычной и специальной связи, так что теперь, похоже, я твой начальник. Все это, конечно, не имеет никакого значения. Но мне надо сейчас подсоединить твой диктофон так, чтобы ты мог отсюда писать прямо в центр связи.

– Валяй. А зачем?

На его лице появилось что-то вроде смущения.

– Ну, понимаешь, ты ведь должен был заступить на вахту полчаса тому назад. Мы хотим устроить так, чтобы ты со всеми удобствами стоял свои вахты здесь. Капитан сердится, что я сам не догадался так сделать. – Он принялся снимать панель диктофона.

Я лишился дара речи. А затем вспомнил кое-что, рассказанное мне дядей Стивом.

– Подожди-ка секунду.

– А?

– Ты продолжай, продолжай, соединяй это хозяйство как хочешь, только никаких вахт я стоять не буду.

Он распрямился, на его лице появилась крайняя озабоченность.

– Не надо, Том. Ты и так попал в веселую историю, зачем еще усугублять? Давай так – ты этого не говорил, я не слышал, О'кей?

Мистер Истмен – парень вполне приличный, он единственный из радистов ни разу не употреблял слово «псих». Наверное, он и вправду беспокоился обо мне. Но я сказал:

– Куда уж там усугублять. Скажи Капитану, что он может эти свои вахты... – Я замолк. Дядя Стив такого бы не сказал. – Извини. Вообще скажи ему так: «Связист Бартлет просил передать, что при всем его уважении к Капитану он, к глубокому сожалению, не может исполнять свои служебные обязанности, находясь под арестом». Понял?

– Послушай, Том, это же не по делу. Разумеется, что с точки зрения служебных инструкций в том, что ты тут наговорил, есть какой-то смысл. Но у нас же не хватает рук, все должны хвататься за дело, помогать. Нельзя вот так уцепиться за букву закона и стоять в стороне, это не честно по отношению к остальным.

– Нельзя? – Я тяжело дышал, возбужденный появившейся у меня возможностью дать сдачи. – А Капитану можно? Это ему нельзя и на елку влезть и не оцарапаться. Арестованный не стоит вахты. Так было и будет всегда. И передай ему все, что я сказал.

Истмен, не говоря ни слова, ловко закончил свою работу.

– Так ты совершенно уверен, что хочешь, чтобы я ему все это передал?

– Совершенно.

– Как хочешь. Я тут, – добавил он, указав на диктофон, – все присоединил так, что, если вдруг передумаешь, можешь связаться со мной через эту штуку. Пока.

– И еще.

– А?

– Может, Капитан не подумал о таких мелочах, у него же и ванная и все такое в каюте, а я сижу здесь уже несколько часов. Кто проводит меня по коридору и когда? Даже заключенный имеет право, чтобы его время от времени выводили в туалет.

– Наверное, тут и я могу. Пошли.

Это была кульминационная точка памятного утра. Я так и ждал, что через пять минут после ухода Истмена ко мне ворвется, дыша огнем и плюясь раскаленными углями, Капитан Уркхардт. И уже отрепетировал про запас пару речей, тщательно составленных таким образом, чтобы не переходить рамки закона. Было ясно, что он загнан в угол.

Но все было тихо. Капитан не явился, и вообще никто ко мне не явился. Приближалось уже к полудню. Команды приготовиться к старту все не было и не было. За пять минут я лег на койку и начал ждать.

Это были очень длинные пять минут.

Примерно в четверть первого я решил, что хватит ждать и слез с койки. Про ленч тоже ни слуху ни духу. В половине первого я услышал гонг, но про меня словно забыли. В конце концов я решил, что, ладно, разок не поем и только потом начну возмущаться; не хотелось предоставлять возможность перевести разговор на то, что я самовольно покинул каюту. Подумал было связаться с дядей Альфом и пожаловаться на неполадки с харчами, но потом решил, что чем дольше я прожду, тем больше будет вина Капитана.

Примерно час спустя после того, как остальные покончили с ленчем, появился мистер Кришнамурти с подносом в руках. То обстоятельство, что еду принес он сам, а не кто-нибудь с кухни, показало мне, что я – Очень Важный Заключенный, тем более, что Крис очень старался не говорить со мной и даже, вроде, подходить близко боялся. Он просто просунул поднос в каюту и сказал:

– Когда кончишь, выставишь это в коридор.

– Спасибо, Крис.

Но в еде была спрятана записка: «Молодчина! Только не сдавайся, и мы подрежем ему крылышки. Все ребята за тебя». Подписи не было, а почерк я не узнал. Во всяком случае писал не Кришнамурти, я помнил его почерк с того времени, как занимался диверсионной деятельностью на их плантации. И не Треверс и, уж во всяком случае, не Гарри.

В конце концов мне надоело угадывать, кто писал эту записку, тогда я порвал ее и разжевал, словно какой-нибудь граф Монте-Кристо или Железная Маска. На романтического героя я все-таки не тяну, проглотить ее я не смог, просто разжевал и выплюнул. Но уж уничтожил записку я точно, мне же не только самому не хотелось знать, кто ее писал, но и не хотелось, чтобы это узнал кто-либо другой.

И знаете почему? Записка не ободрила меня, скорее обеспокоила. О, конечно же, в первый момент она меня взбодрила, я прямо вырос в собственных глазах. Такой защитник угнетенных!

А потом я понял, что значит такая записка...

Бунт на борту.

В космосе это – самое страшное слово. Лучше уж любая другая беда. Одним из первых заветов Дяди Стива, которые он передавал нам с Пэтом давно-давно, когда мы были еще пацанами, было: «Капитан прав даже тогда, когда он неправ». Только потом, через много лет, я понял его слова. Чтобы осознать эту истину, надо пожить на корабле. Да и то я не прочувствовал ее справедливость до конца, пока не прочитал эту подбадривающую записку и не осознал, что какие-то люди и вправду собираются сбросить власть Капитана, и я – их знамя.

Корабль – это не просто маленький мир, он больше схож с живым человеческим организмом. На нем не может быть и речи о демократии, во всяком случае – о демократической консенсусе, каким бы Капитан ни был вежливым и демократичным. Если попадешь в переделку, не устраиваешь всеобщее голосование, чтобы ноги, руки, желудок и глотка решили, чего же хочет большинство. Ничего подобного ты не делаешь. Мозг принимает решение, а все прочее его выполняет.

Вот так же обстоит и всегда должно обстоять дело на корабле, летящем в космосе. А дядя Стив имел в виду, что Капитану лучше бы быть правым, а остальным лучше всего молиться, чтобы он оказался прав; если он ошибется, то обстоятельство, что я же был прав, не спасет корабль.

Но все же корабль – не совсем единый организм, он состоит из отдельных людей, работающих вместе, работающих с самоотречением, которое не каждому легко дается – мне, во всяком случае, оно давалось нелегко. И единственное, что удерживает этих людей вместе – нечто туманное, называемое моралью корабля, вещь, утрата которой ощущается сразу, хотя ее почти и не видно, пока она есть. Только теперь я понял, что на «Л.К.» утрата морали началась уже давно. Сначала умер Доктор Деверо, затем мамочка О'Тул, это были очень тяжелые удары. А теперь мы лишились Капитана и большей части экипажа. В результате «Л.К.» рассыпался на куски.

Возможно, новый Капитан и не особенно блистал, но он, во всяком случае, пытался остановить этот распад. До меня стало понемногу доходить, что корабли исчезают не только из-за поломок техники или нападений злых туземцев; возможно, самое плохое – это когда какой-нибудь слишком умный молодой идиот вобьет себе в голову, что он умнее Капитана, и сумеет вбить то же самое в головы достаточного количества других идиотов. Интересно, какая часть из восьми кораблей, утративших контакт, погибла в попытке доказать, что их капитан ошибается, а какой-нибудь тип вроде меня – прав. Быть правым – далеко не достаточно. Тут я так расстроился, что был уже готов пойти к Капитану и сказать ему, что я ошибался, и спросить, чем могу быть полезен. Но потом я сообразил, что не могу сделать даже этого – он велел мне не выходить из каюты безо всяких «если» и «может быть». И если уж поддерживать Капитана и с уважением относиться к его авторитету важнее всего остального, то мне оставалось одно – делать как ведено и сидеть, не высовываясь.

Обед опять принес Крис, на этот раз – почти вовремя. Поздно вечером динамики проорали обычное предупреждение, я лег, и «Л.К.» стартовал с Элизии. Но мы не встали на курс, а легли на орбиту, так как наступила невесомость. Спал я плохо, со мной в невесомости всегда так.

Проснулся я от того, что корабль пошел с ускорением, небольшим, порядка половины g. Крис принес мне завтрак, но я не стал его спрашивать, что происходит, а сам он не рассказывал. Немного позже из динамика прозвучало: «Связист Бартлет, явитесь к Капитану». Только после повторения я понял, что это касается меня; тогда я вскочил, за пару секунд выскреб лицо, окинул глазом форму, решил, что сойдет, и поспешил к Капитану.

Капитан поднял на меня глаза, и я доложил по всей форме.

– А, Бартлет. По результатам расследования я пришел к выводу, что нет причин настаивать

на выдвинутых обвинениях. Вы освобождены из-под ареста и можете вернуться к исполнению своих обязанностей. Зайдите к мистеру Истмену.

Он вернулся к своей работе, словно забыл про меня, и мне стало очень обидно. Я разрывался между святым чувством преданности кораблю, а значит и его Капитану, и не менее сильным желанием пнуть Уркхардта ногой в живот. Скажи он мне тогда хоть одно хорошее слово и, думаю, я был бы на его стороне, со всеми своими потрохами. А так мне стало очень обидно.

– Капитан?

Он снова поднял глаза:

– Да?

– Мне кажется. Вы могли бы передо мной извиниться.

– Вам кажется? А мне вот не кажется. Я поступил так в интересах всего корабля. Однако, если уж Вас это интересует, у меня нет к Вам никаких претензий и я не таю на Вас зла. – Он снова занялся своими бумагами, словно мои претензии и обиды, есть они у меня или нет их, не имеют ни малейшего значения.

Так что я встал и пошел к Истмену. Похоже, больше делать было нечего. В центре связи сидела Мей-Лин, она была занята передачей какого-то зашифрованного текста. Мей-Лин мельком взглянула на меня, и я заметил, как устало она выглядит. Мистер Истмен сказал:

– Привет, Том. Хорошо, что ты пришел, тебя очень не хватает. Ты можешь попробовать вызвать сейчас свою напарницу?

Составление вахтенного расписания одним из телепатов хорошо тем, что он понимает: напарники на Земле – не бесплотные духи. Другие, похоже, не осознают, что этим напарникам надо есть, пить, спать, работать, заниматься семейными делами, они не могут все время вот так сидеть и ждать, вдруг кому-то вздумается послать сообщение.

– Это крайняя необходимость? – спросил я, глянув сперва на гринвичские, а затем на корабельные часы. До связи с Вики оставалось по расписанию еще около получаса; может, она дома и свободна, но может и нет.

– Ну, пожалуй, не «крайняя необходимость», но «срочно» – это уж точно. Тогда я вызвал Вики, и она сказала мне, что ничего страшного.

– (Шифрогруппы, конопатая.) – сказал я ей. – (Так что будь готова все повторять.)

– У меня даже диктофон дрожит от ужаса, дядя Том.

Три битых часа мы гоняли туда и сюда эти шифрогруппы; трудно придумать что-либо зануднее. Я решил, что это сообщение Капитана Уркхардта о том, что произошло с нами на Элизии или, еще вероятнее, второе сообщение на эту тему с дополнительными подробностями, которые потребовались Ф.Д.П. Скрывать этот текст от меня смысла не было, я и сам все видел, так что зашифровался он, видимо, для того, чтобы наши напарники не узнали всего этого, прежде чем Ф.Д.П. не решит сделать происшедшее всеобщим достоянием. Меня такое положение вполне устраивало, не очень-то хотелось пересказывать маленькой Вики весь этот ужас и кровь.

Итак, мы работали, а тем временем зашел Капитан и сел рядом с мистером Истменом. Краем глаза я заметил, что они готовят очередную шифровку; Капитан диктовал, а Истмен работал на шифровальной машине. Мей-Лин давно уже ушла. В конце концов Вики произнесла совсем уже усталым голосом:

– Дядя Том, а все эти головоломки – это очень срочно? А то уже полчаса как мама звала обедать.

– (Подожди секунду, сейчас узнаю.) – Я повернулся к Капитану и мистеру Истмену в неуверенности, кого лучше спросить. Поймав взгляд Истмена, я сказал:

– Мистер Истмен, насколько это срочно? Мы бы хотели... – Не мешайте нам, – вклинился

Уркхардт. – Не задавайте лишних вопросов, продолжайте передачу. Насколько это срочно – не Ваше дело.

– Капитан, Вы меня не поняли; я говорю не за себя. Я хотел сказать...

– Не отвлекайтесь от работы.

Я сказал Вики:

– (Подожди еще секунду, красавица), – а затем откинулся на стуле и произнес:

– Есть, Капитан. Я в полной готовности хоть всю ночь диктовать эти таблицы для проверки зрения. Только вот на другом конце провода никого нет.

– Что Вы хотите сказать?

– Я хочу сказать, что моему напарнику уже давным-давно пора обедать. Если Вы хотите, чтобы на том конце работали сверхурочно, согласуйте это с центром связи Ф.Д.П. У меня создается впечатление, что кто-то абсолютно изменил вахтенное расписание.

– Понятно. – На его лице, как обычно, ничего не отразилось. Я уже начинал подозревать, что он – робот с проводами вместо вен. – Хорошо. Мистер Истмен, вызовите мистера Мак Нейла; пусть он подменит мистера Бартлета.

– Есть, Капитан.

– Извините меня, пожалуйста, Капитан.

– Да, Бартлет?

– Вам, возможно, неизвестно, что напарница Дяди живет в минус втором от Гринвича часовом поясе. Там сейчас середина ночи, а она старушка за семьдесят пять. Я подумал, что, возможно, Вы хотели бы это знать.

– Ммм, это верно, Истмен?

– Думаю, да, сэр.

– Я отменяю предыдущее приказание. Бартлет, согласен ли Ваш напарник продолжить работу после часового перерыва? Без согласования с Ф.Д.П.

– Сейчас узнаю, сэр. – Я передал вопрос Вики, она явно была в нерешительности. Тогда я сказал:

– (В чем дело, конопатая? Свидание с Джорджем? Ты только скажи, и я объясню Капитану, что сегодня ничего не получится.)

– Да ладно, ерунда это. Обойдусь и без Джорджа. Хочется только, чтобы было что-нибудь другое, а не эта каша из цифр. Хорошо, через час.

– (Через час, красавица. Беги, ешь свой салат. И следи за талией.)

– Спасибо, а талия у меня в полном порядке.

– Капитан, напарник согласен.

– Хорошо. Поблагодарите его от меня.

Он говорил настолько безразлично, что я не смог удержаться от небольшого укола.

– Мой напарник, Капитан, девушка, а не «он». И ее мать установила комендантский час, у нас будет только два часа. Все что дальше – только через Ф.Д.П.

– Понятно. Хорошо. – Он повернулся к Истмену. – Мы что, не можем толком составить это расписание вахт?

– Я стараюсь. Капитан. Но я в этом новичок, да к тому же у нас осталось всего трое связистов.

– Одна вахта из трех – тут не должно быть особых трудностей. И все равно каждый раз появляется какая-то причина, по которой мы не можем передавать. Вы можете мне это объяснить?

– Сэр, Вы прямо сейчас видели, как возникают эти трудности. Тут все дело в согласовании с Землей. Я так понимаю, специальные связисты сами обычно организовывали расписание. Или

один из них.

– Кто? Мистер Мак Нейл?

– Насколько я помню, обычно это делал Бартлет.

– Понятно. Бартлет?

– Этим занимался я, сэр.

– Прекрасно, эта работа снова возлагается на Вас. Организуйте непрерывное дежурство. –

Он начал вставать.

Так; каким же образом объясняют Капитану, что он не получит ведро краски?

– Есть, сэр. Только простите, пожалуйста, Капитан...

– Что еще?

– Если я Вас правильно понял, Вы поручаете мне организовать через Ф.Д.П. непрерывное дежурство? И я могу воспользоваться Вашей подписью?

– Естественно.

– Хорошо, только что мне делать, если они не согласятся на такие долгие вахты для старой леди? Просить увеличить продолжительность вахт двоих остальных? Но в случае моего напарника возникает проблема с родителями, она еще очень молодая девушка.

– Понятно. Не понимаю, почему они берут на работу таких людей.

Я не отвечал. Если уж он сам не соображает, что подыскать телепата – это совсем не то, что подыскать плотника, я ему объяснять не собираюсь.

Однако, он настаивал.

– Вы можете что-нибудь сказать?

– По этому поводу мне сказать нечего, сэр. Только никто из этих троих не может работать больше трех-четырёх часов в день, за исключением чрезвычайных обстоятельств. Если сейчас именно такой случай, я могу организовать все сам, не беспокоя понапрасну центральную контору.

Отвечать прямо Уркхардт не стал. Вместо этого он сказал:

– Организуйте лучшее возможное расписание. Посоветуйтесь с мистером Истменом. – Капитан Уркхард повернулся к выходу; в этот момент я заметил, какая невыразимая усталость написана на его лице, и мне вдруг стало его жалко. Во всяком случае, не хотел бы я поменяться с ним местами. Вики снова вышла на связь в середине ночи, хотя Кэтлин и была недовольна. Кэтлин хотела поработать сама, но, по правде говоря, мы с ней, без участия Вики, переговаривались уже с трудом. Во всяком случае – при таком трудном тексте, как шифрограммы.

Капитан не вышел завтракать, а я опоздал. Оглядевшись, я сел рядом с Жанет Меерс. Теперь мы не сидели по отделам – у нас был один большой подковообразный стол, на остальном пространстве большой столовой было организовано нечто вроде гостиной, чтобы не выглядело так пусто. Только я запустил зубы в бутерброд, как мистер Истмен встал и постучал по стакану, привлекая внимание. Выглядел он, словно не спал много дней.

– Тише, пожалуйста. Мне поручено зачитать вам заявление Капитана. – Он вынул лист бумаги и начал:

«К сведению всех членов команды. Согласно указанию Фонда Далеких Перспектив задание нашего корабля изменяется. Мы остаемся в окрестностях Беты Кита, ожидая randevu с принадлежащим Фонду кораблем „Неожиданная находка“. Randevu намечено приблизительно через месяц. Сразу после встречи мы прокладываем курс к Земле. Подписано: Ф.К.Уркхардт, командир корабля „Льюис и Кларк“».

Я был поражен. Ну, тихоня. И все это время, пока я ругал его про себя, он уговаривал начальство вернуть нас на Землю. Понятно, почему он пользовался шифром; ты только попробуй заявить открытым текстом, что у тебя на корабле бардак, увидишь, что тебе скажет команда. Такого, если есть хоть малейшая возможность, не сделает никто. Я даже простил ему недоверие к нам, психам, – что мы сохраним в тайне его переговоры; при таких обстоятельствах я сам себе не доверял бы.

У Жанет сияли глаза; они сияли как у влюбленной девушки или у математика, только что придумавшего новое преобразование.

– Значит, они все-таки сумели? – произнесла она приглушенным голосом.

– Что сумели? – спросил я. Она явно принимала все это близко к сердцу; я и не догадывался, что ей так хочется домой.

– Томми, неужели ты не понимаешь? Они сумели, сумели использовать на практике безотносительность. Доктор Бэбкок не ошибся.

– В чем?

– Неужели не понятно, ведь тут же все на поверхности. Какой корабль может попасть сюда за месяц? – Ну, конечно же, только «безотносительный» корабль. – Тут она нахмурилась. – Не понимаю только, зачем им даже этот месяц. Это не должно занимать вообще никакого времени. Время тут вообще ни при чем.

– Ты не спеши, Жанет, – сказал я. – Сегодня я что-то совсем глупый. Почему ты говоришь, что этот корабль – как его там – «Неожиданная находка» – быстрее света? Это же невозможно.

– Томми ты Томми. Ты подумай, будь это обычный корабль, когда ему надо было бы стартовать с Земли, чтобы встретиться с нами здесь? Больше шестидесяти трех лет тому назад.

– Ну а может они так и сделали?

– Томми! Да они никак не могли – тогда ведь никто не знал, что сейчас мы будем здесь. Откуда можно было это знать?

Я поразмыслил. Шестидесять три гринвичских года тому назад... Это где-то в районе первого нашего пика. Похоже, что Жанет права, надо быть либо невероятным оптимистом, либо ясновидящим, чтобы послать в то время корабль с Земли для встречи с нами здесь и сейчас.

– Не понимаю я этого.

– Ну как же ты не понимаешь? Я же все тебе объяснила. Безотносительность. Ведь это как раз из-за вас, телепатов, и начались все эти исследования; это вы доказали, что «одновременность» – вполне допустимое понятие, а неизбежным логическим следствием этого было то, что пространство и время не существуют.

У меня что-то заняло в голове.

– Не существуют? А тогда что же это такое то, в чем мы сейчас, как нам кажется, завтракаем?

– Всего лишь некая математическая абстракция. Ничуть не больше. – Она улыбнулась, на лице ее появилась материнская нежность. – Бедненький сентиментальный Томми. Ты слишком тревожишься по пустякам.

Жанет, наверное, была права, так как двадцать девять гринвичских суток спустя у нас состоялось randevu с кораблем Ф.Д.П. «Неожиданная находка». Время это мы потратили, ковыляя с ускорением в половину g в точке, расположенной в пяти миллиардах миль к галактическому северу от Беты Кита; оказалось, что эта штука не любит слишком приближаться к большим звездам. С другой стороны, и то сказать, с расстояния в шестидесять три световых года пять миллиардов миль – это совсем немного. Все это время мы работали, не покладая рук, приводя в порядок наши образцы и сопоставляя данные исследований. К тому же, Капитан Уркхардт вдруг обнаружил, что на корабле есть уйма всякого хозяйства, которое давно уже

нуждается в чистке и надраивании. Он даже почтил своим визитом кубрики, что, по моему мнению, является самым настоящим «сованием носа» куда не надо.

На «Находке» был свой телепат, что сильно облегчило организацию встречи. Сперва они оказались примерно в двух световых часах от нас; затем их телепат и я через Землю обменялись своими координатами (относительно Беты Кита) и быстренько обнаружили друг друга. Будь у нас только радары и радио, мы прокопались бы добрую неделю, если бы только вообще сумели вступить в контакт.

Когда мы нашли друг друга, «Находка» оказалась на удивление шустрым кораблем, мы только глаза выпучили. Я только еще докладывал Капитану ее координаты, а она была уже здесь, прямо в виду радара близкого действия. Еще часом позднее она уже пришвартовалась к нам и наши шлюзы были соединены. К тому же, это был до странности маленький корабль. Когда я впервые увидел «Л.К.», он показался мне необъятным; затем, привыкнув, я воспринимал его размеры как вполне нормальные, иногда он казался даже тесноватым. Но эта «Находка» не тянула даже на пристойный челнок с линии Земля-Луна.

Первым к нам явился мистер Уиппл. Это была совершенно несуразная фигура, у него был с собой даже портфель; непонятно было, откуда такой взялся в космосе. Однако, он сразу взял бразды правления в свои руки. С ним были еще двое, и они сразу принялись за работу в маленьком отсеке грузовой палубы. Ребятам этим было в точности известно, какой отсек им нужен, нам пришлось спешно выгрузить оттуда картошку. Они провозились там полдня, устанавливая нечто под названием «генератор нуль-поля». Работали они в странной одежде, сотканной целиком из паутинно-тонкой проволоки и делавшей их похожими на мумий. Мистер Уиппл стоял все это время около дверей, наблюдая за их действиями и посасывая сигару – первую, которую я увидел за три года; меня даже затошнило от ее дыма. Релятивисты крутились поблизости, обмениваясь возбужденными замечаниями; здесь же находились и двигательщики, однако вид у них был потрясенный и несколько недоверчивый. Я слышал, как мистер Регато сказал:

– Может, оно и так, но факел надежнее. Факел тебя не подведет.

Уркхардт взирал на происходящее, являя собой фигуру Капитана Каменное Лицо. В конце концов мистер Уиппл потушил свою сигару и сказал:

– Ну что ж, вот и все, Капитан. Томпсон останется здесь и доведет вас до места, а Бьеркенсен вернется на «Находку». Боюсь, вам придется примириться и с моим присутствием, я должен вернуться на вашем корабле.

Лицо Капитана Уркхардта стало пепельно-серым.

– Если я правильно понимаю Вас, сэр, Вы отстраняете меня от командования кораблем?

– Что? Да не дай Бог, Капитан, с чего это Вы так решили?

– У меня сложилось впечатление, что Вы, по поручению Центра, взяли на себя командование моим кораблем. А теперь Вы еще говорите, что этот человек... как его... Томпсон – что он доведет нас до места.

– Вы меня совсем неверно поняли. Это моя вина, Вы меня простите, я засиделся в канцелярии и совсем не привык к разъездной работе. Вы воспринимайте Томпсона как... ммм... своего штурмана. Вот-вот, он будет Вашим лоцманом. Но Вас никто не снимает. Вы остаетесь Капитаном этого корабля, пока не вернетесь на Землю и не сдадите его. Тогда, конечно, он пойдет на слом.

– Вы сказали «на слом», мистер Уиппл? – раздался высокий, непохожий на себя, голос мистера Регато. Я почувствовал, что в моем животе что-то сжалось. – «Л.К.» на слом? Нет, никогда.

– Что? Да нет, ничего еще не решено, я как всегда тороплюсь. Может быть, его сохраняют в

качестве музея. А что, это хорошая мысль. – Он вытащил записную книжку и записал в нее эту хорошую мысль. Спрятав записную книжку, мистер Уиппл сказал: – А теперь, если Вы, Капитан, позволите, я хотел бы обратиться к Вашим людям. А то времени совсем мало.

Капитан Уркхардт молча провел его в столовую. Когда все собрались, мистер Уиппл широко улыбнулся и произнес:

– Я не очень силен в произнесении речей. Я просто хочу выразить вам благодарность от имени Фонда и заодно объяснить, чем мы тут занимаемся. Я не ученый, а всего лишь администратор, участвующий сейчас в сворачивании Проекта Лебенсraum, на который вы работаете, так что я не буду особенно вдаваться в подробности. Спасательные операции, вроде этой, совершенно необходимы, однако Фонд очень озабочен тем, чтобы высвободить «Неожиданную находку» и другие корабли той же серии – «Безотносительный», «Бесконечность» и «Нуль» для выполнения основной их работы – исследование звезд в окрестностях Солнца.

Кто-то выпалил с удивлением:

– Да ведь как раз этим мы и занимаемся.

– Да, конечно. Но времена меняются. Нуль-полевой корабль может за год облететь больше звезд, чем факельный за столетие. Вам, наверное, будет приятно узнать, что один только «Нуль» за последний месяц обнаружил семь планет земного типа.

Не сказал бы, что мне было особенно приятно это узнать.

Дядюшка Альфред Мак Нейл, наклонившись вперед, тихим, печальным голосом, хорошо выразившим наше настроение, сказал:

– Минуточку, сэр. Вы хотите сказать, что все, что мы сделали, было ненужно?

Мистер Уиппл был, похоже, крайне удивлен.

– Нет, нет и еще раз нет? Мне очень жаль, если мои слова создали у вас такое впечатление. То, что сделали вы, было совершенно необходимо, без вас сейчас не было бы этих нуль-кораблей. Да это то же самое, как сказать, что свершенное Колумбом было ненужно – ведь теперь мы перепрыгиваем океаны, словно какие-нибудь лужицы.

– Благодарю Вас, сэр, – тихо сказал дядя Альф.

– Возможно, никто еще не сказал вам, насколько необходим, я бы сказал, незаменим, был проект Лебенсraum. Вполне возможно. Это, конечно, моя вина, но в последнее время у нас в Фонде столько суматохи, мне некогда даже поспать, так что я все время забываю, что уже сделано, а что сделать еще надо. Но вы, конечно, и сами понимаете, что без телепатов, которые находятся среди вас, весь этот прогресс был бы невозможен. – Уиппл обвел нас взглядом. – Кто они? Я хочу пожать им руки. Во всяком случае, не забывайте, я не ученый, я юрист – во всяком случае, если бы не удалось превыше любых сомнений доказать, что телепатия абсолютно мгновенна, доказать в эксперименте, проведенном на расстоянии в десятки световых лет, вполне возможно, наши ученые все еще искали бы ошибки в шестом знаке после запятой, пытаясь спасти мнение, что телепатические сигналы распространяются не мгновенно, а с конечной скоростью, хотя и столь большой, что измерить ее не удастся из-за неточности приборов. Во всяком случае, я именно так понимаю ситуацию; так мне объясняли. Так что, как вы видите, ваш тяжкий труд привел к великолепным результатам, результатам, гораздо более важным, чем ожидалось, хотя и не тем, какие вы искали.

А я думал, что скажи они нам это ну хоть немного раньше, дядя Стив был бы жив. Правда, он не хотел умирать в постели.

– Но эти великолепные плоды ваших героических усилий, – продолжал разглагольствовать Уиппл, – созрели не сразу. Как это часто бывает в науке, новой идее нужно длительное время для незаметного постороннему взгляду вызревания среди специалистов, после чего ее

потрясающие результаты неожиданно врываются в ничего не подозревающий мир. Вот, например, я сам; если бы шесть месяцев тому назад кто-нибудь сказал мне, что сегодня я буду здесь, между чужими звездами, читать популярную лекцию по современной физике, я бы не поверил. Я и сейчас не совсем уверен, что я в это верю. И все-таки я здесь. Кроме всего прочего, я здесь затем, чтобы помочь вам прийти в себя, когда мы вернемся домой. – Он еще раз широко улыбнулся и поклонился своей аудитории.

– Да, мистер Уиппл, – спросил Чет Траверс, – а когда все-таки мы вернемся домой?

– Как, разве я вам этого не сказал? Да совсем скоро... Ну, так, скажем, вскоре после обеда.

Глава 17

Время и перемены

Теперь, пожалуй, в самый раз закончить эту штуку и похоронить по первому разряду. У меня, наверное, больше никогда не будет времени заниматься литературными упражнениями.

Нас неделю продержали в Рио на карантине. Если бы не этот человек из Фонда, который был с нами, они, пожалуй, так бы и продолжали нас держать. Однако, обращались с нами вполне уважительно, этого у них не отнимешь. Сам Император Бразилии Дон Педро III от имени Объединенной Системы нацепил каждому из нас медаль Ричардсона, это действие сопровождалось речью, из которой было понятно, что, хотя он не совсем понимает, кто мы, собственно, такие, и где мы, собственно, были все это время, но, тем не менее, он высоко оценивает наши труды.

Но мы привлекли значительно меньше внимания, чем я ожидал. Нет, я совсем не хочу сказать, что журналисты нас игнорировали; они снимали нас, они взяли у каждого из нас интервью. Однако, единственная статья, какую я прочитал, носила название: ТРЕТЬЯ ТАЧКА РИПОВ ВАН ВИНКЛЕЙ.

Репортер, или кто там это писал, очень веселился, а я бы со всей охотой запихнул статью ему в глотку. Получалось, что и одеты мы забавно, и речь у нас забавная, и все мы такие трогательно старомодные и такие, знаете, чуть лопушистые. Фотографию, иллюстрировавшую статью, сопровождала подпись: «Шапки долой, пижоны! Дедушка вернулся!» Другие статьи мне читать не хотелось. Дядю Альфа это не трогало; не думаю, что он вообще-то что-нибудь такое заметил. Он просто рвался увидеть Селестину.

– Надеюсь, – шутливо, но наполовину и серьезно, сказал он мне, – что девочка умеет готовить, как умела ее мама.

– Вы будете жить вместе с ней? – спросил я.

– Конечно, мы же всегда жили вместе.

Это было так естественно, что я не знал, что и возразить. Потом мы обменялись адресами. Это тоже было естественно, но в то же время и странно – у нас всех давно не было другого адреса, кроме «Л.К.» Но я обменялся адресами со всеми и взял себе на заметку найти близнеца Дасти, если только он еще жив, и сказать ему, что он может гордиться своим братом. Возможно, в Фонде знают, где он живет.

Когда нас наконец отпустили на волю и появилась Селестина Джонсон, я ее не узнал. Я просто увидел, что какая-то высокая, красивая пожилая женщина бросилась вперед и обняла дядю Альфа, почти оторвав его от земли; у меня на мгновение даже мелькнула дурная мысль, что надо его спасать. Но тут она обернулась, поймала мой взгляд и улыбнулась, и тогда я заорал:

– Лапочка!

Она улыбнулась еще шире, и я почувствовал, как на меня накатывает волна любви и доброты.

– Привет, Томми. Как хорошо, что ты здесь.

Чуть позже я обещал заехать к ним, как только появится возможность, и распрощался; сейчас я им был не нужен. Меня самого никто не встречал. Пэт был слишком стар и никуда не ездил, а Вики – слишком молода, ей еще не разрешили ездить одной. Что касается Молли и Кэтлин, то, как я сильно подозреваю, их мужья не видели в этом необходимости. Как-то так вышло, что оба они недолюбливали меня. Я, принимая во внимание ситуацию, не могу их в этом винить, несмотря даже на то, что уже давно (для них многие годы) я не могу

телепатически разговаривать с женщинами иначе как с помощью Вики. Но, повторяю еще раз, я их не виню. Если телепатии суждено когда-нибудь широко распространиться, такие случаи могут создать уйму семейных неурядиц. А кроме того, контакт с Вики у меня был в любой момент, когда пожелаю. Я сказал, чтобы она и не думала, мне даже и не хочется, чтобы меня встречали. Вообще говоря, почти никого из нас, кроме Дяди, никто не встретил, кроме представителей Ф.Д.П. После отлучки в семьдесят один год, нас просто некому было встречать. Но жалые всех мне было Капитана Уркхардта. Я обратил внимание на него, когда мы, покинув карантин, поджидали своих гидов-переводчиков. Он стоял совершенно один. Никто не был один, все оживленно прощались, но у него не было друзей – думаю, он не мог себе позволить дружить с кем-нибудь на борту, даже тогда, когда не был еще Капитаном.

И такой он был одинокий, несчастный и мрачный, что я подошел к нему и протянул руку.

– Я хотел бы попрощаться с Вами, Капитан. Было большой честью служить под Вашим командованием, честью и удовольствием. – Я не кривил душой, в этот момент я и вправду так считал.

Сперва его лицо выразило изумление, потом на нем появилась улыбка, улыбка настолько непривычная, что я уже начал опасаться – не треснет ли от нее лицо. Уркхардт схватил мою руку и сказал:

– И для меня, Бартлет, это было большим удовольствием. Желаю Вам всяческого счастья и удачи. Ээ... а чем Вы планируете теперь заняться?

Он произнес это с искренним интересом, и я вдруг понял, как ему хочется поговорить, просто поболтать с кем-нибудь.

– У меня нет пока никаких определенных планов, Капитан. Сперва поеду домой, потом, наверное, пойду учиться. Я хочу поступить в колледж, но, скорее всего, сначала надо будет многое подогнать. Ведь за это время столько изменилось.

– Да уж, столько изменилось, – очень серьезно согласился Уркхардт. – Нам всем надо будет многое подогнать.

– А какие планы у Вас, сэр?

– У меня нет никаких планов. Совсем не знаю, чем я могу заняться.

Уркхардт сказал это очень легко, просто констатируя факт; было видно, что он говорит правду, и меня захлестнула волна жалости. Капитан факельного корабля – специальность узкая до крайности, и вдруг оказывается, что таких кораблей больше не будет. Это, как если бы Колумб вернулся и обнаружил, что вокруг одни пароходы. Смог бы он снова выйти в море? Он не нашел бы даже мостик на пароходе, уж не говоря о том, – что делать, забравшись на этот мостик?

В нынешнем мире не было места для Капитана Уркхардта, он представлял собой анахронизм. Один прощальный обед, а потом – очень Вам благодарны, спокойной ночи.

– Наверное, я могу выйти в отставку, – продолжил он, глядя куда-то в сторону. – Я тут прикинул, сколько жалования накопилось у меня за это время – получается просто неприлично большая сумма.

– Да, наверное, очень много, сэр. – Свои деньги я не считал; их получал за меня Пэт.

– Да какого черта, Бартлет! Я же совсем не старый, мне рано в отставку.

Я посмотрел на Уркхардта. Он никогда не казался мне особенно старым, да и вправду не был таким, в отличие от Капитана – Капитана Свенсона. Ему было, пожалуй, около сорока, – если по корабельному времени.

– Слушайте, Капитан, а почему бы и Вам не пойти учиться? Вы можете себе это позволить. Вид его стал несчастным.

– Может, так я и сделаю. Наверное, так мне и надо сделать. А то пошлю все к чертовой

матери и эмигрирую. Говорят, теперь большой выбор мест. – Вполне возможно, я тоже в конце концов так и сделаю. Здесь, если кому и интересно мое мнение, стало совсем уже тесно. Я все вспоминаю Конни, и как красиво смотрелся залив Бэбкока. – Действительно, я думал о Конни всю ту неделю, что мы провели на карантине. Если Рио был типичным образцом, на Земле теперь, пожалуй, и плюнуть некуда; мы находились прямо в Сантусе, а нам говорили, что это Рио; все побережье слилось в один огромный, на многие сотни километров, город. – Вернись мы к заливу Бэбкока, были бы там самыми старыми колонистами.

– Возможно, так я и сделаю. Да, вполне возможно. – Но вид у него все равно оставался потерянным.

Наши гиды-переводчики получили указание развезти нас по домам, или куда уж там мы хотели направиться, но свою я отпустил на все четыре стороны, как только получил билет домой. Она была страшно внимательной и страшно заботливой, и страшно мне надоела. Обращалась она со мной как с чем-то средним между дедушкой, которому надо помочь перейти улицу, и маленьким мальчиком, которому надо все объяснять. Не то, чтобы мне не надо было ничего объяснять, но все-таки.

И когда на мне была одежда, на которую не станет пялиться каждый встречный, я захотел передвигаться самостоятельно. За неделю она натолкала в меня системного языка достаточно для того, чтобы объясниться по простейшим вопросам; я лелеял надежду, что мои ошибки будут восприниматься как особенности некоего местного диалекта. Вообще-то оказалось, что системный, если не говорить о самых его возвышенных вариантах, это все тот же ПЛ, ну разве чуть-чуть пообтесанней, с горсткой новых слов. Иными словами – тот же английский, подрезанный, причесанный и расширенный для употребления в качестве международного профессионального жаргона.

Так что я поблагодарил синьориту Герра, попрощался с ней и помахал своим билетом перед носом сонного контролера. Тот ответил мне по-португальски, я тупо посмотрел на него, тогда он сказал нечто вроде: – Туда-вниз-направо. Спросишь кого-нибудь.

– Скоро я буду дома.

И все равно, как-то получилось, что все, находившиеся на борту, знали, что я – Рип Ван Винкль, и стюардесса настояла на том, чтобы помочь мне при пересадке. Но все были очень приветливы и никто надо мной не смеялся. Один парень все интересовался колонией, организованной на Капелле VIII, и не мог понять, как это я не бывал там, если так долго пробыл в космосе. Я попытался объяснить ему, что Капелла находится в прямо противоположной части неба и в доброй сотне световых лет от тех мест, где был я; объяснить не удалось.

Теперь я начал понимать, почему в газетах не было такого уж взрыва интереса к нам. Сейчас все были увлечены планетами, пригодными для колонизации, чуть не каждый день появлялась новая, так чего же ради так уж радоваться одной-единственной, которую мы нашли шесть десятков лет тому назад? Или даже той, которую мы нашли несколько месяцев тому назад, и которая не шла ни в какое сравнение с теми, которые находили теперь буквально пачками? А что касается полетов к звездам, – в каждом выпуске новостей сообщения о новых стартах.

Все, что мы сделали, – короткий абзац в истории и небольшая сноска на одной из страниц учебника физики; в новостях для нас места нет. Подумав, я решил, что даже сноска – это очень и очень прилично, а потом мне как-то надоело думать о прошлом.

Вместо этого я начал размышлять о переобучении, которое мне предстояло и которое, как до меня понемногу доходило, будет очень и очень серьезным; в мире произошло значительно больше перемен, чем я мог ожидать. Вот взять, например, стиль женской одежды – я, поверьте, совсем не пуританин, но в мое время так не одевались, если это можно назвать одеванием.

Девушки при всем честном народе расхаживали без ничего на голове, хотя бы на макушке... голые головы, словно у животных.

Слава Богу, отец не дожил. Он-то никогда не разрешал нашим сестрицам и за стол садиться без шляпы, даже дома, даже если за столом не было неженатых мужчин, кроме нас с Пэтом.

Или погода. Знал я, конечно, что Ф.Д.П. работает над этой проблемой, но мне никогда и в голову не приходило, что у них может что-нибудь получиться. Неужели никому не кажется скучноватым, что дождь бывает только ночью? Или еще грузовики. Ясно, что от грузовика требуется только одно – чтобы он перетаскивал грузы из одного места в другое. Но все равно без колес они кажутся какими-то не очень надежными.

Интересно, сколько времени потребуется, чтобы последнее колесо исчезло с лица Земли?

Только я пришел к разумному выводу, что как ни крутись, а придется привыкать ко всему этому, и тут проходившая мимо меня стюардесса положила мне что-то на колени. Когда я взял это «что-то» в руки, оно заговорило. Это был просто сувенир на память о поездке.

Городской дом Пэта раз в восемь больше той квартиры, где мы жили когда-то всемером; я решил, что хоть какая-то часть денег у него, видно, сохранилась. Робот-дворецкий принял у меня шляпу и ботинки, а потом проводил к хозяину.

Вставать Пэт не стал. Не уверен, что он мог встать. Разумеется, я знал, что он стар, но все равно не ожидал увидеть такого старика. Было ему, дайте прикинуть, восемьдесят девять. Да, это точно, скоро будет наш девяностый год рождения.

– Привет, Пэт. – Я пытался вести себя непринужденно.

– Привет, Том. – Он тронул подлокотник своего кресла, и то покатилося мне навстречу. – Не двигайся, стой немного так и дай мне хорошенько тебя осмотреть. – Он осмотрел меня с головы до ног, потом произнес несколько удивленно: – Разумом я, конечно, понимал, что ты почти не изменишься за все эти годы, но увидеть это собственными глазами, осознать это – совсем другое дело, согласен? «Портрет Дориана Грея».

Голос у него тоже был старый.

– А где семейство? – спросил я, начиная ощущать неловкость.

– Я велел девицам малость подождать. Хотелось сперва увидеться со своим братом один на один. А если ты так уж мечтаешь увидеть Грегори и Ганса, за обедом у тебя будет эта блестящая возможность. А пока, ну их в болото, поболтай лучше немного со мной. Это же как много прошло времени. – В его глазах стояли слезы, стариковские слезы, которые так легко появляются, и я от смущения не знал, куда деваться.

– Я понимаю, что много.

Вцепившись в подлокотник, он сильно наклонился.

– Скажи мне только одно. Здорово было?

Перед моими глазами пробежали доктор Деверо, мамочка О'Тул, бедняжка Пру, которая так и не успела стать взрослой, по-настоящему взрослой. И дядя Стив. Потом, сделав усилие, я прогнал их и сказал то, что хотел услышать Пэт:

– Да, это было здорово, очень здорово.

– Вот и слава Богу, – вздохнул он. – Сам-то я давно уже перестал жалеть. Но было бы страшно обидно, если бы все зря.

– Было очень здорово.

– Вот это я и хотел услышать. Я сейчас позову девиц. Завтра мы осмотрим наш завод и я познакомлю тебя со всеми ключевыми людьми. Ты не подумай, я не ожидаю, что ты сразу возьмешь все в свои руки. Если хочешь – устрой себе сперва хороший долгий отпуск. Но не очень долгий, Том. Ведь я, наверное, очень постарел. Мне теперь трудно смотреть вперед, думать о будущем.

Вот так-то до меня дошло, что у Пэта все, как обычно, спланировано.

– Секунду, Пэт. Показав свой завод, ты доставишь мне большое удовольствие, и даже окажешь честь. Но не очень рассчитывай на меня. Сперва я пойду учиться. А потом – потом и увидим.

– Что? Не устраивай глупостей. И не называй его «мой», это «Братья Бартлет, Инкорпорейтед». И с самого начала так и было. Ты отвечаешь за этот завод не меньше, чем я.

– Ты, Пэт, успокойся. Я же просто...

– Молчать! – Голос у него был тонкий, визгливый, но в нем все еще слышались начальственные нотки. – Я не собираюсь, молодой человек, выслушивать всю эту Вашу чушь. До сих пор все было по-Вашему. Вы совершили долгую увеселительную прогулку. Не станем вспоминать, каким образом Вы этого добились. Что было, то прошло. Но теперь пришло время Вам немного повзрослеть и принять свою долю ответственности за семейное дело. – Тяжело дыша, Пэт смолк. Затем он продолжил тихо, словно разговаривая сам с собой. – У меня нет сыновей, у меня нет внуков, все приходится тащить одному. И чтобы мой брат, мой собственный брат... – Голос его совсем стих. Я подождал и взял Пэта за плечо. Плечо это было сделано словно из спичек, моя рука разжалась. Но я твердо решил объясниться с Пэтом раз и навсегда; я сказал себе, что так будет милосерднее.

– Пэт, послушай меня. Пойми все правильно и не считай меня неблагодарной свиньей. Просто я хочу сам жить свою жизнь. Попытайся меня понять, компания «Братья Бартлет» может оказаться частью этой жизни, а может и не оказаться. Вполне возможно, что не окажется. И решать буду я. Никто никогда не будет мне указывать.

Он отмел мои возражения, как нечто, не заслуживающее внимания.

– Ты сам не знаешь, чего ты хочешь. Ты еще совсем мальчик. Ладно, не важно, поговорим об этом завтра. Сегодня у нас день радости.

– Нет, Пэт, я не мальчик. Я мужчина. И тебе придется привыкнуть к этому. Я могу наделать ошибок, но это будут мои собственные ошибки. Никто не будет мне указывать, что делать.

Он не смотрел на меня.

– Я говорю серьезно, Пэт, – настаивал я, – я говорю настолько серьезно, что, если ты не согласишься и не смиришься с этим, я встану и уйду. Прямо сейчас. Навсегда.

Вот теперь он поднял на меня глаза.

– Ты не можешь так поступить со мной.

– Я могу.

Он взгляделся с мои глаза.

– Да, ты можешь. Ты всегда был злым. У меня была с тобой уйма неприятностей.

– Я и остался злым, если ты считаешь, что это – подходящее слово.

– Да... Но ведь ты не можешь поступить так с девочками. Например, с Вики?

– Придется, если ты меня к этому вынудишь.

Секунду Пэт глядел мне в глаза, затем плечи его как-то сникли, он закрыл лицо руками. Казалось, он сейчас заплачет, и я чувствовал себя каким-то дерзким типом, измывающимся над стариком. Не зная, что делать, я похлопал его по плечу, жалея уже, что не остановился вовремя, хотел обязательно все ему высказать. Припомнил я и то, что именно он, этот хрупкий старик, рисковал здоровьем, и, больше того, рассудком, чтобы выйти на связь со мной во время первого пика и, припомнив, подумал, ладно, если уж Пэту так хочется – доставлю ему удовольствие. Ведь ему, в конце концов, и жить-то осталось немного.

Нет!

Неправильно это, когда один человек подчиняет своей воле другого. И не важно, пользуется он для этого своей силой или слабостью. Я это я, и я снова полечу к звездам. Неожиданно у

меня исчезли все сомнения. Да, конечно, сначала колледж – но я полечу. Я благодарен этому старому человеку, я обязан ему, но это не значит, что я обязан определять свою жизнь по его желаниям. Это – мое, и только мое. Я взял его за руку и сказал:

– Прости, Пэт.

Не поднимая лица, он ответил:

– Ничего, Том. Пусть будет по-твоему. Все равно очень хорошо, что ты вернулся, пусть даже на своих условиях.

Мы еще чуть поговорили о всякой ерунде, потом робот принес мне кофе; сам Пэт пил молоко. Еще чуть позже Пэт сказал:

– Я сейчас позову девиц. – Тронув ручку кресла, он произнес несколько слов. Первой вошла Молли, за ней Кэтлин. Я никогда их не видел, но узнал бы где угодно. Молли все еще была красивой, хотя ей шло уже к семидесяти. Кэтлин было лет сорок, но выглядела она младше. Нет, пожалуй, не так, она выглядела на свой возраст и несла этот возраст с достоинством королевы. Держась за мои руки и привстав на цыпочки, Молли поцеловала меня.

– Как хорошо, что ты вернулся домой, Том.

– Мы все очень рады, – согласилась Кэтлин, и ее слова эхом отозвались в моем мозгу. Она тоже поцеловала меня, а затем сказала уже обычным голосом. – Так вот, значит, какой у меня престарелый и нестареющий двоюродный дядюшка. Том, глядя на тебя, мне хочется иметь сына. Ты совсем не похож на дядюшку, я никогда не буду больше называть тебя «дядя».

– Я и сам не чувствую себя дядюшкой. Ну, разве что, по отношению к Молли. У Молли на лице появилось удивление, потом она прыснула, совсем как девочка.

– Хорошо, дядя Том. Я не буду забывать про твой возраст и буду относиться к тебе с уважением.

– А где Вики?

– Я здесь, дядя Том. Сейчас приду.

– (Побыстрее, красавица.)

Кэтлин резко глянула на меня, но ничего не сказала. Наверняка она не хотела подслушивать. Она ответила:

– Вики сейчас придет, Том. Ей хочется чуть-чуть привести в порядок свое лицо. Ты же знаешь девушек.

А знал ли я? Вики появилась буквально через мгновение.

Веснушек не было и в помине, ровно как и шинки на зубах. Рот не был большим. Он ей просто идеально подходил. А морковные волосы, источник стольких ее волнений, превратились в огненную корону.

Она не стала меня целовать, она просто подошла ко мне, словно кроме нас с ней здесь никого больше не было, взяла меня за руки и посмотрела мне в глаза.

– Дядя Том. Том.

– (Конопатая.) Не знаю, сколько уж времени мы изображали из себя статуи. Потом она сказала (молча):

– Когда мы поженимся, со всей этой штукой насчет на-расстоянии-во-много-световых-лет-друг-от-друга будет покончено. Ты меня хорошо понял? Куда отправишься ты, туда и я. Хоть к этому заливу Бэбкока, если тебе так уж хочется. В любом случае, я пойду с тобой.

– А? Когда это ты решила выйти замуж за меня?

– Ты, кажется, совсем забыл, что я читала твои мысли с самых малых своих лет. И делала это значительно тщательнее, чем ты думаешь. И продолжаю этим заниматься.

– А как же Джордж?

– А никак Джордж. Он просто моя выдумка, когда я считала, что ты вернешься только

тогда, когда я буду уже старухой. Так что забудь про Джорджа.

– (С радостью.)

Наше «ухаживание» продолжалось целых двадцать секунд. Не выпуская моих рук, Вики сказала вслух:

– Мы с Томом поедem сейчас в город и поженимся. Приглашаем всех вас с собой.

Так мы и сделали.

Я видел, как после церемонии Пэт внимательно присматривался ко мне, пытаясь оценить новое положение вещей и размышляя, как бы использовать его в своих интересах. Правда, Пэт не разобрался еще в новой ситуации; если кто и будет теперь помыкать мной, то во всяком случае не он. Вики говорит, что в ближайшее время я буду ее стараниями «совсем тип-топ». Хотелось бы надеяться, что у нее ничего не получится, однако надежды мало. Ну, а если получится – что ж, придется к этому приспособиться. Я и не к такому приспособлялся.

notes

Notes

Дамон и Финтийгреческие философы, неразлучные друзья, жившие в IV в. до н.э. в период царствования Дионисия II Сиракузского. Один из них, не раздумывая, согласился принять смерть за другого, после чего растроганный император помиловал их обоих.

Ромул и Рем – братья, согласно легенде, переданной Титом Ливием, основавшие в 753 г. до н. э. Рим/

Декстрокардия – правое положение сердца в грудной клетке.

Сарсапарель – 1) корень тропического растения, произрастающего в Америке; 2) нежный напиток, приготовляемый с добавлением экстракта этого корня.

Цирцея – самый большой из астероидов.

Теория вероятности на совести автора. – Прим. пер.